

КИДНЕР ПАУЛИНА
История барсучихи.

Annotation

О забавных приключениях людей и зверей в Центре по спасению животных, о полной забот будничной жизни небольшой фермы в английском графстве Сомерсет, о печальных и даже драматических событиях, которые, к сожалению, там тоже случаются, рассказывает эта добрая, ироничная, веселая и одновременно грустная книга английской писательницы, пронизанная искренней любовью к природе.

- [Паулина Киднер](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-

Паулина Киднер

История барсучихи

С любовью посвящаю троим мужчинам, на которых держится наш дом, — мужу Дереку и двум маленьким сыновьям — Дэниелу и Симону, не ведавшим босоногого детства (потому что лисята и барсучата очень любят кусать за пальцы) и даже в столовую вынужденным ходить в высоких сапогах. Они с готовностью брали на себя заботу о моих питомцах, когда мне случалось отлучаться из дому, и всегда охотно предлагали помощь, когда одной моей пары рук явно не хватало. ИСКРЕННО БЛАГОДАРЮ ЗА ВСЕ, ЧТО ВЫ ДЛЯ МЕНЯ ДЕЛАЛИ!

Автор

Предисловие

Немало на свете таких людей, которые думают, будто ухаживать за осиротевшими и попавшими в беду дикими зверюшками — сущие пустяки: мол, накормишь, напоишь, а дальше хоть целый день бей баклуши. Советую всем, кто придерживается подобного мнения, прочитав эту книгу и еще раз задуматься: сколько же для такого занятия нужно сил, заботливости, самоотверженности, не говоря уже о чувстве юмора и готовности посвятить этому делу всю жизнь! Позвольте же представить вам чету Киднер — Паулину и Дерека, наделенных вышеперечисленными добродетелями, не побоюсь сказать, с избытком.

Наша первая встреча состоялась, когда мне потребовалось заснять молодого барсука, выискивающего личинок в полой коряге. Прослышав, что у четы Киднер на ферме в Сомерсете живет молодая барсучиха по кличке Блюбелл (что значит Колокольчик), которую они подобрали осиротевшим детенышем, я немедленно позвонил туда. День-два работы — и один из задних дворов фермы превратился в подобие нехоженого лиственного леса. И вот я лежу плашмя на земле, вожусь со своими колдовскими штуками, а тем временем не в меру любопытная барсучиха принюхивается к моим ушам: уж там-то точно скрываются самые вкусные, личинки! Пока я снимал, Паулина беспрестанно носилась туда-сюда, то подтирая лужицы за лисятами и детенышами норки, то кормя белок, черепах, хрюшек, цыплят, умудряясь при этом угощать нас кофе с домашним печеньем и сохраняя безмятежное спокойствие и дружелюбие, будто вертеться как белка в колесе для нее в порядке вещей.

Впоследствии Дерек и Паулина еще не раз выручали меня, и я, как никто другой, понял, что такая суматошная жизнь для этой четы и в самом деле в порядке вещей и только бесконечная преданность животным позволяет им, несмотря на все, оставаться дружелюбными приветливыми. А впрочем, главный секрет обаяния Паулины заключается, по-моему, в неистребимом чувстве юмора, которое пронизывает всю ее личность. Благодаря этому она легче переносит трагедии осиротевших и покалеченных зверюшек, их горести и напасти быстро излечиваются теплом ее ласковых, добрых рук. Иной раз досадно даже: зачем я не барсучонок или не детеныш косули? Мне было бы так хорошо и уютно на гостеприимной ферме заботливой Паулины!

Только вот такая штука: прокорм животных, ветеринарное обслуживание, отопление и изготовление клеток и загонов для многочисленных обездоленных созданий влетает Паулине в копеечку. Большая часть «черновой» работы, которая делается на ферме, скрыта от глаз публики и проводится исключительно на средства, заработанные хозяевами. Увы, этого не хватает на содержание всей многоголосой оравы, численность которой к тому же постоянно возрастает, — бюджет четы Киднер напряжен так, что вот-вот лопнет! Но упорство духа, присущее Паулине, привело к созданию «Общества Блюбелл». Вступайте в это общество покровительства животным, и вы проникнетесь гордостью от сознания того, что внесли свой вклад в дело сохранения дикой фауны. А если будет возможность и желание побывать на ферме Нью-Роуд, вас примут как почетных гостей, со всеми вытекающими отсюда приятными последствиями. Подробности об условиях вступления в «Общество Блюбелл» смотрите на последней странице данной книги.

Симон Кинг

Симон Кинг снимает фильмы о жизни дикой природы вот уже более тринадцати лет. Властности, он снял фильмы «Прогулка по дикой стороне» («Walk on the Wild Side») для Би-би-си-1 и «Следы» («Tracks») для Би-би-си-2. Он также работал над фильмом «Испытания жизни» («Trials of Life») для Би-би-си-1. В 1994 г. вышла его книга «Путеводитель по дикой природе, или Как наблюдать за дикими животными в Британии».

Глава первая

Ферма Нью-Роуд, или Как все это начиналось

«ФЕРМЕРУ С ТРЕМЯ ДЕТЬМИ СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩНИЦА ДЛЯ РАБОТЫ НА НЕБОЛЬШОЙ МОЛОЧНОЙ ФЕРМЕ. ЖЕЛАТЕЛЬНО — УМЕЮЩАЯ ВОДИТЬ МАШИНУ. ОБРАЩАТЬСЯ: П/Я 418».

Вот так выглядело объявление, которое позвало меня в дорогу. Накануне я переговорила по телефону с подавшим его фермером, договорилась о встрече на следующий день и теперь, темным ноябрьским вечером 1977 года, ехала по глухим уголкам Сомерсета. Мой

собственный брак распался, и я, временно проживая с родителями, искала заработка: ведь у меня на руках остались двухлетний сын и шестилетний красный сеттер. Сельская жизнь не была мне в новинку: после окончания школы я два года работала дояркой, и мне — не сочтите это за хвастовство — нравилось доить целое стадо джерсийских и гернсийских коров да еще присматривать за квохчущей оравой несушек, потомство которых плодилось не по дням, а по часам. Смешно, ей-богу, что я и моя сестра пошли на ферму — весьма экстравагантно со стороны дочерей полицейского, лишенных каких бы то ни было деревенских корней!

Я вкатила в ворота старой, выдавшей виды фермерской усадьбы, и свет фар заблестел в многочисленных лужах. Встревоженный моим вторжением, на меня накинулся с лаем невообразимо грязный такс. Но вот в дверном проеме вспыхнула полоса света, и мне навстречу вышел Дерек. Он полюбился мне с первого же взгляда — высокий, темно-русый, с улыбающимися глазами, смягчавшими его бородатую физиономию. Подхватив на руки псину, я вошла на кухню, где стояла старая печь «Рейберн», от которой струилось тепло (как я выяснила впоследствии, кухня была единственным теплым помещением во всем доме, насчитывавшем восемь спален). Детишки играли в лото в гостиной — перед гудящим камином, нещадно и бесполезно поглощавшим полешки, а мы с Дерексом сидели в кухне за чашкой кофе и расспрашивали друг друга о житье-бытье. Оказывается, супруга Дерекса ушла к другому, оставив на руках бывшего мужа, ферму и троих детей — четырех, семи и восьми лет, так что не нужно объяснять, как отчаянно нуждался он в помощи. Дерек с детьми жил на этой ферме всего шесть месяцев; прежде здесь жили его родители, перебравшиеся в небольшой дом по соседству. Наказав

мне не снимать куртку (!), Дерек повел меня на экскурсию по остальным комнатам, в большинстве из которых никто не жил. Полагаю, любого нормального человека вывели бы из себя осыпающаяся штукатурка и ободранные обои, но я уже так настроилась на получение этого места, что мое сознание не думало бунтовать. А главное, думала я, потребуется всего несколько мелочей, чтобы сделать это запущенное жилище куда более уютным — ну хотя бы абажур для лампочки, одиноко висящей на кухне! Да и Дерек понравился мне с первого взгляда — простите, что повторяюсь (позже он скажет — больше всего его тронуло то, что я взяла на руки замызганную собачонку, хотя была одета в роскошную куртку кремового цвета).

Мы еще немного поболтали на кухне и вдоволь посмеялись над досадными недоразумениями, возникшими в ходе вчерашнего телефонного разговора, — так, до него сразу не дошло, что «огненно-рыжая девчонка», о которой я вела речь, это вовсе не дочка, а красный сеттер по кличке Шина.

— Ну, а как насчет рекомендаций? — спросила я.

— Насчет рекомендаций... Хм... Если ты так настаиваешь, я, пожалуй, представлю одну.

— Так я же не про то... Я ждала, что ты сам меня об этом попросишь.

Короче, мы удивительно быстро договорились, что я переезжаю к нему на следующей неделе, и в знак этого ударили по рукам. Главное, чтобы наши псы и детишки нашли между собой общий язык, а остальное приложится.

С того момента, как я со всем семейством (и в комплекте с абажуром) переехала к Дереку, дни понеслись будто мгновения. Мой сынишка Симон быстро подружился с младшим сыном Дерекы Дэниелом, хотя тот старше его на два года, да и характеры у них совершенно несхожи — впрочем, таковыми они

остаются и по сей день. Что же касается двух старших детей Дерека — погодков Келли и Бэрри, — то это были типичные брат и сестра, которым подчас доставляло удовольствие подтрунивать друг над другом, но стоит, тебе сказать о ком-то из них что-нибудь нелестное, как брат тут же встанет горой за сестру и наоборот. Ну, а Шина нашла очень забавным Чатни (так звали облаявшего меня и обласканного мною такса), как и он ее. А коль скоро дети и собаки не скандалили и не ссорились (по большей части), а мы с Дерексом с первой же встречи почувствовали, будто прожили вместе много лет, то вскоре мы стали семьей.

А что в этом удивительного? У нас с Дерексом столько общего! Мы оба любим сельский труд и животных. Мы оба остались с продырявленным сердцем после неудавшихся браков, так что каждому из нас особенно ценно, чтобы партнер был еще и добрым другом. В общем, вскоре мы зажили дружной семьей (правда, если уж признаться честно, дом так и остался холодным: одним теплом любящих сердец его не натопишь), но прошло несколько лет, прежде чем мы официально оформили наши отношения, — это произошло в 1981 году. О детях я еще расскажу в свой черед; забегая вперед, замечу, что мое прибытие внесло в их жизнь кардинальные перемены: во-первых, были введены в употребление водяные грелки, а во-вторых, к их рациону добавилось арахисовое масло; и тем и другим юное поколение осталось весьма довольным.

Приближавшиеся рождественские праздники принесли с собой приятные хлопоты по выбору подарков и приготовлению — впервые в нашей совместной жизни — всех подходящих по сему случаю вещей. Мы дружно клеили елочные гирлянды, делали игрушки, покупали подарки и тщательно упаковывали их в четыре чулка — по числу теперь уже общих детей.

Столько всего успели за короткое время! Кстати, это было первое Рождество, когда родители Дерека не жили на ферме, а в прошлые годы к рождественскому ужину всегда приезжала сестра Дерека Розмари с семьей. Мы решили — пусть эта традиция сохранится и в наступающее Рождество, и в последующие годы.

Киднеры-старшие были простыми деревенскими людьми, вели бесхитростный образ жизни и кормились тем, что давала им земля. Более милой четы мне никогда прежде встречать не доводилось. С момента нашего знакомства они отнеслись ко мне как к родной дочери, а к Симоше — как к внуку. Прежде почтенный Киднер много и охотно помогал Дереку, но под старость силы стали уже не те, и, естественно, столько трудиться на ферме, сколько прежде, он уже не мог. Он быстро утвердился во мнении, что я — такая, как надо, особенно когда застал меня за посадкой лука: по-видимому, это занятие пользовалось в округе особым почетом. Кстати, и сама фамилия Киднер происходит от названия здешней местности, и я с уверенностью могу сказать, что всякий носящий такую фамилию приходится нам в той или иной степени родственником. Хотя одна из ветвей семейства перебралась в Норфолк, оставшаяся здесь ветвь тоже весьма представительна — я и теперь, будучи столько лет замужем за Дерексом, нахожу все новых и новых людей с такой фамилией.

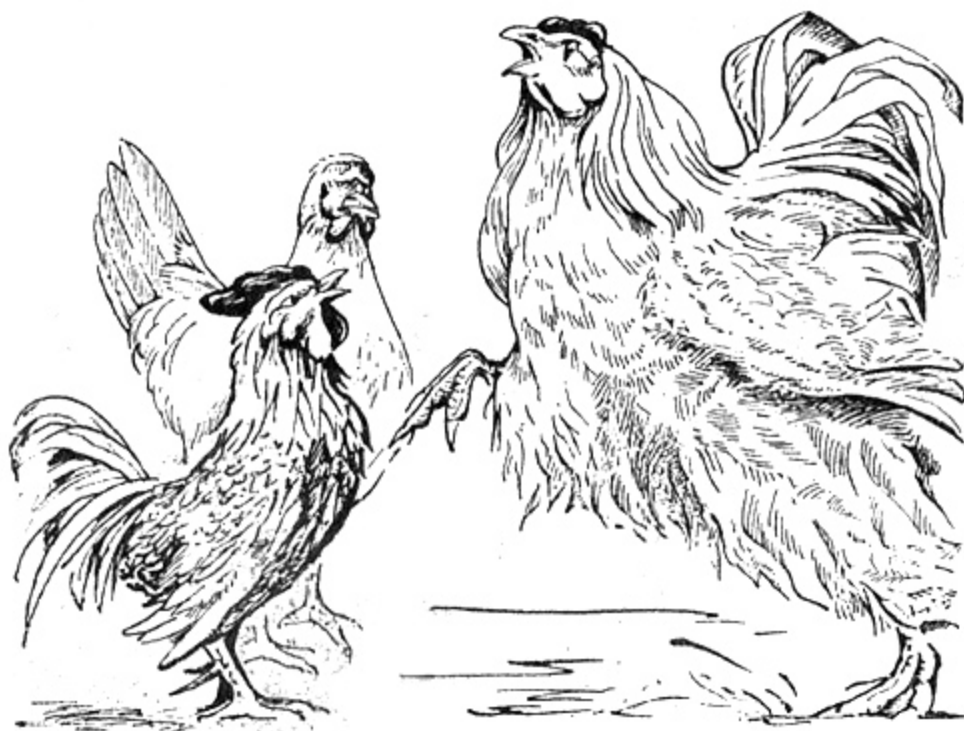
За рождественскими празднествами последовал новогодний снегопад, какого не видали уже много лет. В течение двух дней наша дорога была полностью закрыта для проезда; после этого стоило немалых усилий укатать ее трактором, чтобы можно было безопасно ездить. Зимой эта часть Сомерсет-Левелс выглядит еще наряднее, чем в другие времена года, — земля укуталась белым ватыным одеялом, длинные тонкие лозы ив, стоящих, словно часовые, по берегам протоков, разделяющих наши поля, украсили

хрустальные гирлянды сосулек. Кое-где намело сугробы высотой в пять-шесть футов — какое раздолье детишкам! Хочешь — катайся на салазках сколько душе угодно, а хочешь — лепи снежную бабу! Однако об этих приятностях зимы как-то забываешь, когда, ложась спать, заворачиваешься в шубу или когда тянешь застывшие ступни и кончик носа к камину, жадно поглощающему поленья и все равно не спасающему от сквозняков. В положенный срок метели сменились оттепелью; всякому, кто живет в старом доме со свинцовыми дренажными трубами, ведомы последствия этого. Вода во дворе стоит на уровне нескольких дюймов, хоть покупай лодку и учись грести! Когда же, пошлепав по воде, доберешься до дома, думаешь: как хорошо, что пол каменный, так легко протереть его шваброй.

С нами на ферме жила кошка Сьюзи (когда впоследствии определили, что это кот, имя пришлось сократить до Сью), которую не пускали в дом, и если ей каким-то образом удавалось пробраться, то на нее кричали, шикали, а то и прогоняли метлой. С наступлением же невиданных доселе холодов кошку, естественно, потянуло к домашнему теплу, как никогда прежде, и мой маленький Симоша никак не мог взять в толк, почему ее не пускают — у нас-то животные входили в дом свободно! Согласитесь, если тебе от роду всего два года, крайне трудно взять на руки кошку, которая почти с тебя ростом, и мой Симоша делал так: брал киску «под мышки» передних лап, а задними она уже сама шагала к печке, после чего победно устраивалась на самом теплом местечке, а мальчонка пугливо озирался, ожидая наказания. Впрочем, коренные обитатели фермы быстро примирились с тем, что порядки в их доме изменились, и Сьюзи стала привычным предметом кухонного интерьера; блаженно вытянувшись на полу, она напоминала полосатый

коврик. Нам даже удалось убедить Дерека, что неплохо бы обзавестись еще парой зверей-мышеловов, хотя бы на тех условиях, что проживать они будут вне дома. Так у нас появились Блэки — черный, словно уголь, и Бекки — милая киска цвета панциря черепахи. Они и в самом деле определились на жительство во дворе, но по мере приближения зимних холодов стали все настойчивее проситься в дом — кошки ведь отнюдь не глупые животные. Блэки стал любимцем Дерека и впоследствии был одним из немногих животных, по которому Дерек лил слезы, когда он умер. Ну а Бекки прожила с нами много лет.

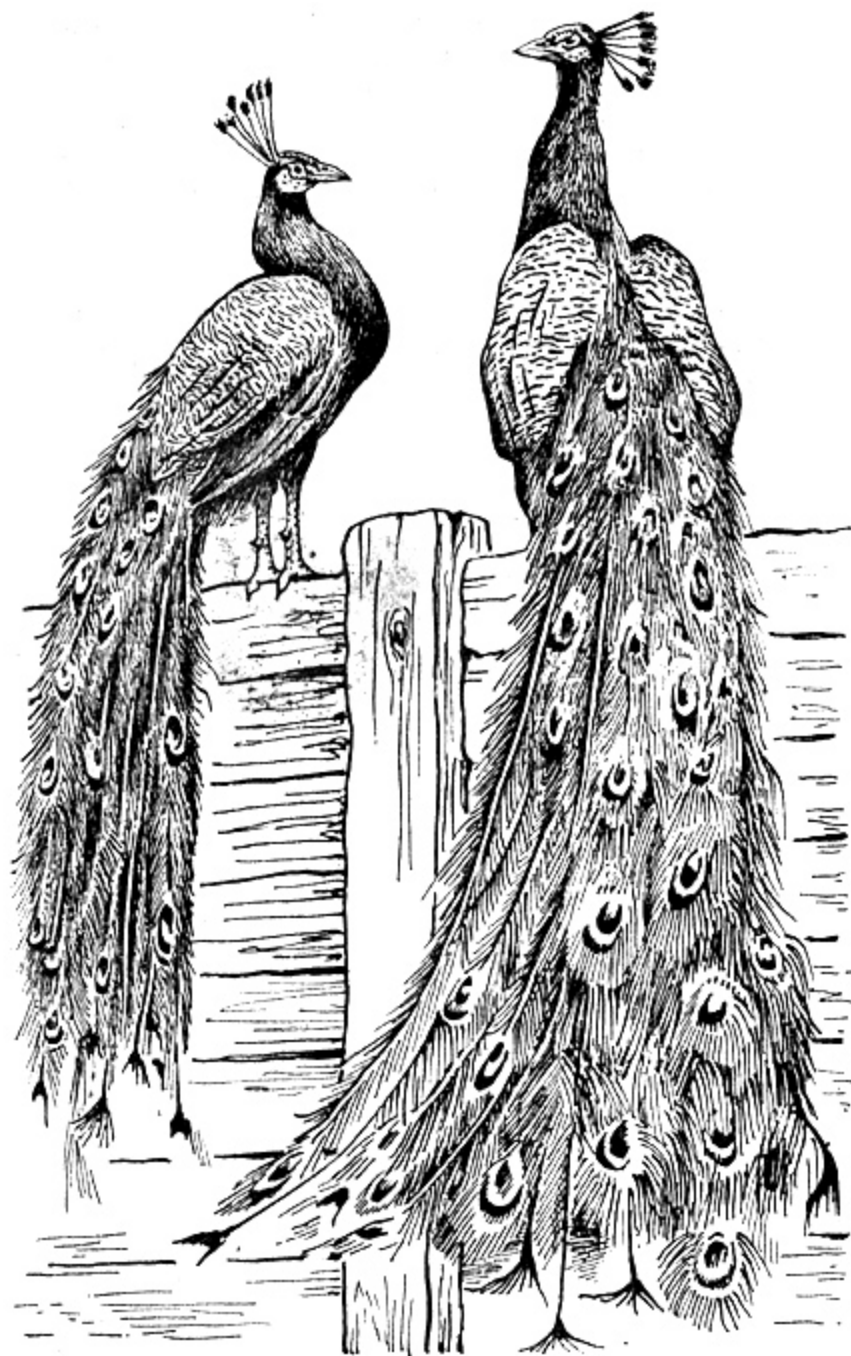
С новой весной в саду начала энергично пробиваться зелень, и оказалось, я даже не представляла, какое здесь многообразие растений. Сад у нас был большой, частично обнесенный каменной стеной; беда заключалась только в том, что разбит он был на глинистой почве и обращен на восток. В то время у нас был также большой огород, которого теперь нет. Я люблю находиться на воздухе и все больше втягивалась в хлопоты по ферме, особенно по мере того, как доля участия почтенного Киднера-старшего сокращалась. Чтобы за садом было легче ухаживать, на большей части территории мы посеяли газон и посадили цветы, и мне доставляло наслаждение разбивать и приводить в порядок клумбы. Зато надулся — мол, охота с ними возиться! — сын Дерека Бэрри, копия своего досточтимого дедушки. Тому нравилось все подстригать и обрезать. У миссис Киднер было в саду любимое дерево, но ее благоверный, решив, что оно слишком высоко, укоротил его. С тех пор оно ни разу не цвело.

Когда весенняя прохлада сменилась летней жарой, работу в саду мы стали все чаще откладывать на вечер, а днем мало-помалу занимались украшением нашего дома. Дерек дрожал от страха, когда я произносила, словно заклинание, фразу «Я думаю, что...», да и теперь боится ее как огня, поскольку это заклинание всегда предвещало новый виток работ. Скажем, есть у нас превосходный курятник, который только чуть подправить да подкрасить; но что в нем толку, если он стоит пустой? Купим кур да разведем цыплят! Сказано — сделано, и вот уже два десятка бурых хохлаток наперегонки несутся, подобрав перышки, когда я зову их обедать. Квочки сделались нашим хобби, которое переросло в навязчивую идею.

Увлекало уже одно то, что на свете бесчисленное множество видов кур и прочей домашней птицы. «Кудрявые» куры с оперением, как бы зачесанным назад; польские с большими помпончиками на голове;

«шелковые», состоящие почти из одного пуха — у них перышки только на крыльях. Всякий раз, когда мы покупали пару того или другого вида, мы неизменно замечали другие виды, которые нам нравились. В итоге за несколько лет нам удалось собрать коллекцию из сорока различных видов домашней птицы, в которую входили не только куры, но и гуси, и утки, и даже павлины.

Первую пару павлинов мы купили у местного фермера, причем Дерек никогда раньше не видел таких крупных птиц. Вооружившись мешком, чтобы посадить туда отловленных павлинов, он попросил фермера показать, как их надо отлавливать. Надо сказать, что взрослых птиц нельзя ловить за хвост: павлин вырвется,

хвост останется у тебя в руке, и придется заплатить за всю птицу, которую ты лишил главного украшения. «Как их ловить? Нет ничего проще! — заверил нас старик фермер с обветренным лицом и повел куда-то по грязному закоулку, — Вон они у меня там, в старом цыплятнике», — сказал он, показывая на крохотный сарайчик шести футов в длину, четырех в ширину. Дерек думал, что фермер из вежливости пропускает его вперед; но, судя по тому, как быстро захлопнул дверь, он понял, что это из практических соображений — помешкаешь с дверью, удерут еще! «Ну, теперь смотри, как это делается», — раздался изнутри голос фермера, за которым последовал такой душераздирающий крик павлина, какой даже трудно себе вообразить. Изо всех щелей дышавшего на ладан сарайчика повалили клубы пыли — удивительно, как еще стены не рухнули! Впрочем, вскоре дверь отворилась, и оттуда вылез изрядно помятый, но торжествующий Дерек, держа в руках мешок с двумя пойманными птицами. Судя по его внешнему виду, можно было подумать, что он только что с честью вышел из рыцарского поединка.

Самым забавным в деле составления коллекции домашней птицы были, пожалуй, не столько сами странствия по далеким и неизвестным уголкам, сколько разнообразные колоритнейшие характеры, которые можно встретить везде, куда бы ни заехал. А уж хитростей, как разводить, кормить и лечить птицу, мы выведали столько, сколько не вычитали бы ни в одной ученой книге. Мы побывали во многих местах, и повсюду люди, посвятившие жизнь разведению того или иного вида животных, всегда по первой просьбе охотно приходят на помощь и делятся секретами мастерства, на раскрытие которых они порою затрачивали годы. (Впрочем, отдельные мелочи ты открываешь и сам — скажем, если по весне ты приобретаешь павлинов, то стоит пустить их в огород,

как они тут же устроят гонку, кто первым доберется до грядок с цветной капустой; ну а если по недосмотру дорвутся до клумб, полных садовой желтофиоли, там уж точно останутся одни ряды безжизненных стеблей. Но это я так, к слову.)

Полку домашних пернатых нее прибывало, и, естественно, когда мы с Дерексом решили поехать отдохнуть, возникла проблема, на кого оставить всю эту кудахтающую и крякающую ораву. Мои родители, жившие неподалеку, любили садовничать, а папочка и вовсе был мастер на все руки, так что, навещая нас, они по мере сил помогали на ферме. Когда в 1980 году, решив устроить себе каникулы, мы с невинным видом попросили моих стариков приглядеть за фермой, они с готовностью согласились. Если бы они представляли, какую ношу на себя взваливают! Одних только птичников с разнообразными породами пернатых насчитывалось двадцать семь; все их полагалось закрывать на ночь. Но самое главное заключалось в том, что наши питомцы привыкли к определенному распорядку, и если он будет нарушен, то хлопот потом не оберешься — это, как говорят у нас в Англии, все равно что опрокинуть тележку с яблоками. Наши инстанции выглядели так: «Сначала прогоните гусей через сад и запряте в гусятнике (№ 15) и только после этого загоняйте уток в утятник (№ 7), а то гуси будут гоняться за ними. Утки с хохолками помешаются в утятнике № 6; но придержите Сиду (бурую утку со свисающими помпончиками), потому-что, если впустить его первым, он просто не даст войти остальным». И так далее, четыре мелко исписанных листа стандартной бумаги да плюс цветные планы с указанием дислокации и нумерации домиков — «для облегчения выполнения задачи». Удивительно, как это моя мама умудрилась не поседеть ко времени нашего возвращения.

Перед самым отъездом обнаружилось, что две мускусные утки отложили яйца в домике, где мы готовили сидр. Первая устроилась позади большой тракторной шины (и, пожалуй, могла бы стать добычей лисицы), а вторая выбрала более безопасное место, обосновавшись на чердаке. У каждой из них было по восемнадцать яиц. Мы не могли сказать с уверенностью, когда они отложили яйца, но надеялись, что ко времени нашего возвращения они успеют высидеть утят. Показывая маме домик, где мы готовили сидр, я убедила ее не слишком волноваться за утку, обосновавшуюся на чердаке: она каждый день будет слетать вниз за кормом и водой.

И вот наконец машина, нагруженная всяческой поклажей, со скрипом выехала за ворота фермы. Детишки взволнованно замахали руками на прощание родителям, старавшимся изобразить бодрую мину на лице: я знала, что кто-то из них сейчас пойдет доить коров, а кто-то — заниматься другим делом, одним из тысячи.

Благополучно доехав до места и распаковав багаж, я дождалась вечера и позвонила родителям, чтобы удостовериться, все ли в порядке. К телефону подошла мама — я слышала, как ее голос дрожал от возбуждения. Все нормально, мол, все пернатые загнаны в домики и надежно заперты. Может быть, не все размещены точно по своим жилищам, но на улице не остался никто. Я мысленно представила себе, как мои старики, вооруженные огромными сачками для бабочек, носятся туда-сюда по саду, отлавливая всех, кто на двух ногах!.. Уже после, нашего возвращения мама заверила меня, что проделывать это раз от разу становилось все легче — сперва кажется хлопотно, а потом привыкаешь. Но как выяснилось, главной причиной ее Тревог стала мускусная утка, устроившая себе гнездышко за тракторной шиной: на четвертый

день после нашего отъезда она вывела восемнадцать ярко-желтых утят, а мама не хотела сообщать мне об этом по телефону, чтобы я не волновалась. Когда на следующий вечер мама отправилась посмотреть на многочисленное семейство, ее ждал неприятный сюрприз: утят было всего пятнадцать. Их число уменьшалось с каждым вечером, так что ко времени нашего возвращения их осталось только девять. Мама корила себя — нужно было покрепче Запирать дверь да получше приглядывать за птенцами! Мы как могли утешили ее, сказав, что все это пустяки, и пошли навестить утку, устроившуюся на чердаке. И что же? Вот те на! У той не восемнадцать птенцов, а двадцать семь! Оказывается, любвеобильная мамаша попросту таскала детей у своей товарки, жившей за тракторной шиной. Как она затаскивала их на чердак, для нас так и осталось загадкой.

Тем не менее наше огромное пернатое хозяйство большого дохода не давало, и прокормить семью становилось все труднее. Как раз в это время британское правительство вводило меры по поощрению фермеров, выращивающих молочный скот, в надежде, что Британия сможет полностью обеспечить себя молочными продуктами. Мелким фермерам предлагались гранты, стимулирующие увеличение поголовья молочного скота. Дерек обратился в местную Консультативную группу по сельскому хозяйству и после продолжительных расспросов решился взять в банке ссуду на четыре года (согласно предложенной правительством схеме) на ремонт наших фермерских построек и на приобретение двадцати пяти фризских коров в дополнение к двадцати пяти уже имевшимся. Конечно, хлопоты наши сильно увеличивались, но мы пошли на это — мы были преданны ферме и не мыслили свою жизнь без нее. Дерек, конечно, нанял рабочих для

починки хозяйственных построек, но большую часть строительных работ он выполнил сам.

Между тем снова надвинулась зима, а с нею и новые заботы: коровы, которые мирно пасутся в теплое время года, теперь стоят в стойлах — их нужно кормить, за ними нужно убирать. В это время года всегда все идет наперекосяк. Однажды в пятницу, ближе к вечеру, Дерек закончил дойку, и мы уже собирались уезжать, как вдруг заметили, что животные ведут себя беспокойно. Уж не к несчастью ли? — не на шутку встревожились мы, полагая, что такое поведение животных предвещает чью-то болезнь, а то и смерть. У нас была телка на сносях — ее решили не отделять от основного стада, пока не придет время телиться. Увидев, что ворота во двор отворены, она вышла наружу и поплелась к сенному сараю. Дерек помчался за мной, чтобы вместе загнать ее назад; когда мы вернулись, она шествовала по узкой тропке, отделявшей сарай от четырехфутовой кирпичной стены, а позади сарая была глубокая яма для цемента. Дерек вскочил на стену и принялся прыгать и кричать, рассчитывая повернуть ее обратно; но, к несчастью, она не обращала на него ни малейшего внимания и продолжала двигаться вперед, словно заводной бычок. Тут я с ужасом увидела, как телка кинулась на моего супруга и тот упал, исчезнув из вида; мне даже померещилось, что кирпичная стена колыхнется. На миг, показавшийся мне целой вечностью, воцарилась тишина. Когда я подбежала к Дереку, он уже поднялся на ноги, но было видно, что у него повреждено плечо. Пытаясь перевести дыхание, он ошалело взирал на то, как телка, дойдя до конца сарая, развернулась на сто восемьдесят градусов и так же невозмутимо двинулась назад, будто желала посмотреть, что же такое случилось с ее противником. Кое-как загнав ее во двор,

я впихнула Дерека в машину и помчалась в больницу выяснить, сколь серьезны полученные им травмы.

В травмпункте, как и следовало ожидать, была большая очередь. Чтобы скоротать время, пока нас вызовут, мы решили выпить по чашечке кофе. Врач-травматолог оказался симпатичным восточным джентльменом, не понимавшим ни бе ни ме по-английски — нам стоило огромного труда растолковать ему, как именно произошел несчастный случай. Когда мы вернулись из рентгеновского кабинета, наше доверие к нему было поколеблено еще больше — мы увидели, что он с медсестрой сравнивают снимок с фотографией в учебнике анатомии. Впрочем, врач вселил в нас надежду, что с плечом ничего серьезного не случилось (дай-то Бог!), но он по-прежнему не был уверен, осталась ли целой ключица. Поэтому он посоветовал на всякий случай взять правую руку на перевязь и вернуться на дообследование в понедельник.

Когда правая рука остается не у дел, сразу понимаешь, каким ты становишься беспомощным. Еда, мытье, одевание и прочие рутинные вещи требуют теперь настоящего искусства. А мне-то каково? Возись с ним, как с малым ребенком: то нарежь ему мяса в тарелке, то лови за шиворот, удерживая от падения после неудачной попытки натянуть штаны... Все это было бы, может, и забавно, если не знать, что каждое движение причиняет ему боль. Даже пользование туалетной бумагой и то сделалось затруднительным.

В понедельник я снова отвезла Дерека в больницу, где его обследовал знакомый специалист. К моему изумлению, Дерек вышел из кабинета без перевязи и сообщил, что никаких переломов у него нет, а просто большой синяк.

— Так что же у тебя тогда болело всю субботу и воскресенье? А не надо было держать руку на перевязи!

Была бы рука подвижной, синяк быстро прошел бы!

Только не думайте, что я это пишу из желания посмеяться над бедолагой Дерекком, — ситуации, в которые попадала я, порой оказывались куда комичнее! Вы бы видели, как я еду задом наперед верхом на огромной неоседланной свинье с кислой миной на лице и со скоростью тридцать — сорок миль в час! А дело было так: мы с Дерекком выгоняли хрюшку в поле, а та, вместо того чтобы обогнуть меня, возьми да и проскочи у меня между ног! Мне, естественно, ничего не оставалось, как схватиться покрепче за ее могучую спину... Каким образом Дерек умудрился сохранить невозмутимую мину, мне остается только гадать. Хорошо еще, рядом не оказалось ни одного человека с фотоаппаратом — ей-богу, этот кадр обошел бы весь мир!

Но есть одна персона, которая уж точно пожалела бы, что не оказалась в такой момент на нашей ферме с фотоаппаратом. Это моя закадычная подруга Шина. Мы познакомились много лет назад, когда вместе служили за столиком администратора в гостинице, а позже несколько лет подряд держали небольшой бар. Теперь, когда мы встречаемся, нам доставляет истинное наслаждение подтрунивать друг над другом, вспоминая, какими забавными глупостями мы занимались в прошлом. А впрочем, не так уж важно, сколько лет длится наша дружба, — важно, что с первой встречи мы нашли общий язык. (Я не буду сейчас забежать вперед и рассказывать о своем красном сеттере, которого назвала в ее честь, — как-нибудь потом!)

Шина по-прежнему служит в гостинице — она теперь координатор конференций: часто наезжает к нам на ферму и подолгу гостит у нас. К сожалению, в ней нет жилки сельской труженицы, но в критические моменты она не раз помогала нам, хотя не всегда

охотно. Так, приехав однажды на ферму на уик-энд, она как раз попала на отел коровы и тянула конец веревки со всей нашей дружной компанией, правда крепко зажмутив при этом глаза. А что тут удивительного? Она оказалась в такой близости к таинствам природы, как никогда прежде, и ей не хотелось подступаться к ним еще ближе.

Был и другой случай. Возвращаясь с прогулки, мы решили посмотреть, как там наше стадо коз, и обнаружили, что одна из них запуталась в кустах ежевики. Она принадлежала к той английской породе, с которыми легче возиться — из-за их рогов: если такую козу нужно куда-то направить, хватай смело за рога и тащи. Мы, конечно, вызволили пленницу из живой изгороди, но при этом несколько колючих веток все же запуталось в шерсти. «Подержи-ка ее за рога, — попросила я Шину, — я вытащу колючки». Когда привыкаешь работать с животными, кажется, что и другим с ними будет так же легко, как и тебе. Шина мертвой хваткой схватила козу за рога, а та, почувствовав, что за шкуру ее уже ничто не держит, решила освободиться и от последнего препятствия — рванула во всю свою козью силу и потащила Шину по густой траве, мокрой от холодной ноябрьской росы. Шина безуспешно пыталась нащупать точку опоры — ее ноги в высоких сапогах беспомощно волочились по земле. Я и рада была что-нибудь посоветовать, но сама чуть не свалилась в мокрую траву от смеха, глядя, как бедняжка пытается тормозить не только пятками, но и ягодицами... Полагаю, с рогатой бунтаркой удалось справиться в первую очередь потому, что она подустала, но Шина категорически требовала записать всю победу на свой счет. «Посмотри, на что ты похожа! У тебя такой вид, будто тебя саму только что вытащили из колючего кустарника», — только это я и смогла сказать, силясь подавить безудержный смех.

Отцепить колючки конечно же не составило особого труда, но, увы, дело на этом не кончилось. Коза, у которой открылось второе дыхание, энергично мотнула головой и, словно желая показать, что силы в ней хоть отбавляй, рванулась и оставила в руке Шины рог, который та по-прежнему сжимала мертвой хваткой. Лицо Шины, красное после ужасной гонки, мигом сделалось бледным как полотно, а ноги подкосились точно ватные. Между тем коза, освободившись и от колючек, и от неизвестно зачем приставших к ней глупых женщин, преспокойно отправилась пастись, ничуть не сожалея о потерянном роге. Она с явным интересом наблюдала, как я веду едва переступающую ногами подругу назад к усадьбе, где нас ждут чашечка бодрящего кофе и глоток животворного бренди.

Когда Шина приезжала к нам на ферму погостить, ей доставляло особое удовольствие съездить с Дерекком в ближайшую деревню и пообщаться с местными жителями. Особенно любила она наведываться в те дни, когда мы варили сыр, потому что одновременно делалось большое количество сидра. Тогда Дерек поднанимал нескольких сельчан поработать парутройку часов, а расплачивался свежеприготовленной пьянящей натурой. Тех, кто приезжал на велосипедах и, следовательно, имел шанс добраться до дому, приглашали пропустить стаканчик-другой сидра. В тот раз, когда Шина впервые приехала к нам, сидра у нас пока еще не водилось, зато на ферме дядюшки Джо, старинного приятеля Дерекка, его было хоть залейся, и когда два закадычных дружка сходились поболтать да помянуть былые дни, сей лучезарный напиток лился не стаканами, а кувшинами. Дядюшка Джо был убежденный Холостяк, и на его ферме ничего не менялось годами. Неподалеку от усадьбы дядюшки Джо Дерек выпасал небольшое стадо скота и, решив посмотреть, как оно там, а заодно провести своего

дружка, взял с собой Шину. Дядюшка Джо был занят починкой ограды, но, увидев Дерека, да еще в компании с такой очаровательной особой, на радостях немедленно оставил все труды и накинулся на гостя с расспросами, как дела у его домочадцев и на ферме. Тут объявились еще два приятеля дядюшки Джо — за приглашением пропустить по стаканчику сидра дело не стало, и вся компания дружно зашагала к сараю, где он хранился. Между фермерами тут же завязался спор, чьи коровы больше, а сено лучше. Стаканы, из которых пили сидр, всегда стояли на одной полке в сарае, но никогда не мылись. «Пардон, с нами дама!» — заметил один из парней. Он вытащил из кармана давно не стиранный носовой платок, смачно поплевал на него и, протерев до блеска один из стаканов, галантно подал его Шине. «Ерунда! — не раз замечала она впоследствии, — Сидр у них до того крепок, что поубивает всех микробов на свете!»

Пропустив стаканчик, Шина два часа с наслаждением слушала байки и житейские истории, которые наперебой травили четверо мужчин. Больше всего запомнился ей случай, как они, возвращаясь за полночь с состязания по игре в кегли (где сильно нализались), зашли в гости к своему приятелю и устроили у него на кухне... петушиный бой! Кончилось тем, что жена бедолаги вскочила с постели и вымела из кухни дерущихся петухов заодно со зрителями. Стоная от смеха, Дерек и Шина отправились посмотреть, как там стадо. Судя по всему, здешние нравы приглянулись Шине по вкусу, раз она по-прежнему к нам приезжает.

К несчастью, на следующий год дядюшка Джо погиб из-за несчастного случая. Вообще-то он всегда был осторожен за рулем трактора, но на сей раз, желая выкорчевать могучий пенёк, слишком высоко привязал к трактору канат. Рывок — трактор перевернулся, и беднягу придавило. Сельчане, которые так любили его,

мигом осознали, какая понесена потеря, — внезапно и навсегда оборвалась еще одна ниточка, тянувшаяся к давно минувшим дням. Впрочем, этот случай послужил нам хорошим уроком — с механизмами, как бы ты хорошо ни ладил с ними, фамиллярничать нечего, тем более когда вокруг бегают дети!

Между тем британское правительство по-прежнему проводило в жизнь план поддержки фермеров, выращивающих молочный скот, так что мы сохраняли у себя всех телок, которых выпускали в стадо по достижении ими трех лет, когда они уже могли сами приносить потомство. Тём не менее цены на корма стояли высокие, так что затраты на увеличение поголовья съедали всю прибыль от надаиваемого молока. К тому же банки, у которых дела шли не очень-то успешно, бессовестно взвинтили проценты по ссудам. В общем, получалось, что чем тяжелее груз работы на наших плечах, тем меньше денег, а тут еще заболел отец Дерека и не мог больше помогать нам на ферме. Чтобы как-то выкручиваться, приходилось трудиться от зари до зари.

Что нас больше всего выручало в эти напряженные дни, так это чувство юмора и понимание друг друга с первого слова. У нас не было свободных денег, чтобы нанять еще кого-то, но, к счастью, в это время британское правительство развернуло программу трудоустройства молодежи, и мы смогли нанять молодого парня. Кивин — так его звали — пробыл с нами шесть месяцев, и работа горела в его руках. Потом мы поднаняли еще нескольких парней и одну девушку, что было благом для обеих сторон: они набирались опыта, а мы получили лишние рабочие руки на льготных условиях. Позже все они благополучно устроились на разные постоянные места, что и являлось конечной целью программы.

Больше всего Кивин любил копать землю. Только дай ему в руки лопату, покажи направление — и он, радуясь, словно ребенок, будет часа два трудиться не покладая рук! Правда, именно благодаря его старательности мы остались в тот год без урожая картофеля и бобов. Он так глубоко закопал семена, что те, очевидно, решили: наши ростки все равно никогда не увидят света, зачем же тогда расти? Пришлось ждать долгие недели, если не месяцы, пока они пробьются.

Что бы там ни говорили, а все же тот период времени оставил немало приятных воспоминаний. Детишки подрастали и требовали все меньше забот. Нелегкий труд в саду принес зримые результаты, а в запущенном некогда жилище появился какой-никакой уют. Почти все комнаты были обжиты, и у каждого ребенка появилась своя.

В 1981 году мы с Дерекком поженились. Свадьбу решили устроить скромно, по-семейному, пригласили только родственников. Теперь мы всем сердцем верили, что наш союз всерьез, и дети очень радовались за нас. Особой возни мы, конечно, не затевали, но мама, как и полагается по такому случаю, купила очень милый свадебный торт и букет прекрасных цветов. Я всегда находила в родителях поддержку — у меня было счастливое детство, мы жили душа в душу. Эта теплота отношений сохранялась и потом, когда я улетела из родительского гнезда. Я очень надеялась, что и мою новую семью ждет такая же счастливая жизнь.

Дни школьных каникул летели словно мгновения: чертенята день-деньской беззаботно качались на качелях и плавали на лодке по пруду. Здесь, на ферме, было такое раздолье детишкам, что в гости к нашим частенько прибегали восемь — десять ребят из соседней деревни.

В свой черед пришла сенокосная пора; мы уходили на весь день в поле, взяв с собой обед, а возвратясь домой под вечер, всласть надышавшись ароматами трав и привезя накошенное за день сено, угощались холодными салатами.

Огромное удовольствие детям — даже Келли — доставляла рыбалка. Граница одного из наших полей проходила по реке Бру, и детишки часто целыми днями торчали на берегу. Однажды решили взять с собой Симона, которому тогда было всего семь лет. Вернувшись под вечер домой, Бэрри рассказал вот что: Симоша целый день учился забрасывать удочку и всякий раз запутывался в леске, а распутывать-то приходилось старшему. В конце концов Бэрри это надоело: «Больше не пойдешь с нами, пока не научишься терпению!» — крикнул он перед сном в дверь его спальни. На следующий день, неся корзину с бельем для стирки, я увидела такую картину: Симоша сидит неподвижно, точно гном, с удочкой у нашего утинога пруда, где не водилось не то что рыбы, но, по моему, даже лягушек.

— Что ты здесь поймаешь? — спросила я.

— Да знаю, что ничего, — ответил он.

— Так чего ты здесь сидишь? — поинтересовалась я, подойдя поближе.

— Я учусь терпению, — серьезным тоном сказал он.

Между тем слава о нас как о хороших птицеводах стала распространяться по всей округе. К нам все чаще обращались за советами, у нас охотно покупали цыплят и яйца на развод. Был даже такой случай — некая сумасбродная леди позвонила мне в полдвенадцатого ночи и сказала: «У моей хохлатки вот-вот вылупятся цыплята, что в таких случаях полагается делать?» Из разговора я поняла, что счастливая хозяйка чуть не каждый час сгоняла наседку с яиц, чтобы поглядеть, как идет процесс, пока наконец в одном из яиц не

появилась трещина. Я разъяснила ей как можно более вежливо: оставьте курицу в покое, ложитесь спокойно спать, а результаты увидите наутро. Все, что в таких случаях требуется клуше, дабы она честь по чести исполнила свое дело., — это покой и тишина.

Куры и утки обычно начинают откладывать яйца в возрасте шести месяцев, но, как и птицы вообще, они подчиняются законам природы и смене времен года. Цыпленку или утенку, вылупившемуся в апреле — мае, шесть месяцев исполнится соответственно в октябреноябре; а так как в это время дни становятся короче, то птица, возможно, подождет с началом кладки яиц до весны, когда день будет прибывать.

Как-то у нас купили шестерых утят породы «хаки-кэмпбелл». Мы сказали покупателю, что около шести месяцев от роду они должны начать нестись. К несчастью, это был тот самый случай, когда утки решили подождать до весны. После того как им исполнилось семь месяцев, к нам заявился разгневанный хозяин и устроил скандал: никудышные утки, ни черта не несутся! Мы объяснили, в чем дело, и он скрепя сердце согласился с этим. Но пока мы объяснялись, он присмотрел нескольких курочек, которых хотел бы скрестить с имевшимися у него петухами редкой породы. Купив их у нас по дешевке — как бы в компенсацию за задержку с получением утиных яиц, — он удалился с сияющей физиономией. Месяц спустя он вернулся еще более разъяренный, чем в прошлый раз: мало того, что только одна утка снесла яйца, так еще наши негодные курицы научили его петушков перелетать через ограду, и все дружной компанией хозяйничают у него в огороде! Ему даже пришлось надстроить ограду, чтобы спасти свой огород от разорения. Ну хорошо, а нельзя ли купить у нас селезня? Может быть, с родным кавалером дела уток пойдут лучше? К счастью, у нас имелось несколько

штук, и мы опять сделали существенную скидку с обычной цены, как бы извиняясь за нехорошие манеры кур.

Неделю спустя он объявился вновь и со скорбным видом застыл в дверном проеме, держа подмышкой селезня. Похоже, он болен, нельзя ли помочь? Поставив птицу на стол, чтобы осмотреть, я обнаружила, что пенис (которому полагается быть спрятанным внутри) раздулся и торчит подле анального отверстия. Он был явно поражен какой-то инфекцией.

— Вы можете сказать, что с птицей? — пробормотал он.

— Да, — ответила я, — Это самец, так ведь? Так вот, эта штука должна быть внутри. — Я объяснила, что из-за инфекции нельзя загнать пенис внутрь методом массажа и придется показать птицу ветеринару. Я порекомендовала нашего «домашнего айболита» (кстати, приходящегося нам дальним родственником), и клиент немедленно поехал к нему. Совершенно убитый горем, он рассказал, что ветеринар произвел дезинфекцию и вправил селезню пенис, как полагается, но предупредил, что, если селезень в течение двадцати четырех часов не начнет вести себя как положено кавалеру, пусть немедленно везет его назад. К несчастью, несостоявшийся донжуан отдал концы — «эх, я сам виноват, надо было вовремя отвезти его к доктору!». Я постаралась утешить клиента, сказав, что у нас есть еще несколько селезней — пусть приедет и выберет. Он тут же явился, выбрал селезня, который приходился братом покойному, — и, слава Богу, больше мы его не видели.

Через месяц мы вызвали к себе все того же ветеринара для помощи при трудном отеле. Когда корова благополучно разрешилась, мы, как всегда в таких случаях, пошли на кухню пить кофе. Я ставила чайник, Дерек доставал чашки, а доктор мыл руки.

— Да, кстати, — сказал он, — Помните, вы посылали ко мне человека с селезнем, у которого «всегда стоит»?

Мы с Дерекком улыбнулись: а то как же!

— Так вот, — сказал он, — неделю спустя он снова приехал ко мне с той же самой бедой!

Я улыбнулась и объяснила, что это был другой селезень, которого он сам выбрал и который приходился братом тому, прежнему.

— Видимо, ошибка генетики, — сказал врач. — А знаете, когда он во второй раз пришел ко мне в хирургическое отделение, он бегло оглянулся вокруг, не слышит ли кто, и спросил меня на ухо: «Скажите, а не может быть так, что я приобрел селезня-гомосексуалиста?!»

Зима восемьдесят первого и весна восемьдесят второго года, похоже, задались целью подвергнуть нас всем возможным испытаниям. За исключительно промозглым ноябрем последовали декабрьские ветра и штормы, вызвавшие невиданно высокие приливы. Стена, защищавшая берег от напора волн, была размыта — в результате обширные территории оказались под четырьмя — шестью футами воды. Некоторые старые дома, построенные на глиняном, а не на каменном фундаменте, были столь серьезно повреждены, что не подлежали восстановлению. Слава Богу, до нашей усадьбы вода не дошла, но в какой-нибудь миле от нас к павильонам автобусных остановок швартовались лодки, чтобы развезти по домам людей. У нас три дня не было электричества, но при наличии печки «Рейберн» и газовых обогревателей можно было как-то существовать. (Я, правда, испугалась за тропических рыбок в аквариуме, но достаточно было накрыть их одеялом — и порядок!) А что? В этом есть своя прелесть — какое-то время пожить при свечах и проводить вечера за настольными играми — ввиду

бездействия телевизора. Вскоре жизнь вошла в нормальное русло, но вода, отхлынув, оставила массу проблем, для решения которых требовалось немало времени. Многие семьи не смогли вернуться в свои дома вплоть до следующего года, а некоторые потеряли вообще все нажитое годами и вынуждены были встречать Рождество во временных жилищах. Кроме того, результатом наводнения явилось страшное засоление полей, сделавшее их на несколько лет непригодными для посева.

Большинство ферм в наших краях имеют молочное направление — почвы здесь слишком влажны, чтобы выращивать зерновые, а вот трава растет превосходно. На зиму — обычно в конце октября — молочные коровы загоняются в стойла, а по весне — как правило, в середине апреля — фермеры вновь выпускают их пастись. Вся жизнь подчинена ритмам, диктуемым природой. Летом запасаем сено и силос — зимой-то трава не растет, а высокие надои сохранять надо! К апрелю запасы зимнего корма истощаются — иногда за несколько недель до того, как коров можно снова выпускать на пастбища. Но весна восемьдесят второго показала свое коварство. Дожди, начавшиеся в марте, лили весь апрель и не прекращались даже в мае. У фермеров кончились корма, а те, кто прошлым летом оказался запасливее других и имел излишки, вздули цены до невозможности. Трудность заключалась вот в чем: трава хоть и выросла, но дожди превратили почву в жидкую грязь, и те смельчаки, которые рискнули выгнать коров пастись, не смогли потом добраться до них даже на тракторах. Казалось, сама природа обернулась против фермеров. Не стало хороших кормов — упали надои, упали надои — уменьшилась выручка от молока, которое для многих являлось главным источником существования. Этот год явился черным годом для фермеров, но тогда никто и представить себе

не мог масштабы катастрофы, обрушившейся на них два года спустя. Даже когда земля стала подсыхать, потребовалось еще время, чтобы трава покрыла ее густым, как в любой другой год, зеленым ковром. Из-за бескормицы многие фермеры вынуждены были продать часть скота. Мы выжили только благодаря тому, что дополнительно арендовали пастбища — покупка готовых кормов требовала колоссальных средств, которыми мы не располагали. У нас было довольно большое стадо, куда вот-вот должны были влиться несколько коров после отела — мы предвкушали немалый рост надоев, а следовательно, и выручки от продажи молока, и мы спали и видели, как погасим наконец все возраставшее превышение кредита в банке.

Никто и помыслить не мог, каким переломом в жизни английского фермерства будет 1984 год. Желая потрафить европейским партнерам, у которых имелись излишки товарного молока, правительство Маргарет Тэтчер одним махом ввело квоты для отечественных производителей, вступившие в силу с момента подписания. Для всех это было как гром среди ясного неба — за три недели до злополучного события к нам на ферму приезжал советник из министерства, так даже он ничего не ведал о готовящихся шагах. Сказать, что событие посеяло панику в рядах фермеров (о которой почему-то весьма неохотно распространялась пресса), — значит ничего не сказать. Всем фермерам было предписано уменьшить производство молока на десять процентов по сравнению с периодом с марта 1982 по февраль 1983 года, то есть по сравнению с самым «черным годом», проклятым фермерами. Следовательно, по сравнению с благополучными годами производство снижалось на двадцать процентов. Исключений ни для кого сделано не было — даже для тех, кто когда-то откликнулся на призыв правительства

увеличить надои молока и поверил, что встретит поддержку. «А нам какое дело? — говорили в правительстве. — У нас теперь новая политика, мы берем свои слова назад». На каждый литр молока, надоевший и отправленный на переработку сверх положенной квоты, налагался штраф, превышавший его себестоимость. Проще было выливать молоко в канаву. Прежде корова на рынке стоила около шестисот фунтов, а теперь радуйся, если сумел продать и за четверста: никто не хотел покупать молочных коров. За теленка, который раньше шел за сто — сто двадцать пять фунтов, теперь давали пятьдесят, а то и двадцать пять, да еще попробуй найди покупателя. Фактически стоимость нашего стада за одну ночь снизилась на двадцать тысяч фунтов. Журналы по сельскому хозяйству запестрели снимками стельных коров, которых ведут на бойню, — когда такое было видано?! А в национальных газетах обо всем этом — молчок. Множество фермеров разорились, иные даже свели счеты с жизнью, не в силах смириться с тем, что тот уклад, на котором из поколения в поколение держались их семейства, теперь оказался нежизнеспособным.

— А в чем дело? — сказал некто в правительственном кресле, — Они и так вкалывают по восемнадцать Часов в сутки. Пусть немного передохнут и разнообразят свою жизнь!

Мы встали перед серьезной проблемой поиска другого источника заработка. Отчаявшись сохранить былую жизнь на ферме, мы перебрали множество вариантов. Я, конечно, могла поступить на службу, но четверо детей, требовавших столько времени, и многочисленные заботы по ферме делали этот вариант нереальным. А не превратить ли нам нашу ферму в «показательную»? К нам приходит столько людей, главным образом посмотреть кур и прочую домашнюю птицу, и все в один голос твердят, как им здесь

понравилось. Давайте устроим небольшую гостиницу, будем водить экскурсии за плату — отличная идея! Дерек поначалу колебался, но тут из банка пришло письмо с категорическим требованием погасить задолженность — и решение было принято. Итак, мы вступаем на стезю туризма, а там видно будет.

Глава вторая

Всякие твари являются по паре

Что и говорить, нашей ферме сам Бог велел стать туристической достопримечательностью. В усадьбе, построенной свыше трехсот лет назад и ныне внесенной в каталог охраняемых памятников, удивительно чувствуется дух истории. Здание было сооружено, по-видимому, каким-нибудь богатым йоменом^[1]; возможно, вот здесь был парадный вход, направо — кухня, налево — гостиная. На втором этаже, должно быть, помещались две спальни, а на третьем — две комнаты для прислуги. На последнем этаже до сих пор уцелела с той эпохи лестница с перилами. Точеные балясины ныне выкрашены блестящей белой краской (к величайшему ужасу инспектора по охране памятников,

который приходил к нам определять возраст дома!). Если бы первоначальные балясины сохранились до наших дней и в нижних этажах, они были бы украшены резными плодами. Понемногу обживая дом, мы открыли комнаты, где в былое время жила прислуга, и нашли там маленькие медные колокольчики, у которых еще сохранились веревочки (сколько же этими колокольцам, должно быть, допелось выслушать на споем веку чертыханий, которыми щедро награждали их слуги, когда хозяйева будили их во внеурочное время!). Бревна, из которых была сложена эта часть дома, сработанные из прочного вяза, были покрыты густым слоем извести. Видимо, растущей семье скоро стало тесно в старых стенах, и у дома с каждой стороны были сделаны пристройки. В дальнем конце появился погреб для хранения засоленного мяса — холодильников-то в те времена и в помине не было! — и над ним соорудили еще две жилые комнаты. С другого конца пристроили сыроварню — и в полу до сих пор видны колеи, пробитые колесами тележек, подвозивших молоко к мешалкам. Этажом выше располагалось хранилище для свежесваренных сыров, которые подавались наверх через люк с помощью блока и затем размещались на полках, сохранившихся до наших дней. Сыры полагалось переворачивать раз в день, и, прежде чем поступить на рынок, они созревали в течение шести месяцев. Судя по всему, здесь выделялись сорга чеддер и серфили.

К тому времени, когда на этой ферме обосновалось семейство Киднеров, с задней стороны главного дома сделали еще одну пристройку. О том, что эта пристройка — позднейшая, свидетельствовало то, что сложена она из просмоленной сосны, и потолки здесь гораздо ниже. Итак, теперь в доме были кухня, три гостиные, сыроварня и помещение для хранения сыров, погреб, баня и восемь жилых комнат. Имелась и еще

одна лестница, сработанная из более дешевых пород дерева, — возможно, по ней поднимались слуги. Ступени посередине истерты — должно быть, хозяин гонял слуг туда-сюда, как собак.

Джек Киднер — отец Дерека — попал на эту ферму пятнадцатилетним подростком в 1930-х годах, когда во владение фермой вступил достопочтенный дедушка Киднер и перевез семью в Ист-Хантспилл. Отец Дерека ушел из жизни в 1991 году. А жаль! Сколько он мог бы поведать историй о давних годах, проведенных на ферме, — ну хотя бы о том, как они с дедушкой Киднером везли сыр на тележке на ярмарку в Хайбридж. В Хайбридже, который в то время был процветающим городом, где денно и нощно кипела жизнь в порту и на вокзале, была самая крупная в Европе ярмарка сыров. Кроме того, здесь находилась крупная беконная фабрика, потому что все фермеры, выделявавшие сыры, держали также свиней, которых откармливали отходами производства.

Да, золотое было времечко — никаких тебе важных контор, ведающих маркетингом молочных продуктов, а был просто человек, объезжавший округу на повозке, уставленной бидонами, и разливавший молоко по кувшинам, выставленным владельцами.

В задней части нашего дома сохранился водяной насос, к сожалению ныне бездействующий. Надо будет как-нибудь расчистить старый колодец да пустить насос в ход. Тут же сохранился большой медный чан, служивший ванной, под ним — небольшая печурка для подогрева воды. В другом конце комнаты — рада сообщить вам — стоит моя стиральная машина. Ничего себе контраст — старый медный чан для мытья и стирки с катком для белья — в одном углу и современный стиральный агрегат с сушилкой — в другом!

По периметру двора, в который выходит фасад главного дома, расположились постройки XX века —

очевидно, сюда на зиму загоняли скот. Столетие спустя «зимние квартиры» для коров были построены подальше — согласитесь, не очень-то приятно, когда выходишь из парадного подъезда, а коровы машут тебе хвостами прямо в лицо.

Чтобы сделать наш двор уютнее, я посадила посередине дерево, а вокруг поставила скамейки. Но беда мне с Дерекком: пока до него дойдет, что в привычном ему окружении что-то изменилось, проходит не менее двух лет. Сдавая машину задним ходом, он дважды врезался в скамейку, а на третий раз разнес ее в щепы, изрядно покалечив при этом и машину. От такого удара дерево слегка наклонилось влево (дернул же меня черт его здесь посадить!). А произошло все вот как: Дерек получил известие, что у нас убежал бык, и, презрев опасность, тут же пустился в погоню. Ключ зажигания — ногу на газ — полный назад — тр-рах! Объяснительная записка Дерека в адрес страховой компании выглядела так: «Очень спешил, потому что у нас убежал бык, и въехал задом в скамейку, которая прежде тут не стояла».

По соседству с большим сараем, где мы готовим сидр, и поныне стоят конюшни из дикого камня, напоминая о той поре, когда тракторов не знали, а всю работу выполняли кони-тяжеловозы. У почтенного дедушки Киднера был конь по кличке Имбирь, который возил многопудовые поклажи, но иной раз ему, выражаясь фигурально, вожжа под хвост попадала. Однажды понадобилось отвести его к кузнецу. Туда шел — все нормально, но как только работа была окончена и хозяин уселся, чтобы ехать домой, он взял да и понес. «Побереги-ись, побереги-ись!» — орал бедняга, мертвой хваткой вцепившись в вожжи и сжимая ноги. Понадобились усилия двоих, чтобы сдержать коня, — только после этого хозяин смог перевести дух и доехать до дому. Впрочем, остаток

пути старина Имбирь прошел, щелкая копытами, как самая дисциплинированная лошадь для выездки. «Видать, добротнo сработано, раз подковы не отвалились после такой скачки», — сказал дедушка. В общем, каждому из участников бешеной гонки понадобилось по меньшей мере три стакана сидра, чтобы прийти в чувство.

...В течение нескольких последующих лет мы обследовали сарай за сараем, натываясь на самые удивительные вещи, оставшиеся в наследство от прошлых поколений и пролежавшие в забвении многие десятки лет — иные, возможно, с той поры, когда дедушка Киднер еще пешком под стол ходил. Тут были и старинные механизмы, и ручные колеса, приводившие в движение прессы для изготовления сидра, и длинная кишка, подававшая воду из реки котлам некогда трудившихся на полях паровых машин. Мы даже нашли в буквальном смысле слова иголку в стоге сена — длинную двенадцатифутовую иглу с небольшим крючком на конце. С ее помощью определяли температуру в середине стога сена: ведь если недосмотришь, оно и вспыхнуть может! В общем, что ни находка, то экспонат для своеобразной выставки, с помощью которой можно будет объяснять посетителям тогдашние методы сельскохозяйственных работ и сравнивать их с теперешними.

Для начала мы решили сделать открытой для приезжих только часть фермы — двор с окружающими его постройками. Нашим очередным приобретением были свиньи. Часть конюшен мы переоборудовали в свинарники, а в помещении для опороса расширили окошко, чтобы посетители могли наблюдать, как появляются на свет Божий поросята. Дерек специально приобрел двух свиней, готовых опороситься в любую минуту. Прежде мне никогда не приходилось иметь дело с хрюшками, и я удивилась, до чего же они

здоровенные — по меньшей мере пять футов в длину, а ростом мне по пояс. Рассказывая, до чего зловредными могут быть чушки, один из местных жителей сообщил по секрету, что его приятель по ошибке забрался в свинарник и... не вернулся оттуда! (Хотите верьте, хотите нет, но такие перлы будоражат воображение.)

Ну, а нам достались милые спокойные розовые свинки с черными ушами, забавно хлопавшими их по мордам. (Все не могу забыть один трогательный эпизод: как-то раз к нам на экскурсию пришла маленькая школьница с зажатой под мышкой дощечкой, к которой был прикреплен кнопками листок бумаги. Оказывается, ей на уроке зоологии задали вопрос: на что похожи глаза у свиньи? И вот пытливая девочка является за ответом к нам! Присела перед хрюшкой на корточки, преспокойно подняла у нее ухо и тщательно срисовала хрюшкин глаз! А свинья как ни в чем не бывало терпеливо дожидалась, пока девочка закончит...)

Но вот настало время первой хрюшке опороситься. На свет появились восемнадцать кабанчиков да свинок без шляп и ботинок. Поначалу поросята сосали из какого соска придется, но через пару дней у каждого появился персональный источник молока. Только вот какая вышла штука: кто посильней да пошустрей, пристроились к передним соскам, и, следовательно, им доставалось больше всего питательной влаги, а самым слабым, оттиснутым к последним соскам, оставались крохи. Блажен муж, иже сидит к каше ближе! Я, конечно, обратила внимание на свинку, которой достался самый последний сосок, — выглядела она очень жалко. У меня бы сердце не выдержало, если бы она умерла от голода, так что я положила ее у печки и начала подкармливать из бутылочки. Сэди — так я ее назвала — была первой свинкой, которую я выкормила. Между прочим, свиньи могут стать совсем ручными и примерно так же преданными людям, как собаки. Сэди

очень нравилось жить на кухне, и нам даже удалось приучить ее выходить на двор по своим делам. Когда же опоросилась вторая хрюшка, у Сэди появился товарищ — кабанчик, которого мы называли Сплдж. Оба поросенка резвились в краткие промежутки времени, когда не спали, а потом внезапно заваливались на ковер и засыпали снова. Конечно, никого не удивляло, что их держат в доме (как и всякого другого обделенного судьбой зверька), пока они маленькие, но когда окрепнешь, будь добр — на улицу! Право же, кто не нашел бы забавными двух поросят, дрыхнувших прямо на ковре в кухне? Как только газеты разнюхали об этом, к нам выстроилась очередь фотокорреспондентов, жаждущих заснять это редкостное зрелище. Одна газета даже несколько переборщила, сообщив, что мы поставили для Сэди персональное кресло у камина и что она как полноправный член семьи смотрит с нами телевизор!

Вслед за фотокорреспондентами зачастили телевизионщики. Стыдно сказать, но однажды — чего только не сделаешь ради телевидения! — я предложила телегруппе заснять сюжет «посади свинью за стол, она и ноги на стол». Представляете, все семейство за столом лопают из мисок овсянку, включая Сплджа, который тоже с нами за столом и тоже лопает из миски! (К счастью, Дерек в тот момент не было, а то, боюсь, он стал бы протестовать!) Впрочем, хорошо смеется тот, кто смеется последним, и эта роль досталась поросятам, войдя во вкус и решив напроказить посмешнее, они запутались в проводе, тянувшемся к звукозаписывающей аппаратуре, и ринулись во двор поиграть, увлекая за собою телегруппу, безуспешно пытавшуюся уберечь оборудование от растаскивания по частям. Жаль, этому последнему сюжету не нашлось места в программе новостей...

Кроме того, мы решили обзавестись также стадом коз — пусть наши посетители увидят, какое существует разнообразие пород. Самые колоритные — это золотые гернсийские козы, у которых шкура отликает медом, и маленькие козы-пигмеи. Вскоре к ним присоединились сааненские, а затем ангорские. Кстати, коз и кроликов нам предлагали купить гораздо чаще, чем других животных. Забегая вперед, хочу предупредить: если вы решили завести козу в качестве газонокосилки, оставьте эту дурацкую затею. Она будет объедать цветы на клумбах, живые изгороди, даже колючую ежевику, пока наконец соизволит есть траву. К тому же коза — такое животное, которому не нравится находиться за оградой. Она готова пройти любые расстояния, чтобы отыскать щелку или калитку и выйти наружу — узнать, что творится по другую сторону ограды. Если там окажется неинтересно, она будет стоять на месте и блять: «Хочу назад! Хочу назад!» По-видимому, она не в состоянии вспомнить, как оказалась снаружи. Но зато козы очень дружелюбны и неизменно становятся любимцами посетителей. Вот только одна к ним претензия: у них не хватает терпения дожидаться, пока я поднесу им положенную порцию корма. Проморгаешь, так, чего доброго, стащат весь мешок!

У нас работал один парень, которого мы наняли по линии помощи в трудоустройстве молодежи. Его звали Тим. Он обожал хорьков и убеждал меня обзавестись этими зверьками — опять-таки в качестве живых экспонатов. Про этих животных я столько всякого слышала, что сначала колебалась, но в итоге Тим убедил меня. Дерек счел, что завести хорьков — хорошая мысль, но сразу предупредил, что не собирается с ними возиться. Тим высказал мнение, что самым правильным было бы разместить их в помещении, где прежде хранились сыры, — там стены обшиты железом, что помешает им удрать. Посыпали

пол стружками, положили для забавы обрезки труб, будто это норы, и стали ждать новых жильцов.

Когда Тим принес хорьков, они всецело завладели моим вниманием. Хорьки — родня барсукам и из-за наличия особых желез издают почти такой же, как барсуки, мускусный запах. У них крохотная мордочка, острый нос и махонькие ушки. Тела длинные, как у горноста, но значительно больше. Лапки короткие, с изящными коготками, благодаря которым они лазают с удивительной ловкостью. Сначала у нас появились белая самочка с детенышем того же цвета, а затем самочка темно-бурой расцветки. Когда берешь их, они обвиваются вокруг твоих рук, будто петли. Вообще они подвижны точно ртуть. Как только мы поместили их в новое жилище, они тут же принялись плясать от волнения, скакать, нырять головой в свеженасыпанную стружку, исследовать обрезки труб — сначала осторожно засовывали туда голову, потом со всего маху прыгали в трубу и вылетали оттуда пулей, после чего исчезали в следующей. За ними так весело наблюдать! Тим дал мне список их любимых кушаний и вкратце объяснил, как ухаживать за ними и как отцепить зверька, если он вздумает кусаться (этого еще не хватало!!!). Когда хорек решает укунить всерьез, он цепляется мертвой хваткой, и заставить его отцепиться можно, только как следует сжав ему челюсть. Изучив теорию, я приступила к практике.

За несколько дней я научилась обращаться с ними, хотя не могу сказать, что во всех тонкостях. К тому времени мы спустили вниз полки, на которых когда-то созревали сыры, и выставили их для обозрения наряду со всем прочим старинным сыродельным оборудованием. Итак, вверху, в бывшем помещении для сыров, разместились хорьки, а внизу, возле деревянной лестницы, стояли ящики для кур-наседок. Можно было

не беспокоиться, что детишки их потревожат, — так клюнет, что не обрадуешься.

В один прекрасный день Дерек отправился на утреннюю дойку, а дети сидели за завтраком перед уходом в школу. Вдруг из старой сыроварни раздался ужасающий шум. Я влетела туда как на крыльях и прямо на пороге столкнулась с белой самкой, которая, неведомо каким образом спустившись по стене сырохранилища, бросилась на одну из наседок. Хотя курица почти вчетверо крупнее, зверек загрыз хохлатку насмерть, вцепившись ей прямо в горло. Всюду на полу валялись перья, а пять остальных наседок были до полусмерти перепуганы и настороженно выглядывали из своих ящиков. Я подхватила хищницу на руки, помешав ей удрать, но даже теперь она ни за что не хотела разжать челюсти, и огромная тушка курицы беспомощно свисала у нее из пасти. Сдавлив твари челюсть, как показывал мне Тим, я все-таки заставила ее выпустить курицу, хотя помочь бедняжке уже ничем было нельзя. Я посадила паскудницу и старую птичью клетку, стоявшую в комнате наверху, благодаря Бога за то, что она не бросилась на меня, мстя за отнятую добычу. Затем перенесла клетку в комнату напротив кухни и заперла дверь.

Сначала нужно было проводить детей в школу, а потом уже решать, куда поместить хорьков, чтобы больше не ждать от них пакостей. Когда детишки укатили на велосипедах, вошел Дерек, требуя подать ему завтрак. Я кинулась объяснять, что произошло в его отсутствие, и тут же услышала, как кто-то царапается в дверь — ясное дело, зверьку удалось выбраться из клетки. Я осторожно открыла дверь и вошла в комнату, полагая, что Дерек войдет следом и поможет мне справиться с беглянкой. Но что я вижу? На спинке кресла на задних лапах стоит какое-то вдрызг перемазанное сажей существо — эта безобразница

успела еще и слазить в камин!!! Увидев меня, она спрыгнула с кресла и всеми четырьмя лапами «приземлилась» мне на голову. Я тут же сняла ее и посадила на пол, в следующее мгновение она взобралась по моей штанине и повисла, вцепившись когтями в свитер. Если вы думаете, что мне это понравилось, то ошибаетесь. Я снова осадил нахалку на пол, но фокус повторился вновь. Тут меня здорово выручил Дерек — сунув голову в приоткрытую дверь (не лезть же туда всем туловищем — охота была, чтобы по тебе карабкались, как по стволу дерева!), он дал мне ключ к разгадке:

— Она здорово перепугана, вот и ищет у тебя защиты.

— Весьма возможно, — ответила я. — Но мне-то от этого не легче.

Осадив зверька на пол, я дала Дереку тычка, чтобы он шел обратно в кухню, сама осторожно выскользнула из комнаты и тщательно закрыла дверь.

Впрочем, со временем мне удалось найти общий язык с хорьками, и теперь я с удовольствием беру их на выставки животных, где они вызывают повышенный интерес. Может быть, меня просто хранит судьба, но ни один из перебывавших у меня хорьков (а сейчас у меня их пятнадцать) ни разу не укусил меня. Мы не разводим и не покупаем их: мы подбираем зверьков, выброшенных прежними хозяевами или убежавших от них и попавших в поле зрения обществ покровительства животным; а иногда нам просто звонят и просят забрать зверьков, и мы приезжаем. Теперь у нас для хорьков есть обширный загон — тут и ветки, чтобы по ним лазить, и трубы, чтобы забираться в них, и даже большая лужайка.

Но пот что интересно — о хорьках слышаны все, но мало кто видел их в глаза. Однажды, когда у нас были посетители, я держала хорька на руках.

— Какая прелесть! — сказала одна дамочка и погладила зверька, — А как его зовут?

Хорька звали Бэзил.

— Так что это за зверь? — спросила наконец дамочка и пощекотала моего питомца за ушком.

— Это хорек, — простодушно ответила я.

Услышав это, дамочка испустила нечеловеческий вопль и бросилась наутек — только пятки засверкали. Больше она ко мне ни ногой.

Единственная проблема, с которой я столкнулась при показах зверьков на выставках, — это их мускусный запах. Вот почему, когда во время шоу мы шли пить кофе, садиться за стол я могла только в компании тех, кто знает в чем дело. (Думаете, приятно, когда на тебя косятся: мол, откуда у этой дамы такое амбре?! Могут не так понять!)

Уже более двух тысячелетий назад человек использовал хорьков при охоте на кроликов. Кое-где в этом качестве они служат и поныне. У выхода из норы расставляют сети, а затем в нору запускают хорьков, чтобы выгнать оттуда кроликов. Правда, наших хорьков мы так не используем — они живут у нас как мирные создания и выступают исключительно в качестве живых экспонатов.

Черный хорь — еще одна разновидность хорьков — когда-то был широко распространен на Британских островах, но из-за нещадного преследования — в основном лесниками, охраняющими дичь, — ныне почти исчез и остался лишь на небольшой территории в Уэльсе. За этими зверьками охотились и ради их меха — из него делали воротники для шуб. К счастью, теперь его численность, судя по всему, возрастает, и он начинает появляться и в других регионах Британии.

Дела с устройством «караван-сарая» шли своим чередом, но во дворе нашей усадьбы всегда стояло несколько передвижных фургончиков, в которых

приезжали посетители. Тут же разбивались палатки — их ставили зарубежные туристы, путешествующие по стране. Так мы познакомились со многими интересными людьми. У нас несколько месяцев жила очень милая семья из Голландии — теперь они стали верными друзьями нашего семейства и наезжают к нам каждый год. Сперва, как полагается, представлю хозяйку: Мае — высокая впечатляющая блондинка с милой широкой улыбкой. Ее благоверный, Мариен, темноволос, но тоже высок и тоже с широкой улыбкой, смягчающей суровые черты лица. Когда он впервые предстал нашим глазам, то был одет в длинную куртку военного покроя — уж не русский ли шпион к нам пожаловал, подумали мы. Ну, а двое детей этой четы, Дагмар и Йорт, быстро сдружились с нашими мальчишками Дэниелом и Симоном, несмотря на языковой барьер — можно со смеху лопнуть, глядя, как они пытаются объясняться языком жестов.

Мае и Мариен приехали в наш край с целью изучения методов развития умственно отсталых детей, практикуемых в находящемся неподалеку от нас институте. Когда они впервые попали к нам, как раз стояла сенокосная пора, и Мариен горел желанием помочь. Мы собирались ближе к вечеру перевезти сено в усадьбу, но Мариен сказал, что сперва хочет показать своему семейству Стоунхендж^[2].

— Мы поедem туда в полдень, — сказал он. — Вернемся и поможем вам с сеном. Хорошо?

Дерек согласился, подумав про себя, что вернуться они успеют в лучшем случае к вечеру: два часа туда, два — обратно, а мы собирались выехать в поле около трех пополудни.

Помахав голландцам на прощание, мы занялись разными мелочами по хозяйству, а когда в половине четвертого Дерек привез с полей первую повозку с

сеном, то был искренне удивлен, увидев, что наши гости уже прибыли!

— Ничего себе! Одна нога здесь, другая — там, — заметил Дерек, когда Мариен подошел к нему.

— Торопился, — ответил Мариен, пожав плечами, — вот и гнал машину во всю мочь. Ну, мы к вашим услугам!

— Так что же, вы вовсе не останавливались по пути? — удивленно спросил Дерек.

— Целых два раза, — сказал Мариен. — В первый раз, чтобы взглянуть на мертвого барсука, а во второй — когда Йорга укачало. Ну что, поехали?

Так торопились помочь, что даже не полюбовались как следует знаменитой достопримечательностью! Впоследствии они каждый год приезжали на короткий срок в одно и то же время, продолжая свои исследования в Институте умственно отсталых детей. Каждый их приезд доставлял нам огромную радость, мы с удовольствием обменивались семейными новостями. Нужно будет и нам съездить когда-нибудь к ним в гости в Голландию.

Гостя у нас, они каждый вечер выходили прогуляться в поля — невдалеке от фермы в большой норе обитала барсучиха с выводком. Голландцы вообще равнодушны к этим животным, и нашим гостям доставляло массу удовольствия наблюдать за барсучьим семейством.

Как-то раз я участвовала в работе конференции по изучению барсуков. Выступали две молодые леди из Группы по защите барсуков — они обследовали территорию, по которой должна была пройти новая автомагистраль, чтобы выяснить, как это скажется на обитающих там животных. Работа потребовала много времени и сил, но девушки тщательно нанесли на карту все те места, где трасса пересечет барсучьи тропки. Значит, чтобы избежать гибели животных на дороге (а

возможно, и автомобильных аварий), необходимо в этих местах специально для барсуков сделать подземные переходы, да еще огородить такие участки трассы, чтобы животные пользовались переходами, а не бегали на проезжую часть. Конечно, все это — дополнительные расходы, но благодаря самоотверженности и упорству девушек подземные переходы для барсуков и ограждения были сооружены, и барсуки быстро привыкли к тому, что у них под боком появилась скоростная магистраль. Я была восхищена тем, что удалось сделать Группе по защите барсуков, и поняла, как важно следить за ходом строительства дорог от начала до конца, чтобы подземные переходы, которые спасут немало барсучьих жизней, были сооружены по всем правилам и там, где нужно.

На следующий день выступал представитель голландской Группы по защите барсуков. Он рассказывал, как в Голландии выхаживают осиротевших барсучат и какие проводятся наблюдения при строительстве дорог. Нам показали слайды, запечатлевшие новопроложенную трассу — подземные переходы для барсуков и многометровые ограждения были сделаны на совесть.

— Позвольте узнать, а много ли барсуков в этом регионе?

— Да барсуков здесь пока что нет, — ответил голландец, — но если появятся, скажем: милости просим в наши подземные переходы! Будем приучать их соблюдать правила дорожного движения!

Не правда ли, заметная разница в отношении к братьям нашим меньшим?

В тот год у нас стояло до пяти фургончиков с приезжими. Однажды приехали молодые муж и жена из Новой Зеландии и спросили, можно ли разбить на ночь палатку. Я показала им свободный участок, а сама отправилась кормить животных. Позже я разговорилась

с юношей-новозеландцем, он признался, что скорее согласился бы ночевать под открытым небом, чем в палатке. Все, что я могла ему в тот момент предложить, — диванчик в комнате для пинг-понга (даже это не забыли, заботясь об удобстве гостей!). Вечером, когда я ходила запира́ть кур в курятниках, я видела, как девушка-новозеландка ставила палатку только для себя, и поняла, почему ее спутник наотрез отказался разделить с ней ночлег: палатка, имела форму гробика, брезентовая крыша была поднята всего на восемнадцать дюймов от земли, и поместиться там мог только один спальный мешок, да и то голова и плечи торчали при этом наружу!

Когда на следующее утро я проходила мимо гостевых палаток и фургончиков, то встрети́лась с юной новозеландкой, направлявше́йся в туалет. Мы вежливо поздоровались, и девушка продолжила свой путь. Тут один из обитателей фургончика шепнул мне на ухо: «Вы видели палатку этой пары? Как только они там помещаются?» Я не стала разочаровывать своего собеседника и объяснять, что к чему...

С каждым сезоном гостей у нас на ферме становилось все больше. Ясное дело, чем больше посетителей, тем больше для них требуется помещений, удобств, а деньги, которые мы с них получали, не покрывали всех затрат. Мы снова оказались перед необходимостью принятия решений: банк не мог больше ждать. После здравых рассуждений мы пришли к выводу: выручка от продажи молока все равно не решит наших проблем, а вот вложение сил и средств в развитие туристического бизнеса сулило немалые перспективы. И мы — с болью в сердце — решили продать молочных коров.

...И вот настало печальное утро, когда мы с Дерекком вывели коров в последний раз. Торги были назначены здесь же, на ферме. С коровами, о которых мы так

заботились, которых Дерек пестовал столько лет, теперь приходилось расстаться. Сначала мы оба молчали, а затем... Мы с Дерексом редко когда спорим, а тут взяли да заспорили ни о чем! Похоже, каждый испытывал неодолимую потребность уколоть другого — такую боль носил каждый из нас в душе! Тем, кто думает, будто корова для фермера — не более чем живая машина, производящая молоко и телят, никогда не понять, какое чувство привязанности возникает по отношению к животному за годы забот...

Но вот последнюю корову вывели во двор и заперли стойло, Поставили ограждения — и торги начались. Коровы ревели, чувствуя, что происходит что-то неладное. Дерек обхватил меня руками и крепко прижал к себе. Слона были не нужны: мы знали, что в душах у нас происходит одно и то же. Повернувшись к торжищу спиной, дабы не видеть гнетущего зрелища, мы с Дерексом медленно зашагали к дому и стали дожидаться, пока все кончится. Это был день, который я рада была бы забыть.

...Денег, полученных за проданных коров, хватило на то, чтобы расплатиться с банком, и еще кое-что осталось на развитие фермы как туристической достопримечательности. Ну, во-первых, нам необходима была чайная комната для гостей. Как следует поразмыслив, мы решили: коль скоро двое старших детей упорхнули из гнезда, мы можем переехать в верхние этажи, а на первом сделать чайную. Мы, конечно, хотели, чтобы чайная как можно лучше передавала дух нашего дома, а потому большую часть старинной мебели перетащили туда. В одной из комнат на первом этаже находится камин — что красноречивее говорит о домашнем уюте?! Поздние полы были сняты — под ними открылся старинный пол из каменных плит. Кухню украсил изящный восьмифутовый посудный шкаф, — когда я впервые приехала к Дерексу, он стоял в

одной из пристроек и использовался для хранения инструментов. Мы быстренько очистили аляповатую желтую и зеленую краску — и заиграла подлинная фактура сосны. Теперь шкаф занимает самое почетное место на кухне, а на его полках красуются старинные медные кастрюли и декоративные тарелки. Ну, теперь понятно, во что можно превратить некогда убогое помещение, где во время оно были всего лишь истрепанные занавески да лампочка без абажура! Следующим шагом была постройка дополнительных туалетов для гостей — не выстраиваться же им в очередь!

Когда к нам на ферму приезжали школьники, они часто интересовались, есть ли у нас лошади. И мы решили завести шетлендских пони. Первой у нас появилась Динки — коротконогая темно-бурая пони с белой звездочкой на носу; поскольку она прежде бегала в паре с жеребцом, мы надеялись, что у нее родится детеныш; впрочем, мы не стали бы слишком горевать, если бы этого не случилось.

Короче говоря, число наших питомцев увеличивалось, и мы все в большей степени нуждались в помощи. У нас появилась еще пара добрых друзей, которые приходили по первому зову и помогали. Энди и Лайза — так звали наших помощников — жили по соседству; мы познакомились с ними на почве интереса к птицеводству, хотя вообще-то они держат всяческую живность. Это они принесли нам бурундучков — вон они возятся в старом загоне для птицы под окном кухни. Когда наш знакомый ветеринар Майк Хайе пришел делать прививки поросятам, заботливая Лайза оказалась тут как тут. Майк — не только квалифицированный ветеринар, но и замечательный столяр и резчик по дереву (правда, не всегда умеет держать слово — мы уже сколько ждем, пока он соизволит вырезать обещанные ложки для меда!). Зато

чувства юмора ему не занимать — с ним так весело работается и так приятно, выпить вместе чашечку кофе после того, как он закончит!

Надо сказать, что свиньи — не самые простые в обращении животные. Хрюшки очень расстраиваются, если их разлучают с маленькими — даже ненадолго, чтобы сделать прививку. Когда поросят берешь на руки, они жутко визжат, а если мамаша рядом, она непременно набросится на тебя. Поэтому мы поступили так: выгнали обеих хрюшек наружу, а сами остались с поросятами. Наша команда была в таком составе: Дерек, ваша покорная слуга, Лайза и Майк. Делая прививку очередному поросенку, мы метили его краской, чтобы не пропустить кого-нибудь или, не дай Бог, не привить дважды. Шум стоял невообразимый — поросята визжали, будто их режут, а во дворе гневно протестовали мамыши.

Тем временем Майку понадобилось заменить иглу в шприце, но, как на грех, нужный инструмент остался у него в машине. Прекрасно понимая, что ему может сильно достаться от хрюшек, Майк решил сделать так: как только свиньи отвернутся, он тихонько перелезет через забор, в два-три прыжка пересечет двор, захлопнет за собой металлические ворота и спокойно пройдет к машине. В какой-то момент свиньи в самом деле повернулись спиной, но, к несчастью, не утратили бдительности. Узрев коричневую куртку и зеленые сапоги Майка, карабкающегося через забор, обе, словно по команде, бросились на несчастного, клацая зубами, будто хотели откусить ему ноги вместе с сапогами. Поняв, что ему нечего терять, Майк поскакал к воротам такими бешеными прыжками, что ему наверняка позавидовала бы любая восходящая звезда легкой атлетики. Вот только досадная неудача при приземлении смазала все впечатление — зацепившись за что-то носком сапога, Майк полетел вверх

тормашками и шлепнулся точно в лужу перед воротами. Сила удара была такова, что фейерверк брызг взлетел на небывалую высоту — и тут же упал на расprostертое в грязи тело Майка, секунду назад являвшего собой образец респектабельности.

К счастью, фонтан брызг испугал преследовательниц — они забились в угол загона, виляя хвостиками. (А может быть, решили: раз парень с таким наслаждением плюхается в лужу — значит, спой брат свинтус, так зачем же его тогда трогать?!) Тем временем Майк, оправившись от шока и осознавая близость противника, быстро спрятался за железными воротами и дал волю чувствам. Грязь капала с его кудрей, но он, как истинный британец, засучил рукава, очистил насколько мог куртку и направился к машине за новой иглой. Из свинарника до него донесся гром аплодисментов, за которым последовал взрыв смеха, мало похожего на сочувственный. Работы оставалось совсем немного. Тщательно вымыв руки под краном, он смело вошел в загон, а затем в свинарник; хрюшки, очевидно решившие, что с него достаточно, на сей раз

проявили спокойствие. Когда дело было сделано, мы в один голос выразили свое восхищение атлетико-гимнастическими талантами Майка (хотя не могли не пройти по поводу запаха, исходящего его курткой: перед ним отступали естественные ароматы свинарника). Но вот свиньи возвратились к своим малышам, а наш дружный коллектив отправился в усадьбу пить кофе. Разговор перешел на пони — нам хотелось узнать, жеребая она или нет.

— Нет ничего проще, — ответил Майк. — Нужно сделать анализ мочи. Как только увидите, что она писает, подставьте банку, соберите немного и принесите мне для анализа.

— Легко сказать, — возразила я. Динки у нас умная, никогда не писает в конюшне.

— Опять же нет ничего проще, — сказал Майк. — Поднимите ей хвост, почешите в попке — сразу описается.

Мы удивленно поглядели на Майка, пытаюсь уловить на его лице хотя бы тень улыбки. Нет, он выглядел совершенно серьезным.

— Значит, так, — сказал он Лайзе. — Берешь банку и отправляешься выполнять задание.

Как только девушка упорхнула, он сразу перешел к рациону свиней.

— Послушай, — сказала я, не в состоянии отвлечься от прежней темы. — А что, пони и в самом деле описается, если почесать у нее в попке?

— Нет, конечно, — ответил Майк. — Просто мне хотелось проучить нахапку — она громче всех ржала, когда я шлепнулся в лужу. Теперь моя очередь — хорошо смеется тот, кто смеется последним.

...Наконец возвратилась Лайза — с пустой банкой и пунцовым лицом.

Динки так и не ожеребилась, но вскоре мы подыскали ей дружка — маленького шетлендского

пони, которого называли Том, а еще дали прозвище — Мальчик с большой пальчик. У него приятный золотистый окрас и очень длинная грива, но, к сожалению, он всегда нервничает. А еще нам привели старого, заслуженного пони — ему двадцать пять лет (прекрасный возраст для человека, но не для лошади). Его зовут Темный — не удивляйтесь, у него всего несколько седых волос.

К сожалению, в том же году не стало такса по кличке Чатни, того самого, что облаял меня при первом посещении фермы: беднягу переехало колесом. Несколько месяцев спустя Лайза и Энди привели нам полугодовалого песика, которого забрали от жестоких хозяев. Он оказался таким милашкой! Барни (так мы его называли) — должно быть, помесь бородатого колли с лабрадором, если судить по его густой шубе. Словом, он вырос в типичного фермерского пса, преданного дому и любимого всеми. Хотя Симоша считает его своим, Барни делит симпатии между двумя мужчинами: когда Симон дома, он играет с ним, а когда в школе — то с Дерексом.

Куда бы мы ни собрались, он всегда сопровождает нас, поспевая и за машиной, и за трактором. Он даже пытался помогать нам при стрижке овец — сгонял их в кружок, но овцы только разбегались в разные стороны от такого «помощника». В конце концов Дерексу это надоело, и он запер пса в машине, чтобы тот не путался под ногами. Пересев в водительское кресло, Барни громким лаем побуждал нас быстрее загонять овец во двор, но к началу стрижки он совершенно измотался и сидел тихо-мирно, тяжело дыша. Стрижку осуществлял наш кузен Клайв, а Симон помогал собирать шерсть в мешки. Потом оба проказника решили постричь еще и пса — под тем предлогом, что ему очень жарко. Они остригли ему туловище, полюбовались на творение своих рук и, покатываясь со смеху, отправились пить чай. Пес, естественно, последовал за ними. Представьте

себе этого барбоса с шикарной гривой, как у льва, пушистым хвостом, лапами в штанишках и совершенно голым телом! Но, пожалуй, больше всех забавлялся сам Барни, радуясь своей новой прическе. Впрочем, на следующий день пса отвезли к мастеру, который остриг его по всем правилам; с тех пор мы регулярно подвергаем его этой операции — то он у нас в шикарной шубе, то совсем голый. Вдобавок он порядочно раздался вширь, и к тому же у него появился один порок: когда мы собираемся на пикник, он безошибочно находит корзинку с едой и надоедливо кланчит.

Между тем Совет графства Сомерсет и Комиссия по сельской местности стали принимать участие в деятельности нашей фермы и выделили средства на создание Гостевого центра в помещении, где прежде готовили сидр. На первом этаже развернули экспозицию, рассказывающую об истории нашей семьи и о типичных для данного региона методах ведения фермерского хозяйства. Мы старались не перегружать посетителей сухими сведениями. Для разъяснения тонкостей аграрного дела и назначения различных построек нашей усадьбы предпочтительнее всего оказался язык карикатур. Экспозиция верхнего этажа была посвящена поросшим вереском торфянистым землям Сомерсета. Мы даже поставили установку для демонстрации короткометражного фильма, рассказывающего о богатстве и разнообразии дикой природы края. Теперь вся ферма была открыта для публики, а вокруг усадьбы расположили загоны с разными породами домашней живности.

Однажды нам предложили белолобых овец, и, поскольку это весьма редкая порода, Дерек решил приобрести сразу четырех. Мы сели в наш издавший виды фургон и отправились в путь, рассчитывая обернуться до темноты — дело было зимой, и тьма

подкрадывалась внезапно. Правда, мы сильно задержались с выездом, по зато быстро нашли нужную ферму и без особой возни погрузили овец в фургон. Они стояли очень смирно, как если бы были накрепко привязаны, и даже не пытались бегать по фургону. Был уже шестой час вечера, когда все возвращаются с работы; минуя Бриджуотер, Дерек решил ехать задворками, без заезда в центр, чтобы не застрять в дорожной пробке. Смирное поведение овец убаюкало его, и он совершенно забыл об их существовании. А напрасно! У овец, между прочим, есть рога, но что ими можно пользоваться в качестве отмычки мы узнали впервые. Одной из наших пассажирок удалось зацепить рогом веревку и вытянуть щеколду, на которую была закрыта задняя дверь. В кабину ворвался поток холодного воздуха, сзади раздались два глухих удара — это было неожиданностью для Дерека, и он не сразу сообразил, что задняя дверь открылась и две овцы выбрались на волю.

Дерек резко нажал на тормоза, моля Бога, чтобы сзади не оказалось ни одной идущей вплотную машины. Хорошо, что мы ехали по спокойной дороге без особого движения и даже без освещения. Правда, одна машина все же ехала за нами, но водитель, увидев, как на дорогу летят два странных предмета вроде тюков шерсти, успел затормозить и подбежал к нам узнать, не требуется ли помощь. Быстро захлопнув заднюю дверь, Дерек начал отлов. Конечно, спасибо ехавшему вслед водителю, что не остался равнодушным к нашей беде, но помочь он ничем не мог — его никто не учил гоняться за заблудившимися овцами. «Бедные вы, бедные», — только и повторял он. Между тем одна из овец забежала в чью-то живую изгородь — судя по всему, это были кусты ежевики. Дерек мигом подскочил и обеими руками вцепился ей в шерсть. Прекрасно! Одна есть. Он поволок упирающуюся овцу назад к

фургону, но кошмар еще только начинался. Подтащив овцу к машине, Дерек протянул было руку, чтобы открыть дверь, но, к счастью, сообразил, что у него только две руки и их не хватит, поскольку нужно загнать овцу внутрь и удержать от побега двух других. Тогда он стал заталкивать овцу боком, чтобы заблокировать дверь. Тщательно заперев ее, он привалился к ней грудью, переводя дыхание и не спуская глаз со второй беглянки, которая не торопясь шествовала по разделительной полосе дороги. Дерек вскочил в фургон и нажал на газ, рассчитывая отрезать овце путь к бегству. Между тем по встречной полосе приближалась другая машина — у ее водителя, должно быть, глаза на лоб полезли от изумления, когда он увидел, как разгневанный фермер гоняется за сбежавшей овцой. Он выскочил из автомобиля и принялся отчаянно размахивать руками, подавая знак машинам, которые могли появиться. Когда же Дерек поравнялся с овцой, она, заметив слева от себя сад с открытой калиткой, шмыгнула гуда, чтобы избежать пленения.

Сообразив, где она скрылась, Дерек остановил машину и кинулся к калитке, столкнувшись нос к носу с водителем другой машины, который активно включился в игру. Перекинувшись парой слов, оба ворвались в сад. Терпение Дерека было на пределе. Увидев своего преследователя, овца перестала щипать хозяйскую траву на лужайке, но Дерек был убежден, что его последнее усилие окажется не напрасным. Он бросился на беглянку таким наскоком, что у той подкосились ноги, и Дерек, сделав кульбит, шлепнулся на лужайку, а овца, сыгравшая роль гимнастического коня, рухнула прямо на него.

В этот кульминационный момент на доме, у стен которого разыгрался заключительный акт драмы, вспыхнул прожектор, и во двор выскочили трое

встревоженных людей. Можете себе представить, что они почувствовали, увидев распластавшегося на лужайке мужчину, прижимающего к себе овцу. «Просто не верится... Я поймал ее!» — сказал он случайному напарнику. Тот, поняв, что дело сделано, с облегчением вздохнул, сел в свое авто и укатил прочь. Ну, а Дереку еще предстояло довольно далеко тащить овцу до фургона. Те, кто имел дело с этими животными, знают, сколь они бывают упрямы: упрется ногами в землю и делай что хочешь!

Доехав до дому, Дерек без чувств плюхнулся в кресло. По его красному потному лицу да колючкам ежевики, запутавшимся в волосах, домашние, не принимавшие участия в экспедиции за «золотым руном», могли догадаться, что поход прошел отнюдь не без приключений...

Ну, а что касается овец, то с ними больше всего любит возиться наша помощница Мэнди. Она пришла к нам прямо со школьной скамьи в 1986 году и за минувшее время набралась опыта и сделала карьеру — от помощника по уходу за животными до инспектора. Она, как и я, страстно интересуется жизнью дикой природы, и я часто водила ее на лекции и семинары по природоохранному делу. Правда, из всех диких животных я питаю особую страсть к барсукам, а она — к лисицам, но вообще-то ей свойственно сочувствие ко всем братьям нашим меньшим. На моих глазах она выросла из угловатого «готического» подростка в высокую привлекательную женщину, без которой теперь трудно представить жизнь на нашей ферме.

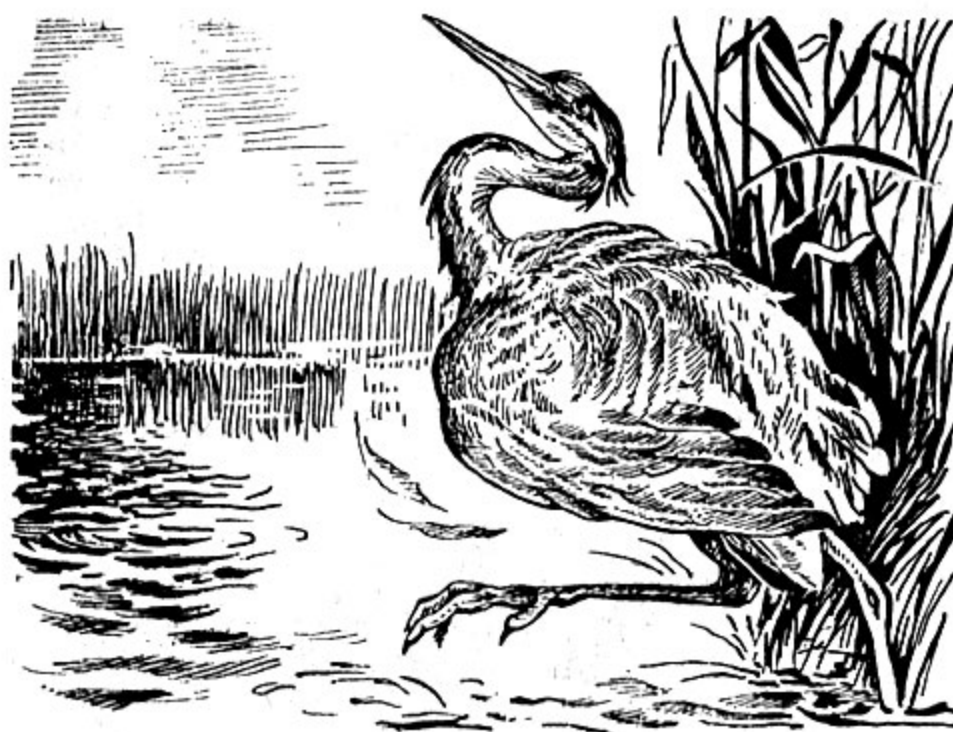
Когда нам случается терять животных, которые были нашими верными друзьями, она горюет вместе со мной. К несчастью, с нами больше нет моего красного сеттера — Шина ушла из жизни в четырнадцать лет. Я помню ее еще резвящейся собачонкой, а под конец жизни она стала такой почтенной леди, которая

проводила большую часть времени в уютном кресле на кухне и удивлялась калейдоскопу животных, мелькавших у нее перед глазами. Нам потребовалось немало времени, чтобы привыкнуть к опустевшему креслу.

Глава третья

Про птиц и летучих мышей, или Попался, который клевался

...А виноват во всем деревенский Совет!

В деревне Ист-Хантспилл местный Совет решил полностью заменить на своем здании черепичную крышу. Дело было в мае. Сняв старую черепицу, рабочие обнаружили под ней гнезда скворцов с птенцами. Еще спасибо, что сжалились и спустили вниз в картонных коробках. Ну а дальше как? Многие из них были до того крошечными, что выкормить их вряд ли удалось бы. Все же мы устроили нечто вроде

инкубатора и сделали все возможное, чтобы помочь им выжить, полагаясь больше на энтузиазм, чем на опыт: тогда мы еще только-только начинали подбирать и выхаживать покалеченных и осиротевших зверюшек, и нам еще очень многому предстояло выучиться. Мы поместили каждое семейство в отдельную крышку от коробки из-под яиц, куда постелили ткань, и вскоре я набила руку в кормлении их алчущих ртов. Каждый сеанс кормления неизменно заканчивался тем, что птенчик поворачивался ко мне задом и оставлял мне... как бы это по деликатнее выразиться? Ну, в общем, маленький пакет, который он оставляет птицеродительнице, чтобы та поскорее унесла его из гнезда, благодаря чему оно всегда остается чистым и уютным.

Конечно, у каждого вида птиц свой рацион, но мне, было, прямо скажем, не до того, чтобы баловать их разносолами. Я кормила их тем же, чем кормлю собак, — крошила хлеб, сваренные вкрутую яйца, все это хорошенько перемешивала — и представьте, старшенькие кушали с удовольствием. Боюсь, мне не хватило опыта выкормить самых крохотных, но думаю, все, что было в моих силах, я сделала. Чем старше становились птенцы, тем больше они, извиняюсь, пачкали, и так что подстилку приходилось менять после каждого кормления. Но так ли, сяк ли, вот они — одиннадцать взлохмаченных птенцов, которые вот-вот научатся клевать пищу сами..

В это время помещение, где некогда созревали сыры, у нас пустовало, так что мы удалили коробки из главного дома (о, с каким облегчением я вздохнула), затащили птиц наверх и посадили в большую клетку. Там имелись жердочки, по которым очень хорошо прыгать, и кормушки (правда, птенцы любили бегать по кормушкам куда больше, чем по всей остальной площади клетки). Скворцы чрезвычайно жадны: со страшным галдежом дерутся они из-за пищи и хватают

клювом столько, что не могут проглотить, а так как они при этом еще энергично трясут головой, то пища разлетается в разные стороны и пачкает все вокруг, не говоря уже об их собственном оперении; содержать их в чистоте — для этого нужно иметь особый дар. Но главное — они оказали мне особую честь, признав приемной матерью, так что, когда я чистила клетку, все одиннадцать с радостным криком рассаживались у меня на руках, на спине и даже на волосах. Сама удивляюсь, как я после этого не бросила все к черту! Но вот настал счастливый день, когда скворцам пришла пора улетать из гнезда (я говорю — «счастливый», хотя меня, конечно, охватывали смешанные чувства).

День выдался ясным и теплым. Отворив окно в комнате для сыров и дверцу клетки, я поставила ее на подоконник — интересно, решатся скворцы на свой первый в жизни полет или нет? Спустившись по деревянной лестнице, я закрыла дверь, чтобы туда не могли проникнуть кошки. К середине дня из клетки улетело пять скворцов, а к вечеру остался только один. После вечерней дойки нам с Дерекком нужно было отвезти соседу мешок корма; садясь в машину, мы радовались, что нашелся повод ненадолго покинуть ферму.

— Держу пари, ты счастлива, что скворцы улетели, — заявил Дерек.

— Пожалуй что так. Во всяком случае, я счастлива, что больше не придется убирать за ними. Надеюсь, с ними все будет в порядке, — сказала я.

Мы, к сожалению, не могли слишком долго задерживаться у соседа — нужно было запереть курятники на ночь, а перед этим хотелось еще выпить чашечку чаю. Въехали во двор — и увидели на пороге такое зрелище, что чуть не лопнули со смеху. На ступеньках сидели все одиннадцать скворцов, и, только я вышла из машины, они тут же бросились мне

навстречу! Ну, совсем как в кинокартине «Птицы» Альфреда Хичкока. Поднявшись по деревянной лестнице, вся в переругивающихся между собой скворцах, я засадила их обратно в клетку. Несколько дней спустя они все же улетели насовсем; но теперь всякий раз, когда нам приносят маленьких скворцов, мы вздыхаем про себя: «О, только не это!»

Из всех птенцов, которых мне доводилось вскармливать, самыми милыми были, пожалуй, голубые синицы. Они похожи на миниатюрных пингвинчиков, потому что трутся клювом о надутую грудку. У них очень своеобразный голос, который я различаю издали, в каком бы конце фермы ни находилась, хотя должна признаться, что голоса других птиц я нередко путаю. У большинства птиц от момента вылупления до становления на крыло проходит всего около трех недель; но как же изматываются за это время бедные родители, таская такое количество пищи все подрастающей ораве!

Лазоревки необычны тем, что откладывают яйца лишь раз в сезон, тогда как многие другие пернатые — два, а то и три. Птенцы вылупляются точь-в-точь в те сроки, когда из коконов вылупляются гусеницы, в частности гусеницы зимнего мотылька. Самка этого мотылька лишена способности летать и откладывает яйца на голые ветки или почки деревьев, отдавая предпочтение груше, яблоне и дубу. Яйца так и зимуют на ветках, а по весне вылупляются гусеницы, которых переносит ветром с дерева на дерево. Возможно, потому, что зимний мотылек охотнее всего откладывает яйца на дубе, на этом же дереве охотнее всего гнездится голубая синица. Они обычно устраивают себе гнезда в дуплах, а то и занимают чужое гнездо, особенно если оно на дубе или возле него.

Нередко голубые синицы поселяются в жилищах сонь, но птенцы успевают улететь задолго до того, как

у сонь начинается брачный период. В Мендипсе, где водятся косули, почти все в гнезда голубых синиц устланы характерной зигзагообразной шерстью этих животных.

В окрестностях нашей фермы водится великое множество самых разных птиц, и все они занимают свои особые территории. Близ сарая, где ныне разместился остовой центр, растут большой конский каштан и несколько деревьев ольхи; по их шишковатой коре снуют вверх-вниз в поисках добычи лазающие птицы.

Недалеко от фермы проходит автотрасса. С одной стороны, конечно, хорошо, потому что посетителям удобно добираться, с другой — постоянный шум мешает нашим питомцам. Автотрасса пролегла здесь задолго до того, как я пришла в усадьбу, но лучше бы она осталась, как в минувшие годы, тихой, прихотливо вьющейся дорогой, бегущей от Ист-Хантспилл до Вест-Хантспилл. Вдоль нее и ныне растут ивы, но Дерек рассказывал, что некогда ее украшали могучие вязы, к несчастью погибшие от какой-то занесенной из Голландии болезни.

И вот мы отправляемся на прогулку по маршруту, который предлагаем и нашим посетителям. Наш путь лежит мимо ферм, причем многие из них и ныне принадлежат родовому гнезду Киднеров. Сначала ферма кузена Маркуса, прямо напротив нашей, а далее, у самой реки Бру — ферма дядушки Дена. На реке здесь и там стоят ворота шлюзов; если повезет, увидишь лебедей, а то и больших бакланов. С началом лета над рекою появляются ласточки — они проносятся, хватая насекомых, которых чем жарче, тем становится больше. Береговая грязь идет на постройку их гнезд, похожих на блюдца и расположенных, как правило, в человеческих жилищах, куда птицы залетают через открытую дверь или разбитое окно.

Несколько ласточкиных гнезд появилось и у нас на ферме. Только вот какая вышла оказия — однажды летом мухи особенно нещадно кусали коров за ноги, отчего они сделались очень нервными, а это затрудняло дойку. Дерек решил побрызгать коров специальным препаратом, дающим защиту от мух на целый месяц. Мы проводили эту операцию в течение трех месяцев, когда мухи особенно злые, и, представьте, помогло — коровы начали вести себя гораздо спокойнее. Но на следующий год ласточки не стали строить у нас гнезда. Мухи, которые так надоедали нашим коровам, служили им пищей; отпугнув их, мы, хотели того или нет, отпугнули и ласточек. Прошло еще целых шесть лет, прежде чем ласточки вернулись.

Отправляясь вечером вдоль реки приглядеть за пасущимся стадом, Дерек нередко наблюдает за летучими мышами, которые появляются над поверхностью воды, едва спустится мгла. Наступает их время — они носятся над рекой, хватая насекомых, а то и мелких рыбешек.

Пересекаем поле — и сворачиваем на старый проселок, почему-то именуемый Вули-Беггар-лейн, то есть улица Попрошайки Вули. Время от времени встречаются семейки длиннохвостых синиц, перепархивающих с куста на куст — сядут на миг и снова взлетят. Огибая по периметру расстилающиеся поля, проселок вливается в большую дорогу, которая, в свою очередь, пересекает автомагистраль. Хотя шоссе № 5 весьма портит пейзаж, но с моста, который специально построили для этой трассы, открывается прекрасный вид на земли Сомерсета.

Многие путешественники считают здешнюю местность малоинтересной и проскакивают ее, не замедлив хода. Но сверни с магистрали — и окунешься в медленную, размеренную жизнь, не менявшуюся много десятилетий, особенно на торфянистых землях.

Здесь фермеры нередко доят коров прямо в полях, потому что фермы расположены слишком далеко и гонять коров туда и обратно просто лишено смысла. На тракторе привозят портативный подоильник, бидоны для молока — и доят. В здешних торфяниках добывают торф, а земли, не используемые для хозяйственной деятельности, оставляют для диких зверей и птиц. Так, Природоохранный трест Сомерсета устроил заповедник Уэстхей — дикая фауна быстро обжила его и процветает. Там теперь встречаются даже выдры. Я уже упоминала об ивах — в здешних краях из них издавна плели корзины, это ремесло сохранилось и поныне.

Спускаемся с моста, ступаем на малохоженую дорогу — и потихоньку шагаем обратно к ферме. Застигнутые врасплох, ныряют под укрытие кустарников шотландские куропатки. По их могучим зеленым лапам можно судить, как прекрасно приспособлены эти птицы для плавания, бегания по болоту и даже лазания по деревьям. Если повезет, увидишь стоящую в реке цаплю — она превосходный рыболов и нередко хватает даже крупных угрей. Неподалеку от нас расположено гнездовье этих птиц. Многие не знают, что такая крупная птица живет в дикой природе, — были даже случаи, когда посетители, вернувшись с прогулки по предложенному нами маршруту, сообщали, что от нас улетела цапля и стоит, как часовой, в реке недалеко от дороги!

Многие приносили нам птиц, но однажды принесли яйца. После катастрофического наводнения 1981 года необходимо было возвести новую прибрежную стену для защиты от приливов. За дело взялся местный подрядчик Артур Дакетт, владелец мощных американских грузовиков. Как-то в промозглый ветреный день он обнаружил, что в том месте, где он собирался продолжить работы, птица устрицеед

отложила два яйца. Это очень беспокоило Артура: он знал, что яйца этой птицы охраняются законом. Но не останавливать же из-за этого работу! Он тут же позвонил в Департамент по охране окружающей среды, получил разрешение на перемещение яиц с места кладки и привез их мне — может быть, удастся вывести птенцов? К счастью, мой домашний инкубатор был в рабочем состоянии; я запихала туда яйца и почти забыла о них.

Между тем в инкубаторе вылупились цыплята бентамки^[3], и, к своему удивлению, я увидела среди них очень милого птенца с длинным клювом, одетого в коричневый и белый пух. Из второго яйца так никто и не вылупился. К счастью, птенцы устрицееда появляются на свет отнюдь не беспомощными — они сразу рождаются зрячими, могут бегать, быстро учатся добывать себе корм. Таковы птенцы болотных птиц и уток. И вот наш птенец сидел со счастливым видом среди попискивающих приятелей — хорошо, что они появились на свет одновременно, радовались мы, будет кому научить его клевать и находить пищу! Иногда можешь и сам научить птенца клевать — возьми пинцет и постучи им по блюдцу с пищей, подобно тому, как птицы-родители учат своих детей. Вскоре он вытянулся и стал по крайней мере на два дюйма выше дружков, но те словно не замечали этого — «гадкий утенок» оставался с ними как равный. Мы добавили в его рацион личинок, мяса, которым кормили собак, иногда давали рыбу — конечно, в дикой природе эта птица питается моллюсками, но не ловить же специально для него! «Гадкого утенка» прозвали Олли.

Наконец Олли и его приятели-бентамки выросли достаточно большими, чтобы их можно было выпускать из загона, который находился рядом с санным сараем. Мы надеялись, что вскоре он станет на крыло и полетит

искать себе подобных, благо устье реки находилось в пределах радиуса полета устрицееда. Это произошло вечернею порою, когда я закрывала кур, — Олли помахал крыльями и взлетел. С каким наслаждением созерцала я его полет над нашей фермой, а затем над фермой нашего соседа Майкла в лучах заходящего солнца! Вернувшись в дом, я сообщила Дереку, что Олли наконец-то улетел.

Однако на следующий день Олли вернулся. Майкл увидел, как он что-то клюет возле его сеного сарая, и притащил его нам.

Пару недель спустя он улетел снова; потом его нашли разгуливающим по проезжей части Хай-стрит городка Бернгэмон-Си и передали в Отдел дикой природы Общества покровительства животным. Нам позвонил сотрудник отдела Колин Сэддон и сообщил:

— Слушай, не вашего ли Олли мы тут подобрали? Помнится, вы давали ему собачьи консервы. Когда мои коллеги пришли его кормить, он сразу узнал банку!

Очевидно, ему еще нужно было привыкнуть к своим сородичам, поэтому его на время поместили в загон с другими устрицеедами, а затем выпустили на острове Стиэрт-Айленд, где эти птицы водятся в немалом количестве.

Что ни говори, а все-таки удивительно — почему зверь или птица появляются на свет с какими-то врожденными задатками, а чему-то им приходится учиться? Мы обсуждали этот вопрос на лекции, которую нам читал в Бристоле мясник-пенсионер Даг Вудс — настоящий кладезь знаний о дикой природе. Он рассказал, что стрижи и цапли прекращают заботу о птенцах, как только те оказываются в состоянии сами позаботиться о себе. Первое, что требуется от юной цапли, — то вылететь из родительского гнезда и найти воду. Затем — научиться ловить рыбу. Ситуация со стрижами кажется еще более невероятной. С момента, когда молодой стриж покидает Родное гнездо, он остается в полете в течение по крайней мере двух лет,

за все это время ни разу не коснувшись земли. В воздухе он добывает себе корм, спит, чистит клювом перья. Подросший стриж должен сам найти путь в Африку; он возвращается на следующий год, но даже и к тому времени он остается слишком юным, чтобы производить потомство. Только на втором году жизни стрижи устраивают гнездо — и после толь продолжительного полета впервые садятся на землю.

Предполагается, что за спую жизнь десять и более лет — стриж пролетает более миллиона миль. Ну, не чудны ли дела твои, Природа?

Многие газеты охотно публикуют материалы о жизни животных. Когда нам в очередной раз позвонили корреспонденты — узнать, что у нас новенького, мы рассказали о недавно появившихся на ферме летучей мыши пипистрели и птенцам малиновки. На следующий день передовая статья в местном газете была озаглавлена так: «На ферме Нью-Роуд летучим мышам не жизнь — малина!» Однако в действительности выхаживать летучих мышат очень трудно — все, что нам известно по этому поводу, мы узнали от Чери Винсента, который годами возился с различными видами летучих мышей. Нам приносили только пипистрелей, хотя графство Сомерсет может похвастаться пятнадцатью видами, прекрасно себя чувствующими в здешних лесах и пещерах. Крошка пипистрель весит не больше, чем три 20-пенсовые монеты^[4]; невероятно, но в этом крохотном организме заключается все — и летательный аппарат, и внутренние органы, и превосходная эхолокационная система.

Вообще-то по вечерам на ферму прилетают летучие мыши, но немного, и гнезда здесь не устраивают. Очевидно, территория фермы слишком мала, чтобы их прокормить. Детенышей летучих мышей мы

выкармливаем козьим молоком, но все трудности начинаются тогда, когда им пора переходить на взрослый рацион. Летучая мышь съедает за одну ночь две-три тысячи насекомых. Мелких мошек и комаров она лопаёт прямо на лету, но если ей удастся схватить мотылька, она тащит его к себе в гнездо и там уписывает за обе щеки; при этом остатки трапезы скапливаются на полу. Поначалу было очень трудно подобрать им рацион, подходящее питание, но вскоре выяснилось, что летучие мыши охотно едят мучных червей. Но их надо еще приготовить! Отрезаешь голову и выдавливаешь содержимое, как из тюбика с зубной пастой. Впрочем, я сделала из этого небольшое «шоу» — показываю людям, как я кормлю летучих мышей. Пусть убедятся, что на самом деле эти существа отнюдь не страшны и пугаться их не надо.

Будучи столь маленькими, летучие мыши способны проникнуть почти в любую дыру в крыше — там, где отошел лист железа или черепица. Обычно воображение рисует колонию мышей где-нибудь на натянутом паутинной и открытом всем сквознякам чердаке заброшенного дома; в действительности же они предпочитают новые теплые дома.

Многие и не знают, что у них под крышами обитают такие вот арендаторы-неплательщики. Поскольку летучие мыши пипистрели живут колониями до тысячи особей в одном гнезде, им очень важно чувствовать теплоту другого тела. Я решила и эту задачу: беру водяную грелку, покрываю ее тканью — и они отлично повисают на ней, а иногда я просто балую их — ношу как украшения на своем джемпере. Был такой случай — я, как обычно, выхожу к публике и начинаю кормежку висящих на джемпере летучих мышей. При этом объясняю, что даю им десять — двенадцать червей вместо двух-трех тысяч насекомых, которых они ловят на воле. Но, видимо, объяснение прозвучало недостаточно ясно. Когда посетители расходились, я слышала, как одна леди сказала своему другу: «И откуда у такой крошки берутся силы, чтобы выжать за одну ночь две-три тысячи червей?» Я мигом представила себе бедную летучую мышь с соковыжималкой, а перед ней — гору мучных червей, которых она выжимает одного за другим, приводя инструмент в действие своими крыльями... Разубеждать дамочку я не стала.

Летучие мыши находятся под охраной закона, и всякий, кто найдет их у себя на чердаке, должен знать, какую огромную пользу они приносят. Вас раздражают комары и мошки? Так подумайте, во сколько раз их было бы больше, если бы не летучие мыши. А ведь мы, люди, — порою невольно — отнимаем у них среду обитания, как, впрочем, и у других животных.

Например, мы распыляем над лесами средства против червей-древоточцев, от которых летучие мыши гибнут и через Десять лет после их применения. Нередко губят летучих мышей те, кто затевает перестройку в своем жилище. Будьте сознательны — если вы хотите перестраивать или ремонтировать дом и есть хоть малейшие подозрения, что там могут быть летучие мыши, позвоните в Общество охраны природы — там вас внимательно выслушают и, возможно, пришлют представителя группы по защите летучих мышей. Против червей созданы средства, не причиняющие вреда летучим мышам. Впрочем, я подозреваю, что больше всего летучих мышей гибнет... в когтях тех, кому сам Бог велел ловить мышей. Догадались? Я имею в виду нашу общую любимицу — домашнюю кошку.

Впрочем, те кошки, которые живут у нас на ферме, прекрасно знают: все живое, что мы приносим в дом или нам приносят, — отнюдь не для еды. На мой взгляд, они даже слишком дисциплинированы: на ферме житья не стало от крыс и мышей, так что пришлось вызвать сотрудников санэпидемстанции и обследовать одну за другой все старые постройки. Так мы познакомились с «флейтистом из Гаммельна» по имени Джим — одним из тех милейших созданий, которых всегда так приятно видеть. Правда, он стесняется своего ремесла и предусмотрительно ставит свой желтый фургончик подальше от глаз посетителей. Но вот однажды, направляясь к одному из дальних сарайчиков, он столкнулся в саду со вновь прибывшей группой детей. Спрятав за спиной ведро с отравой (само собой разумеется, приманка используется такая, которая действует только на мышей и крыс, — не приведи Господь, чтобы на нее польстился кто-нибудь из наших питомцев!), он стал делать вид, будто ухаживает за садом. И в тот же миг услышал:

— Мое почтение, господин Крысодав!

Это крикнул ребенок, в семье которого Джим как-то побывал, выполняя профессиональные обязанности. Ребенок был явно горд тем, что узнал Крысодава, и 65 пар глаз тут же устремились на Джима. Вяло улыбаясь, он помахал детишкам ручкой и пошел прочь, раздосадованный тем, что его разоблачили...

В обязанности Джима входит также надзор за голубями — когда с ними нет сладу, их приходится отлавливать и истреблять. Такие меры у многих вызывают недоумение — нельзя ли просто отлавливать их и выпускать где-нибудь в другом месте?

Джим, которому осатанели подобные вопросы, поставил опыт: утром поймал нескольких голубей, пометил специальной краской и посадил в свой фургончик. «Я делал все, чтобы: сбить их с толку, — рассказывал он потом. — Весь день кружил по самым извилистым дорогам — то в Вуки, то в Мендипс, удивляясь, как у них от этого не закружилась голова! Наконец я выпустил их в Бристол, дую домой — и, что бы вы думали, голубчики встречают меня на том самом месте, откуда я их вывез!»

Крыть было нечем.

Большинство людей мало знают о птицах. Однажды нам позвонили люди, подобравшие у себя в саду птенца ястреба-тетеревятника, но не представлявшие, как за ним ухаживать. Может быть, мы заберем? В это время на ферме жили мой племянник Линкольн и его подружка Лиз. Они приехали из Кента в отпуск. Линкольн здорово помог нам с ремонтом построек, а Лиз славно потрудились в саду. Оба не переставали удивляться разнообразию животных и птиц, появлявшихся у нашего порога, а когда я сказала, что нужно съездить за птенцом, попросили взять их с собой.

Линкольн, который едва разменял третий десяток, был весь в отца: стройный, рослый — по крайней мере 6

футов 7 дюймов, так что ему пришлось сложиться, как портновский метр, чтобы залезть в машину. Погода выдалась жаркая, и мы ехали с открытыми окнами. Ветер заодно трепал длинные волосы Линкольна, которым позавидовала бы любая девчонка. «Эй, осторожнее, испортишь прическу!» — поддразнивали мы его. Переводя разговор на другую тему, он объяснил, что всегда интересовался хищными птицами и горел желанием увидеть птенца какой-нибудь из них.

— Это может оказаться вовсе не ястреб-тетеревятник, — предупредила я, — Далеко не все умеют различать птиц. Но, по крайней мере, он у них в коробке, так что свою искать не надо.

Когда мы подкатили к дому, я велела Линкольну забрать птицу, а сама развернула машину. Мы с Лиз нетерпеливо ждали его возвращения. Но вот парадная дверь открылась, и оттуда вышли Линкольн и хозяйка дома, благодарившая его за то, что он забрал птенца, и наказывавшая беречь его как зеницу ока. Линкольн бережно прижимал к груди накрытую платком коробку из-под мороженого. Наконец он забрался в машину, и мы все с нетерпением уставились на коробку — что же в ней? Линкольн торжественно сдернул платок...

— Ну что, довольны? — улыбнулся он.

В коробке гордо восседал яркий, как картинка на белой скатерти, птенец — конечно же никакой не ястреб-тетеревятник, а... щегол!

К хищным птицам обычно относятся с почтением, но только не к сорокам. «Воровка» — это еще самое лестное, что про них говорят. Конечно, стрекотуньи-белобоки в последнее время расплодились, но теперь доказано, что ущерб от них куда меньший, чем от пустельги или того же ястреба-тетеревятника, нещадно ворующих у других птенцов и яйца (эти виды одновременно находились под строгим контролем

охотинспекторов). В то же время численность других видов сильно сократилась — среди них крапивник, малиновка, черный дрозд: предполагают, что причины тому — изменение климата в последние годы и интенсивные методы ведения сельского хозяйства, начисто уничтожающие сорняки; а раз нет сорняков, нет ни семян, ни насекомых, которых сорные растения привлекают. Но есть надежда, что баланс будет восстановлен — слава Богу, мы все больше понимаем необходимость природоохранной деятельности. Так что давайте не будем сваливать все на бедную сороку.

Дереку приходится возиться с брошенными и обездоленными существами не меньше, чем мне, а поскольку мы живем недалеко от моря, нам часто приходилось подбирать чаек. Однажды кто-то позвонил и пригласил приехать в Уэстон-Сьюпер-Мэр за морской птицей. Когда Дерек уже собирался садиться в машину, его разговорил один из посетителей, задавший вопросы о животных; в итоге Дерек уехал, забыв а взять с

собой коробку, чтобы поместить в нее нашего нового питомца, и сетки, чтобы отловить его. Когда он приехал на место — это оказался вертолетный музей, — то обнаружил, что его ждет не чайка, как он думал, а морской орел — самая крупная и самая впечатляющая из морских птиц. Но при всем величии и красоте у этих птиц есть свои трудности — когда ветер сдувает их в сторону суши, садиться им нужно только туда, откуда можно взлететь без разбега — например, на утес. Наш красавец, хотя и имел семифутовый размах крыльев, был я совершенно беспомощен и взлететь не мог. Если бы кто-нибудь пришел на помощь Дереку, с птицей быстро удалось бы справиться, но никто не решался — все знали, что у нее мощный клюв и она не преминет им воспользоваться при первой же возможности. Но вот Дереку под аплодисменты толпы зевая удалось загнать птицу в угол — ему дали веревки и прочный картон, который он обернул вокруг тела птицы, а на голову ей надел мешок для денег из мягкой материи, чтобы заставить ее успокоиться. Птице было как минимум четыре года — только с этого возраста оперение у них становится необыкновенно красочным. У этих птиц отсутствуют ноздри на внешней стороне клюва, что позволяет им нырять головой вниз в море с высоты до ста футов — это значит, что при столкновении с водой скорость птицы достигает 60 миль в час. Дерек отвез птицу прямо в Отдел дикой природы, где имелись условия для содержания морских пернатых.

Хотя на выезды по вызовам уходит масса времени, нам всегда интересно посмотреть на самых разных птиц, которых — при нашем образе жизни — нам вряд ли удалось бы увидеть. Дереку приходилось ездить за самыми необычными пернатыми — тут были и гагары, и бекасы, и перевозчики, и даже глупыш.

Этого глупыша наша помощница Мэнди запомнит на всю жизнь, так как именно ей пришлось с ним возиться,

прежде чем его отправили в Общество покровительства животным. Внешне он похож на чайку, но на загнутом крючком клюве отчетливо выделяются две ноздревые трубки — через них он выбрасывает темную, плохо пахнущую жидкость, от которой потом очень трудно отмыться, — такой у этих птиц способ защиты. Бедная Мэнди узнала о дурной привычке глупышей только тогда, когда наш питомец как следует «освежил» ее своим «одеколоном». Мэнди немедленно посадила птицу в клетку и кинулась к нам, чтобы выложить все, что думает о нас и о глупыше. Слава Богу, нам с Дерексом не занимать чувства юмора, и мы всласть поохотали над неудачницей, что вряд ли было воспринято ею как выражение сочувствия. Глупыши встречаются на большей части побережья, где имеются удобные скалы, с которых можно взлетать. Глупыши — птицы-долгожители: они могут жить до сорока лет. (Впрочем, наш питомец пожил с нами всего два дня, но нам и этого хватило с избытком!)

Когда имеешь дело с птицами, у которых большие клювы, соблюдай предельную осторожность, чтобы они тебя не покалечили. Обычно я надеваю им на клюв резинку — и порядок. Как-то раз мне позвонили и спросили, могу ли я забрать раненую цаплю.

— Какого характера ранение? — поинтересовалась я.

— Огнестрельное, — ответили мне.

— Кто же ее так? — удивилась я.

Стесняясь, собеседник признался, что цаплю подстрелил он сам. Дело в том, что эта птица с завидным постоянством таскала из бассейна у него под окнами золотых рыбок, являясь каждое утро прямо к завтраку. В один прекрасный день он решил, что с него достаточно — схватил ружье и выстрелил у нее над головой. Хотел только пугнуть с расчетом, что она

больше не вернется. Но, к несчастью, в момент выстрела цапля вспорхнула, и заряд попал ей в шею.

— Привозите, посмотрим, — сказала я.

— Спасибо, я уже в пути, — с облегчением вздохнул мой собеседник и повесил трубку. (По понятным причинам я не буду называть его имени.)

Тут я вспомнила — надо же было предупредить, чтобы он остерегался клюва! Да нет, все обойдется, подумала я. Из разговора я поняла, что он умеет обращаться с животными, значит, спасение от их клювов и когтей — первое, чему он должен был научиться. Через несколько минут во двор въехала машина. (Забегая вперед, скажу, что цаплю вылечили, и она улетела на волю.) Когда хозяин вышел поприветствовать меня, я увидела, что на носу у него красуется здоровенная царапина, а одно из стекол очков разбито вдребезги — не будь он в очках, остался бы без глаза.

— Ну что, досталось вам от цапли? Теперь вы квиты, — сказала я. Тот нахмурился. Как и королева Виктория, он был не из тех, кто понимает шутки.

Глава четвертая

Мои барсуки: три полосатые морды и один герцог

«Ну, что там на сей раз?» — подумала я, когда один из работников фермы принес мне картонную коробку. С того момента, как мы с Дерекком приняли историческое решение превратить нашу ферму в «показательную» и открытую для публики, прошло пять лет. За это время слава о нас как о мерных друзьях животных распространилась повсюду, и к нашему порогу приносили множество разнообразных зверюшек. Из коробки доносился какой-то странный, неведомый мне шум — некая смесь гусиного гогота и собачьего лая. Я с

любопытством заглянула в коробку — там сидели три серых существа, каждое не более восьми дюймов в длину. У них были бархатные шубки, а на каждой лапке красовались пять блестящих ровных коготков. Подняв мордочки в черную и белую полосу, они глядели на меня своими молочными глазками. С первого взгляда на трех крохотных барсучат я поняла, что они займут в моей жизни очень большое место — по крайней мере, на ближайшие несколько месяцев. Я никогда прежде не видела новорожденных барсучат. Они появляются на свет обычно в январе-феврале и первые восемь-десять недель полностью зависят от мамы. Если барсучиха почему-либо умрет, детеныши останутся под землей и погибнут от голода. Такая судьба ожидала бы и этих троих, но спасение им принесла, как ни парадоксально, разрушительная деятельность человека. Прокладывая дренажные трубы, рабочие наткнулись на барсучью нору. Там нашли мертвую барсучиху и троих детенышей, которые по-прежнему сосали ее. Рабочие не знали, что и делать. Тут один из них вспомнил о нашем существовании и снарядил к нам гонца. Я поняла, что детеныши здоровы и им отнюдь не угрожает истощение. Они только похныкивали от холода. Я, конечно, отнесла их на кухню и поставила греться у печки «Рейберн», но сперва, хорошенько побрызгала антиблошиным дустом, а то на их полосатых мордашках было — каждой блошке по дорожке! Вскоре тепло сделало свое дело, и барсучата уснули, а мы тем временем кинулись обзванивать друзей и изучать зачитанные до дыр справочники.

Судя по всему, малышам едва исполнилось пять недель. Глазки у них только-только прорезались, и правильной фокусировки в них не было. Когда голод наконец заставил их проснуться, я стала кормить их с помощью шприца. Однако сперва нужно было потереть у них между задними лапками ткань, смоченной

теплой водой, — точно так же, как мама лижет их своим теплым язычком: это стимулирует опустошение мочевого пузыря и кишечника (о том, к каким последствиям это подчас приводило, я расскажу в свой черед). Вот теперь можно кормить. Беря на руки одного барсучонка за другим, я обнаружила, что это две девочки и один мальчик, и тут же дала им имена. Девочек назвала Блюбелл и Примроуз (что значит Колокольчик и Первоцвет), а мальчика — Уиллоу (Ива).

Процедура кормления барсучат занимала час, а повторять ее нужно было через каждые четыре часа. Теперь я весь день не знала покоя — первая процедура происходила в шесть утра, а последняя — в полночь. Коробку с детенышами я перенесла в гостиную, где имелся обогреватель; таким образом, они постоянно находились у нас на виду. Когда я по очереди кормила барсучат, они уютно устраивались у меня на коленях или сворачивались калачиком рядом со мной в кресле. Надо ли говорить, что они признали меня родной матерью. Не знаю, кто испытывал при этом большее наслаждение, они или я; ведь это счастье, когда такие красивые зверюшки являются твоими преданными друзьями.

Правда, когда я впервые взяла их на руки, они приветствовали меня весьма своеобразно — специфическим мускусным запахом; то же самое они проделывали, когда были чем-то взволнованы и в ожидании еды. Это у них своего рода семейный опознавательный знак: у каждого барсука у основания хвоста имеется мускусная железа, и члены семьи постоянно метят друг друга. Таким образом, каждый барсук имеет возможность отличить своего, ну и, конечно, распознать пришельца. Поскольку обоняние у барсуков развито в пятьсот раз лучше, чем у нас, они по запаху легко отличают друга от врага.

Как-то поздним вечером, сидя у камина с тремя барсучатами, сладко заснувшими у меня на коленях, я подумала, как же трудно мне будет выпустить их на волю, даже если удастся их вырастить. Ведь у них — ни семьи, ни принадлежащей им территории. Однако, оставив эти раздумья до лучших времен, я сосредоточилась на настоящем — давайте решать проблемы по мере их возникновения. В конце концов, с чего я сейчас-то паникую? Сажу себе в уютном кресле, люблюсь горящими полешками, тогда как мой бедный Дерек на пронизывающем мартовском ветру осматривает овец, которые вот-вот начнут ягниться! Ну, ничего, сейчас придет, и мы отправимся спать. Я подошла к окну и оглядела двор: луна сияла так ярко, что не нужно было зажигать огонь. В лунном свете различались даже нити паутины, опутавшие изгородь. По всей стране, присосавшись к любящим мамашам, глубоко спят по своим норам много-много барсучат, не ведая о кознях и злобе мира сего, о холодном ветре, разгуливающем снаружи! Пройдет еще четыре-пять недель — и весна вступит в свои права. Вот тогда-то нужно будет в первый раз выйти на поверхность, познать новые картины и запахи, совсем не те, что под землей! Конечно, сначала — ни на шаг от мамочки: она покажет занятую семьей территорию, научит, где добывать пищу, по каким тропкам безопаснее бегать, и все это — в процессе веселой игры! Она также представит детенышей другим членам семьи и возьмет на себя их защиту. Господи, думала я, как мне справиться со всеми этими обязанностями самой?!

Не прошло и недели, как барсучата научились самостоятельно пить из бутылочки. Я попробовала посадить их на пол, и они тут же, хотя и не очень уверенно, принялись исследовать окружающее пространство. У них уже появилась нормальная

фокусировка глаз — там-то, под землей, они ведь ими не пользуются, полагаясь в основном на обоняние.

Как вы уже, наверное, догадались, барсучата вызвали огромный интерес у наших друзей — особенно Кена Чапмана, заядлого фотографа-любителя, который предложил снимать детенышей в течение всего времени, пока они будут подрастать. И вот как раз во время первого «сеанса» — через три недели после их появления у нас — я обратила внимание, что Уиллоу ведет себя слишком вяло и апатично. Впрочем, глаза у него блестели так же ярко, как у сестричек, и сосал он так же бойко, как и они; в общем, других признаков для беспокойства не было, и я не придавала этому значения. И напрасно! Это был предупреждающий сигнал. Проснувшись на следующее утро, я увидела моего малыша мертвым. Горечь утраты была велика, но у меня на руках оставались еще две девчонки — нужно было выяснить, не было ли моей вины в гибели барсучонка, и если была, то как не повторить ошибки? Тельце повезли ветеринару на вскрытие. Да, тут была и доля моей вины. Барсучонок умер от инфекции в легких. При кормлении детеныша из бутылки нельзя позволять ему сосать слишком быстро — молоко может попасть в легкие, а это вызовет легочную инфекцию, подавить которую в столь крохотном организме очень непросто, даже с помощью антибиотиков. Я получила урок на всю жизнь — если инфекция поражает диких животных, она долго не дает внешних проявлений, пока состояние животного не становится угрожающим.

Утрата обескуражила меня, и все же я продолжала воспитывать своих девчонок, хотя и с большей осторожностью, чем прежде. Моя привязанность к барсучатам была такой сильной, что я ни в коем случае не передоверила бы их никому другому, но боязнь сделать ошибку занозой засела в моем сознании. Я нуждалась в больших знаниях о барсуках, их образе

жизни, социальном поведении и взаимоотношениях с окружающей средой, а почерпнуть столь необходимые сведения я могла только из книг. Впрочем, слух о том, что у меня появились барсучата, скоро разнесся по всей округе — к нам зачастили представители местной Группы по защите барсуков, так что было кого послушать и у кого набраться опыта.

Но как непредсказуема порой игра судьбы! В одно прекрасное утро, всего через шесть дней после смерти Уиллоу, к нам пожаловал один фермер. Неподалеку от его фермы на дороге нашли мертвую барсучиху, а позже, когда фермер приехал забрать мешки с силосом, он увидел в углу, позади мешков, крохотного барсучонка-мальчика, явно брошенного матерью. Молодые самки часто уходят рожать подальше от основного жилища барсучьей семьи, поскольку там остается рожать главная хозяйка: существует риск, что она может погубить потомство другой самки. Фермер не мог знать, приходилась ли мертвая барсучиха матерью этому детенышу или нет, но на всякий случай оставил барсучонка на месте — в надежде, что если его мать жива, то вернется (хотя, по правде говоря, в это было трудно поверить: уж очень активно там хозяйничали люди!). К несчастью, барсучиха (если она была жива) так и не вернулась, и детенышу грозила смерть от голода и холода. Конечно же я взял барсучонка в дом, и Уиллоу влился в общий кружок. Правда, моим девчонкам было приблизительно по два месяца, а он оказался недели на две моложе.

Несколько дней спустя меня посетила догадка, почему мамаша бросила его. Ни одно существо не было так трудно кормить, как это! Сначала вставишь ему в рот резиновую соску, затем принимаешься крутить бутылочку, нажимать на соску — мол, кушай, миленький, не стесняйся! А детеныш вцепится в соску зубами да так и будет держат минут десять, не

проглотив ни капли; зато потом начнет сосать так, будто до этого голодал целый день. Такое нередко случается с барсучатами и в дикой природе, когда у матери недостаточно молока, он вцепится в нее, чтобы не допустить никого другого. Когда искусственно вскармливаешь детеныша, все, что в таком случае требуется, — это терпение. Жди, пока детеныш осознает, что конкуренции нет, отпустит соску и начнет кушать за милую душу. Но легко сказать — имей терпение! Если барсучата затевают драку из-за пищи, можешь оставить надежду, что свою семью накормишь обедом вовремя. Да и другие дела тоже придется отложить до лучших времен. Каких усилий стоит казаться невозмутимой и счастливой, когда сталкиваешься с глазу на глаз с этим упрямым, согнувшимся в дугу созданием! Правда, он перерос эту фазу уже через несколько дней, но упрямство — впрочем, не такая уж плохая черта для молодого человека! — в нем осталась. Впоследствии из-за этого не раз возникали конфликты.

Когда нам принесли барсучат, то предупредили, что из-за смены рациона у них через две недели начнет выпадать шерсть. В этом нет ничего страшного — она только обламывается у корня и вскоре отрастает вновь. С моими девчонками такого не произошло — может быть, потому, что они в столь раннем возрасте перешли на новую диету, их организм никак не отреагировал на это. Чего не скажешь о бедняге Уиллоу — в течение нескольких недель шерсть у него выпадала по волоску, и в итоге он остался совершенно голым почти как человеческий детеныш, если не считать сохранившихся полосок на спине и белой шерсти на морде. Правда, в остальном он был совершенно здоров и старался на равных играть с девчонками, которым было не занимать озорства. Только вот такая штука — когда барсуки играют, они хватают друг друга за складки шкуры и

тянут, а так как кожа у нашего Уиллоу была ничем не защищена, то представляю, как ему подчас бывало больно.

Теперь сон не занимал в их жизни столько времени, сколько прежде, — им хотелось играть и исследовать окружающее пространство. А так как последнее пока ограничивалось домом, то беспорядок стал нашим постоянным спутником. Великолепно развитое обоняние позволило барсукам быстро разведать, что находится за дверцей холодильника, а также — за какой дверцей буфета стоит вазочка с печеньем. Когда барсук достигает подросткового возраста, у него на лапах вытягиваются когти, которыми он прекрасно роет землю, но в доме-то землю не пороешь, а лапы так и чешутся. Ну, скажем, стоит недостаточно плотно прикрыть дверцу буфета и оставить крохотную щелку, как в эту щелку тут же залезет когтистая лапа — и пожалуйста, дверца нараспашку! Впрочем, даже человеческим детенышам требуются годы, чтобы уразуметь: в холодильник или буфет нельзя лазить без спросу! Стоит ли тогда винить бедного барсучонка, что его потянуло заглянуть в щелку? Однажды я поставила в буфет пять пакетов кукурузных хлопьев в сахарной пудре и опять-таки недостаточно плотно закрыла дверцу... Если бы я не застигла барсучат на месте преступления, то, скорее всего, им не поздоровилось бы; но когда я увидела трех утомленных, свернувшихся калачиком воришек, с головы до хвоста вывалявшихся в сахарной пудре, то мне ничего не оставалось, как покатиться со смеху... Правда, к их чести я должна сказать, что они не больно шkodили в доме, поскольку я припасла для них огромное количество игрушек; но все же мы решили, что самым правильным будет держать их под постоянным надзором. Днем их помещали в гостиную, где за ними смотрела либо я, либо наша секретарь Джин. Большинство наших работников носят

джинсы или тренировочные костюмы, и если у кого-то из них бахрома вокруг ступней оказывалась влажной и изжеванной, значит, он заходил в гостиную. Что поделаешь — в рацион барсуков уже в этом возрасте входят черви, вот мои голубчики и решили проверить, а вдруг бахрома на джинсах — это какие-то особенно вкусные черви!

В апреле я прекратила кормить моих девчонок из бутылочки — они успешно освоили рис со сливками, а затем стали есть буквально все. Но Уиллоу никак не хотел отвыкать от бутылочки, вообще, как это нередко случается с самым младшим в семье, стал очень избалованным. Стоило ему поскандалить с девочками, как он тут же бежал ко мне плакаться: бедный я, бедный! Трется о ноги и ждет, что я возьму его на

ручки, а потом с торжествующим видом смотрит на сестренку: вот, мол, я какой!

Между тем держать девчонок в доме с каждым днем становилось все труднее — я боялась, как бы они вообще не разнесли его в щепы. И мы решили построить им временное жилье из соломы в старом коровьем стойле. Днем Уиллоу находился вместе с ними, а на ночь я его все же забирала в дом — во-первых, он по-прежнему ел из бутылочки, а во-вторых, у него еще не отросла шубка. Он поселился в теплом, уютном и проветриваемом буфете, выходя оттуда только поесть или поиграть с Барни. Надо сказать, у них с Барни сложились очень теплые отношения, которые продолжались все то время, пока Уиллоу оставался с нами.

Хотя девчонки жили теперь отдельно, я, по крайней мере, три раза в день на полчаса приходила играть с ними, а то еще обидятся, что я мало уделяю им внимания! Барсуки принадлежат к тому же семейству, что и хорьки, но гораздо крупнее. Челюсти у них столь мощны, а зубы столь острые, что они могут запросто откусить тебе пальцы; но даже когда они кусаются просто так, играючи, ей-богу, это очень больно! От таких игр мои бедные рученьки и ноженьки стали совершенно синими, а местами — почти черными. Но что поделаешь — взялась быть приемной матерью сироткам, так не ной! А они и рады — обращаются со мной как с игрушкой. Загон для девчонок снабдили воротами из листового металла, а то как бы местные барсуки не поубивали моих, оказавшихся на чужой территории. У барсуков вообще очень развито чувство территории, они метят ее по всему периметру экскрементами, предупреждая: сюда нельзя! Когда в Отделе дикой природы Общества покровительства животным появляются покалеченные барсуки, то они изнутри метят заборы загонов, куда их помещают. В

свою очередь, местные барсуки приходят и метят забор снаружи, предупреждая пришельцев, что их загон окружает чужая территория. Впрочем, у нас никогда не возникало территориальных споров, хотя всего через два поля имеется старая-престарая барсучья нора. Правда, барсучат нашли всего в двух милях от нее — не исключено, что они принадлежат к тому же семейству.

Как раз в это время пришло приглашение приехать с нашими барсучатами на сельскохозяйственную выставку в Лондон. Выставка проводилась в Гайд-парке в начале мая и была приурочена к 150-летию Королевского сельскохозяйственного общества и 100-летию министерства сельского хозяйства, рыболовства и продовольствия. Помимо других экспозиций, каждая региональная группа Национального союза фермеров демонстрировала, какие продукты фермерского труда (будь то продукты питания или продукция местных ремесел) составляют славу той или иной местности. До этого нам неоднократно приходилось участвовать в различных шоу, и мы знали, что повышенное внимание публики не травмирует животных. Ну, а за барсуков вообще можно было не беспокоиться — в этом возрасте, где бы они ни находились, они чувствуют себя уверенно, пока я с ними рядом. Мы договорились, что будем ночевать прямо в павильоне вместе с нашими питомцами, и я согласилась взять с собой и других животных, так что получится целая выставка — «Наша страна и дикая природа». Уиллоу по-прежнему кормили из бутылочки, а в условиях выставки это будет слишком сложно. Так что решили взять только сестричек. Джин, которая была без ума от Уиллоу, сказала, что заберет его к себе домой на три дня (если бы она только знала, на что себя обрекает!). Симон, который часто помогал мне с барсуками, ехал со мной. Мой кузен Клайв участвовал в показательной стрижке овец, причем все в том же павильоне, так что мы все втроем отправились в

Лондон на его джипе, а следом шел трейлер с животными, провиантом и оборудованием. Время от времени мы останавливались, чтобы убедиться, все ли живы-здоровы и все ли в целости и сохранности.

Поскольку мои родители проживают в окрестностях столицы, мне часто приходилось бывать в Лондоне, а Симон просто обожал здешние развлечения, особенно подземку: купишь билет — и катайся сколько хочешь, хоть целый день не вылезай на поверхность! Зато Клайв редко бывал в Лондоне, а уж ездить по улицам столицы ему прежде не доводилось вовсе. Множество светофоров и дорожных знаков привели его к ошибочному мнению: следи за всеми сигналами, и все будет прекрасно. Все, что требовалось от Клайва, — держа курс на север, проехать в бесконечном потоке машин четыре переулочка и свернуть на четырехполосную трассу, идущую на юг, а там в каких-нибудь пятидесяти ярдах был наш въезд на территорию Гайд-парка, но все же Клайв умудрился свернуть не туда. По своему горькому опыту я знаю — если уж ты пропустил нужный поворот, больше его не найдешь. Бедняга взглянул на меня и спросил:

— Ну, что теперь делать?!

— Включи сигнал правого поворота и смелей рули.

Клайв, чей железный характер был под стать его могучей фигуре и высокому росту, выполнил все в точности. Джип и трейлер вписались в нужный поворот, невзирая на протесты других водителей, жестами показывавших, что мы нарушаем.

Это было одно из самых крупных шоу, в которых мне когда-либо доводилось участвовать. Территорию обнесли высокой оградой, и охранники тщательно проверяли пропуска и ветсправки. Кроме того, нужно было сообщить о своем прибытии местным ветеринарам, чтобы они были в курсе, какие животные прибыли на выставку. Мы справились с планом, чтобы

выяснить, где находится наш павильон, — найти его среди моря белых шатров, выставочных рингов, загонов и аттракционов было не так-то просто. Но вот наконец мы доехали, быстро распаковались и поместили наших питомцев в специальные загоны. Мои опасения относительно барсучат мигом рассеялись, когда я увидела, как они резвятся, выплескивая наружу энергию, которая накопилась у них за время пути.

Слава Богу, животные устроены, теперь нужно устраиваться самим. Павильон был огромный, со множеством стендов: сыры, сидр, вина и плетеные корзины — лишь малая часть того, чем может похвастаться Сомерсет. Внизу была устроена сцена и поставлено с полтора ста кресел для зрителей — здесь. Я в течение трех дней будет проходить развлекательная программа. Посетителям предлагалось послушать концерты местной фольклорной группы «Йети», поучаствовать в различных конкурсах, понаблюдать, как прядут шерсть, ну и, конечно, как стригут овец. В чем, в чем, а уж в этом-то Клайв мог показать класс! В середине павильона между загоном с телятами и загоном с крупными черными свиньями поставили палатку для нас и наших питомцев. Всюду хлопоты, возня, суета — шли последние приготовления к первому и самому важному дню выставки: ожидался визит ее величества и герцога Эдинбургского. Ну а те, кто закончил свои дела, не спеша подходили посмотреть на барсучат и полюбоваться стендами.

Между тем, пока нас еще не устроили на ночлег, мы даже не могли найти подходящего места, чтобы отдохнуть. Расспросы других участников выставки результатов не дали — я поняла, что ночевать придется здесь же, в палатке. К нам подошел офицер полиции, отвечающий за безопасность павильона, и спросил, что это за бедные душеньки спят в палатке.

«Бедные душеньки», как нас назвал полицейский чин, — совершенно точное определение. Мы проснулись в полшестого утра, стуча зубами от холода. Будь ты хоть трижды фермер, привыкший ко всем тяготам фермерской жизни, — все равно тяжело! Я натянула на себя всю одежду, какую привезла с собой, и отправилась за чайником в бытовку, принадлежащую офицеру безопасности, — он любезно разрешил нам им пользоваться. Все наши питомцы дрыхли без задних ног — за исключением амбарной совы по кличке Сейдж, которая бодрствовала в эту пору, уставившись на блеск и многоцветье стендов. Я вышла из павильона взглянуть на Лондон — солнце всходило из-за деревьев, а мое дыхание застывало в холодном утреннем воздухе. Но и в эту пору машины переполняли улицы, а неоновые огни сияли, требуя вашего внимания. Лондон никогда не спит, в чем я еще раз убедилась в тот же день поздно вечером. Все казалось каким-то чужим; но вот я услышала гудение портативных доильных аппаратов — выставка выставкой, а дважды в день доить коров нужно. Хор звуков просыпающейся выставки сплетался с шумом уличного движения; гудки машин перекликались с мычанием коров и блеянием овец. Два столь разных мира слились воедино — правда, только на три дня.

Вскоре вылезли и барсучата, ожидая завтрака, мы покормили их и, как полагается, поиграли с ними. Загон мы устроили так, чтобы уставшие от игр и всеобщего внимания животные могли спрятаться за тюки соломы, где их никто не потревожит, и уснуть. Но вот животные накормлены, вычищены, да еще и наигрались вдоволь, а у нас в животе бурчит от голода. Я послала Симона раздобыть чего-нибудь поесть, а сама, надеясь, что еще не бесповоротно пропахла свиньями, которые всю ночь были нашими ближайшими соседками, пошла переодеваться для участия в шоу. Все, что удалось

раздобыть Симону, — хот-доги да пирожки с луком. Лучше бы сама сходилa, подумала я, но не сказала ни слова.

К счастью, погода оказалась на нашей стороне — туман рассеивался, и денек обещал быть хорошим. Наконец открылись ворота, на выставку вошли посетители, и воцарилась волнующая атмосфера. Мы с Симоном договорились: будем демонстрировать наших питомцев по очереди, а тот, кто будет свободен, сможет сам посмотреть выставку. Но ничего не получилось — животные вызвали такой интерес, посетители задавали столько вопросов, что временами нам самим хотелось спрятаться за тюки соломы! Многие дети, да и взрослые никогда прежде не видели барсучат — удивительно, но большинство думали, что это скунсы. Некий всеведущий джентльмен показал на них своей супруге:

— Пойдем взглянем на них, Дорис! — и, подведя ее к загону и кивнув мне в знак приветствия, сказал: — Представляете, моя жена никогда не видела выдр!

Улыбнувшись ему в ответ, я подумала: «Она их и на сей раз не увидела!»

Наблюдая за реакцией публики, я подумала: как же хорошо, что мы такие разные! Конечно, огорчительно было слушать школьников, которые, по их собственным признаниям, мало что знали о сельской местности (где мы почитали таким благом жить!), поскольку им редко удавалось там побывать. Потом нас с Симоном обругала одна разгневанная леди — дескать, какое мы имеем право держать этих животных, нужно немедленно выпустить их на волю! Я попыталась объяснить, что бедные сиротки погибнут, если сейчас окажутся на воле, но мы непременно выпустим их, когда они будут к этому готовы. Похоже, наш ответ не удовлетворил ее. Но куда больше было таких, кто искренне радовался встрече с барсуками. Поговорить с такими людьми было

необыкновенно приятно, и мы затевали горячие дебаты об охране дикой природы и угрожающих ей опасностях — прежде всего из-за вмешательства человека. Многие фермеры, приехавшие на выставку, заходили к нам поболтать. Некоторые говорили, что на их землях живут барсуки, но они об этом никому не рассказывают. Как я поняла, в целом фермеры на стороне барсуков. Зато к лисицам у них противоположное отношение — думаю, излишне объяснять почему.

Ближе к полудню посетителей попросили покинуть павильон, и в дело включились сотрудники службы безопасности: сам герцог Эдинбургский изволил совершать прогулку по выставке. Слава Богу, подумала я, хоть немного посидим в покое и тишине, покормим зверюшек да поедим сами! Воспользовавшись передышкой, я позвонила домой. К счастью, на ферме все было в порядке. Уиллоу отнюдь не страдал отсутствием аппетита и наслаждался жизнью в компании четырех колли.

— Ну, а как он там, не особенно кусается?

— О, здесь мы ему это не позволяем. Он у нас под контролем. К тому же ему так нравится лежать в собачьей корзине, а там он вполне безопасен.

Явившись в павильон, герцог старался поговорить с как можно большим числом людей. Он расспрашивал Симона про амбарную сову, а когда взглянул на барсучат, то тоже поинтересовался, будем ли мы выпускать их на волю. Как я рада была дать положительный ответ! Блюбелл в это время сидела у меня на коленях, положив передние лапы мне на плечи и тыкаясь в лицо носиком. «Ну что, Блюбелл, — сказала я, когда герцог ушел, — многие ли барсуки могут похвастаться тем, что побывали в Лондоне и встречались с самим герцогом Эдинбургским?» Через двадцать минут герцог со свитой покинул павильон, и он снова наполнился простыми смертными. Клайв

несколько раз на дню демонстрировал свое искусство стрижки овец, а со сцены до нас долетали песни в исполнении группы «Йети» — похоже, они порядком перебрали сидра. Ближе к концу работы выставки Симон принес еще несколько хот-догов (ну говорила же я, что лучше самой ходить за едой! Уж я-то нашла бы что-нибудь посущественней!). Но вот последние посетители устало заковыляли домой — теперь самое время выводить барсучат на прогулку.

Я вывела их в сад и обратила внимание, как они трусят за нами по пятам. Мы решили прогуляться по периметру ограды, сооруженной в целях безопасности, — там была хорошая мягкая трава. Симон шагал впереди, я — следом, а барсучата наступали мне на пятки. Время от времени они останавливались, чтобы обнюхать траву вокруг себя, дав нам уйти вперед на несколько шагов, они тут же рысью пускались нас догонять. Случалось, они вырывались вперед, и тогда уже мы оказывались в роли догоняющих. Так и в дикой природе — когда барсучиха выводит детенышей из норы на прогулку, те не отстают от нее ни на шаг. Но если семейство барсуков неожиданно встречает на своем пути людей, то мамаша бросается назад к норе, а барсучата в возникшей сумятице не понимают, за кем же следовать, и иногда вместо матери устремляются за непонятными двуногими существами. К счастью, в нашем случае такого быть не могло: весь поток людей шел по ту сторону ограды. Ну и забавное же было зрелище — мы с Симошей прогуливаем барсучат по одну сторону ограды, а по другую, стуча по тротуару свернутыми зонтиками, шагают домой со службы всякие важные джентльмены...

Изрядно утомившись за день, барсучихи вылизали свои миски и завалились спать. Они пока еще не перешли на ночной образ жизни, так что в этом отношении с ними было легко. Клайву, как и мне,

хотелось откусать чего-нибудь существенного, и мне удалось так очаровать офицера безопасности, что он согласился приглядеть ночью за животными. А впрочем, любезность не изменяла ему никогда — похоже, он готов был услужить кому угодно в любое время дня и ночи. «Не беспокойтесь, мадам, — сказал он, — я здесь на посту до половины седьмого утра». — «Да что вы! — с невинным видом воскликнула я. — Мы надолго не задержимся!» — а сама подумала: «Только поем чего-нибудь попримечнее, и сразу в спальный мешок».

Быстренько переодевшись (я все еще боялась, что пропахла свиньями!), Клайв, Симон и я отправились исследовать Лондон. Станция метро отыскалась на удивление скоро, и, несмотря на обилие всяческих кафе и забегаловок возле самого Гайд-парка, мы предпочли нырнуть в подземный мир эскалаторов и продуваемых горячими ветрами туннелей. Проехав несколько станций, мы вынырнули на Трафальгарской площади, где пугающая статуя Нельсона взирает с высоты на бегающие по кругу фары и неоновые рекламы — чем больше сгущалась ночная тьма, тем ярче становился фейерверк огней. На карнизах уходивших ввысь зданий, устраиваясь на ночь, рядами рассаживались голуби — их воркование было по-прежнему различимо среди городского шума.

Теперь нужно найти место, где можно как следует поесть. «Нет, Симон, мне не нравится китайская кухня... Индийская мне тоже не по вкусу... А здесь все слишком дорого...»

В общем, найти подходящее место оказалось не так просто, как думалось. Еще пятнадцать минут мы занимались поисками и все-таки не нашли ничего лучше Макдональдса. И вот мы сидим за столиком — Клайв перед огромным подносом с едой, Симон с блаженной улыбкой на лице, а я — с единственной думой: пора бы закругляться да убираться отсюда обратно на выставку.

Пластмассовая чашка и чай в пакетике — довольно безрадостное зрелище; скорей бы вообще все кончилось и мы вернулись домой!

Тут Клайв вспомнил, что неподалеку живут друзья его семьи. Они познакомились с его родителями во время войны в эвакуации и с тех пор каждый год приезжают к нему на ферму в отпуск. «Что ж, — сказала я Симону, — если они дома, давай отпустим Клайва, а сами вернемся — и по родным спальным мешкам». Не прошло и получаса, как мы отыскивали друзей Клайва, которые оказались дома и, как и подобает истинным лондонцам, приняли нас со всей теплотой. Они с приятелями собирались идти в ночной клуб — что ж, мы охотно присоединимся! Еще двадцать минут — и мы лихо отплясываем, Симон в том числе. Между тем был уже час пополудни; несмотря на упоительный вечер, мои мысли все более склонялись к спальному мешку. Публика стала расходиться, а я заболталась с приятелем Клайва Дагом, который работал шофером такси., Он рассказывал мне о жизни в Лондоне, и я призналась — столько раз посещала столицу, а во многих уголках так и не довелось побывать! Намек милой леди был понят: «Как добрый — хозяин, я вас приглашаю, садитесь, Лондон покажу!»

В четверть третьего мы запихались на заднее сиденье и засыпали нашего доброго хозяина заданиями. Думаю, мало кто знает Лондон так, как он. Все было настолько интересно, что мысль о спальном мешке незаметно улетучилась. Вот дом, с которого начался великий лондонский пожар^[5]; вот улицы, чьи названия рассказывают о том, что продавалось здесь три, столетия назад — Пудинговая улица, Рыбный Холм, Молочная улица... Мы прокатились по проспектам Ист-Энда, где орудовал легендарный Джек Потрошитель, а оттуда направились в еврейский квартал, где в годы

Первой мировой войны селились евреи из России и Польши. Иммигранты привозили, с собой секреты своих ремесел, поэтому неудивительно, что вокруг столько ювелирных лавок; хотите верьте, хотите нет, но пекарни были открыты, и к ним тянулись очереди людей в ожидании свежее испеченного хлеба. Была уже половина четвертого утра; Даг припарковал машину около одной из пекарен, мы тоже встали в очередь и отведали горячего еврейского хлеба. Нас поразили витавшие в воздухе аромат закваски и разноязыкая речь. Витрины предлагали все, что душе угодно — то ли для позднего ужина, то ли для раннего завтрака. Словом, совсем иной мир, нежели тот, что я оставила дома, где кошки свернулись калачиком в креслах-качалках перед печкой «Рейберн», а петухи во дворе скоро начнут приветствовать зарю. Когда мы поели хлеба, нас окончательно сморила усталость, и до самой выставки никто не проронил ни слова. Поблагодарив Дага за замечательный вечер, мы помахали на прощание и поплелись к павильону. Все вокруг было объято сном, и я, предварительно осмотрев загоны со своими питомцами, наконец-то упаковалась в спальный мешок, о котором вспоминала столько раз за этот вечер. Я засыпала под мирное похрюкивание черных свиней, зная, что наутро проснусь, насквозь пропитанная их запахом.

Ну а Клайву не требовалось много времени для сна. На следующее (вернее, все в то же самое) утро ровно в полседьмого он как истинный джентльмен принес мне чашку кофе. Поскольку до открытия выставки нужно было переделать еще кучу дел, нельзя было терять ни минуты. «Ничего, — думала я. — Не думай о том, что ты устала, и не будешь чувствовать себя усталой!» День пролетел как одно мгновение, а вечером мы повторили нашу прогулку с барсуками. По пути к нам подходили поболтать многие участники выставки, отдохавшие от

трудов праведных; с некоторыми из них мы даже подружились. Оказалось, что на территории выставки специально для участников был открыт кафетерий с вполне приличной едой — значит, с ужином полный порядок. Потом Клайв поехал шататься по ночным клубам, а мы с Симоном отправились спать. «Как же все-таки хорошо, что завтра мы будем дома», — утешала я себя. Я не люблю надолго отлучаться из дому, да и Уиллоу надо воссоединить со своими приемными сестричками.

Хотя в последний день выставка закончила работу раньше, чем в предыдущие, предстояло еще собраться перед отъездом, а это, прямо скажем, нелегкая работа. Мы вывели барсучат на прогулку по Лондону — пусть как следует нагуляются да вымотаются, тогда всю дорогу будут дрыхнуть как убитые! Я не ошиблась в расчетах. Более того, когда, благополучно доехав, мы посадили их в родной загон, они тут же спрятались за тюки соломы и уснули. Возможно, они не меньше меня радовались возвращению.

Пожелав барсукам спокойной ночи, я распаковала свои пожитки. И вот мы с Дерзком и Дэниелом сидим на кухне, пьем кофе. Мои мужчины рассказали, что у них уик-энд тоже не обошелся без приключений. Тут же, заняв лучшее место у камина, спал виновник событий — совершенно голый барсук, у которого только-только начали пробиваться волоски новой шубки. Ему было совершенно безразлично, что его костерят.

А события развивались так. Джин забрала его домой во вторник, когда мы отбыли в Лондон. Ну а поскольку Уиллоу и Джин испытывали друг к другу искреннюю привязанность, то он чувствовал себя у нее в гостях как дома. Два сына Джин, Симон и Джеймс, не могли наиграться с новым гостем; четыре большие колли также не могли нарадоваться на нового товарища. В общем, Уиллоу порядком наигрался за день и устал.

Джин отвела ему свободную комнату напротив своей супружеской спальни, постелила одеяла, приготовила постель — он же принялся топтать ее, пока не превратил в малосимпатичную грудку, после чего свернулся калачиком и заснул без задних ног, так что до самого утра из спальни не было слышно ни звука. Утром он проснулся свеж и бодр, а высосав бутылочку, решил показать псякам, кто здесь теперь хозяин, и влез в собачью корзинку. Все попытки четырех колли вытурить его оттуда закончились позорным провалом — он кусался так, как может кусаться только барсук. Собаки решили, что с таким противником лучше не связываться, и капитулировали, признав за ним победу. Даже если он вылезал из корзинки, то все равно не спускал с нее глаз, а если видел, что кто-то собирается войти в комнату, проявлял такую агрессивность, какую трудно ожидать от столь маленького существа. Кончилось тем, что он триумфально уселся на корточки посреди корзинки, давая понять, что делить ее абсолютно ни с кем не намерен.

Взяв ситуацию в доме под контроль, он решил, что пора обследовать буфеты, стоящие в кухне. Нетрудно догадаться, что, благодаря своему истинно барсучьему нюху, он быстренько сообразил, какие дверцы следует открыть. Бесчисленные «Нельзя!», «Не лезь», «Не смей!», которыми осыпала его бедняжка Джин, не оказывали никакого воздействия на маленького упрямца. Джин начала сознавать, какую ошибку она совершила. К тому времени, когда с работы вернулся ее муж Кейт, и Уиллоу и Джин страшно устали. Сидя за чашкой чая, Кейт с улыбкой глянул на Уиллоу, который безмятежно спал, скрестив ножки.

— Ой, какая лапочка, — сказал он.

— Повозись-ка с ним целый день — будет тебе лапочка! — ответила Джин.

Ближе к ночи Уиллоу выкатился из корзины и решил, что Кейт вполне созрел для того, чтобы поиграть с ним; тут же к ним присоединилась и Джин, простив барсучонку все проказы.

Настало время ложиться спать. Уиллоу улегся на свою неопрятную кучу и вскоре спал без задних ног. Но несколько часов спустя барсучонок проснулся. Если бы он умел узнавать время по часам, он бы увидел, что всего полчетвертого утра, но для него это было не так уж важно. Он вовсе не устал за день. Принюхавшись, он понял, что Кейт и Джин спят где-то неподалеку. А вдруг они тоже не слишком утомлены и поиграют с ним? Он тихо затопал, куда вел его нос, и вскоре очутился возле супружеской постели — увы, слишком высокой, чтобы на нее залезть. Джин слышала, что кто-то топает внизу, но продолжала лежать не шелохнувшись, надеясь, что барсучонок уйдет. Но Уиллоу не собирался так просто сдаваться. А что, если потянуть за постельное белье? Может быть, так он добьется ответа? Скорее всего, все и обошлось бы, но тут Джин совершила непростительную ошибку: подумав, что барсучонку холодно, она положила его к себе в постель, полагая, что он свернется калачиком и уснет. Какое там! Холодный носик тут же принялся исследовать тех, кто лежит рядом с ним. Сперва он наткнулся на пальцы чьей-то руки. А, так они шевелятся! Верный признак того, что их владелец хочет поиграть. Продвигаясь дальше, он обнаружил пальцы чьей-то ноги, а потом сделал потрясающее открытие: если укусить за какую-нибудь часть тела, хозяин немедленно отдернет ее — вот и игра! Теперь уже не только у барсучонка, но и у добродетельной супружеской четы сна не осталось ни в одном глазу. Ну, раз так, черт с ним — пусть наиграется до упаду! И в самом деле, около пяти утра Уиллоу начало снова клонить ко сну, а Кейту ничего не оставалось, как выпить чашку чаю и мчаться на работу,

которая начиналась в полшестого утра. «А все Джин! — ругался он про себя, — Принесла домой того проклятого барсучонка, а я страдай!» Желая спасти свой брак, Джин вернула Уиллоу в субботу на ферму. Как я поняла, он скучал без меня и приемных сестричек и весь последний день перед нашим приездом искал нас по всей ферме. Дерек, не любивший кормить барсучонка из бутылки, понял, что Уиллоу выведет из терпения любого святого.

Дерек потрепал меня по полосам:

— Ну как, рада, что вернулась?

— А как же, — ответила я, обхватив руками чашку с кофе.

— Если ты не хочешь, чтобы я провонял свиньями... — лукаво начал он.

— Мне надо принять душ и вымыть волосы, — договорила я.

Жизнь входила в привычную колею, и передо мной встала очередная задача — отучить Уиллоу от бутылочки. Не знаю, кто из нас намаялся больше — он или я. От бутылочки он отрекся решительно — это верно, но научиться есть по-человечески никак не мог — ему нужно было обязательно потопать по миске с едой, опрокинуть ее, а то и усесться посредине.

В это время у него уже отрастала новая шубка, и первые пару дней он был не только колючим, но и липким. Меня осенило на третий день, когда я ставила чай, — я бросила ему сосиску, каковую он тут же затащил в угол и, сперва поиграв, потом пожевав, малопомалу слопал. Окрыленная успехом, я целую неделю кормила его сосисками, пока они ему не надоели: может, он был уже готов к тому, чтобы перейти на другую пищу. На завтрак мои пятимесячные барсуки ели овсянку, на обед — мясо с овощами, а на ужин я баловала их разносолами — фруктами, орехами, сыром, крутыми яйцами и семенами подсолнуха. Любимым

лакомством Уиллоу были бананы, хотя где он мог их найти в дикой природе, остается только гадать. Обычный рацион барсука на 60 процентов состоит из червей, далее идут жуки, крольчата, падаль, мыши, разные побеги, корни и фрукты — эти звери воистину всеядны. В сентябре они несколько раз уходили от меня — просто скрывались за живой изгородью. Первый раз я очень беспокоилась — куда они могли запропасться? Но вот мои любимцы возвратились, и оказалось, что их полосатые морды все перепачканы соком ежевики. Так вот за чем они уходят, подумала я и больше не волновалась, а только выходила на дорогу, надеясь их встретить. Конечно, в то лето моим барсукам жилось куда легче, чем их сородичам в дикой природе, — лето выдалось очень жарким, и рыть землю, чтобы добывать из нее червей было практически невозможно.

В это время года поступает больше всего жалоб от садоводов, что барсуки наносят ущерб их садам. Когда мне звонят и жалуются, что в сад забрались барсуки, я спешу парировать: «Ну и как, вы этим довольны?» Сильнее всего страдают от барсуков как раз те, кто особенно лелеет свои сады-огороды — регулярно поливает, полет, рыхлит землю. А почему? Потому, что во взрыхленной и влажной земле жуки и червяки живут у самой поверхности. Стало быть, куда потянет за добычей барсука, если безжалостное солнце иссушило землю? Сюда, в самый ухоженный сад. Ну, еще на площадку для гольфа, которая после нашествия барсуков будет выглядеть так, будто по ней прошлись культиватором. Понятно, что владельцы садов и площадок для гольфа не жалуют этих животных. Проблема обычно снимается сама собой, когда засуха сменяется дождями, а сад, между прочим, можно уберечь, если просто класть еду для барсуков. Но то-то и оно-то, что трудно убедить жалобщика оставлять еду для «этих милашек» после того, как они нашкодили.

Теперь я ежедневно выводила барсуков на прогулку, и всегда по одному и тому же маршруту. Сначала вокруг дома, мотом по старому саду, яблоки из которого шли на приготовление сидра, и обратно мимо овечьего загона. Я приучала их ходить по постоянным тропинкам, закрепляя за собой право на территорию. И в самом деле, не было случая, чтобы сюда приходили чужие барсуки и оставляли здесь свои метки. А может быть, они сочли, что малыши не представляют собой угрозы, и потому не являлись. К августу мои барсуки перешли на ночной образ жизни, и я больше не могла выводить их на прогулку днем — только в сумерках или глубокой ночью. Я брала с собой фонарь, чтобы видеть, все ли они идут за мной, а в лунные ночи достаточно было лунного света, чтобы различать их полосатые морды.

...Дождей не было уже много, много недель. Как-то ночью мы возвращались с прогулки мимо овечьего загона. Два барсучонка шли за мной по пятам, третий бежал в десяти ярдах впереди, и вдруг я увидела в каких-нибудь пятнадцати ярдах слева еще одну полосатую морду. Я зажгла фонарь — так и есть, к нам присоединился еще один барсук, возможно, из соседней семьи. Стараясь не выказывать волнения, я продолжала шагать, и вскоре чужак отстал от нас и скрылся в кустах. По-видимому, в условиях бескормицы барсукам приходится расширять свои территории — в этот засушливый период чужие барсуки прибывались к нам еще дважды. Они не только не выказывали враждебности по отношению к моим барсучатам, но, очевидно, чувствовали, что я не представляю для них опасности.

Каждую ночь, прежде чем вывести своих питомцев на прогулку, я клала им еду подле овечьего загона. Заслышав мои шаги, они выскакивали из своего временного жилища, приветствовали милым

мурлыканьем: «Ув-вув-вув-вув-вув», и тут же принимались обнюхивать мне ступни. Чем старше они становились, тем больше оказывали мне доверия; они отбегали от меня, исследовали и обнюхивали все вокруг, а затем возвращались. При этом Блюбелл, с которой у меня были особо теплые отношения, большую часть времени проводила рядом со мной. С возрастом все ярче обнаруживались наклонности каждого, хотя больше всего хлопот доставлял мне Уиллоу. Если кто-то из них удирал, то это был непременно Уиллоу, который, надо полагать, прекрасно проводил время, гуляя сам по себе. Последствия такой вольницы обнаруживались на следующий же день — то неуклюжая нора, вырытая под воротами, то перевернутые небольшие ведра, а главное, методически опустошаемый холодильник, стоящий в кладовке, — он обнаружил, что дверь там очень легко отворяется. Подхожу к ящику с молочными бутылками, вижу — пробки из бутылок вынуты, и из каждой отпито на полтора дюйма. Их светлость постарались, кто же еще! А уж о хаосе, который он устроил в прихожей, и говорить нечего — башмаки у нас всегда аккуратно стояли парами вдоль стенки, а теперь поди собери! Корзина с бельем, которую я имела неосторожность оставить на полу возле стиральной машины, сама приглашала Уиллоу повеселиться — белье было раскидано далеко от центра событий. Панталоны нашлись только на следующий день — слава Богу, что в это время ферма была закрыта для посещений.

В дальнейшем, если он удирал, я поступала так: отводила домой девчонок, затем примерно на час уходила в дом, а после этого направлялась к коровьему

стойлу и прохаживалась там, дожидаясь привычного тычка сзади в щиколотки — таким путем Уиллоу давал мне знак, что вернулся. Тогда я запирала его в загоне и кормила всех троих. Представляю, как честят его девчонки, лежа на боку: «Боже, как мы устали от него! Столько ждать, пока он соизволит вернуться, — одних-то нас не покормят!» Нельзя сказать, чтобы его похождения доставляли мне удовольствие, но поскольку я сознавала, что когда-нибудь он может и не вернуться, то всегда радовалась при его появлении, сколько бы времени он ни отсутствовал.

Наконец пошли обильные дожди, а в первую ночь прямо-таки разверзлись хляби небесные. Я с детских лет обожала дождь, и, хотя, дойдя до загона, успела вымокнуть с головы до пят, это не охладило моего желания отправиться на прогулку с барсучатами. Оказалось, они любят дождь не меньше меня — отчего не порезвиться в потоках воды, струящихся через весь двор! А Примроуз к тому же нашла водосточную трубу, по которой вода с крыши коровника каскадом падала на каменные плиты; барсучиха стала на задние лапы, сунула в трубу нос — струи так и зашумели по ее густой шубке. Разделяя восторг барсучат, я стала гоняться за ними по всему двору; выгибая спины и встряхивая головами, они подпрыгивали так, что все четыре лапы оказывались в воздухе. Иногда они ошетинились, отчего становились похожими на большие пушистые мячи; вероятно, также они поступают, когда чего-то пугаются, — хотят казаться больше, чем есть на самом деле. В общем, мы добрых полчаса гонялись друг за другом по двору под струями ливня, прежде чем вышли наконец на прогулку. «Хорошо, что это случилось в полдвенадцатого ночи, — не раз думала я впоследствии. — Если бы кто-нибудь увидел, как я под проливным дождем гоняюсь за барсуками, он бы решил, что я сошла с ума».

Впрочем, я всегда старалась выводить барсуков на прогулку ближе к полуночи, — если кто-нибудь из них убежит, то, по крайней мере, меньше шансов, что он угодит под машину: движение в это время на трассе не слишком интенсивное.

От случая к случаю в наших прогулках принимал участие Дерек (скорее из чувства долга, нежели ради удовольствия). Его не слишком-то большое рвение объясняется не тем, что он был настроен против барсуков, как таковых, а тем, что они кусаются. Когда мы выходили на прогулку с барсуками, мы, естественно, участвовали в их играх — особенно в старом яблоневом саду, где трава самая высокая. Они шутя насккивали на тебя, а цапали очень даже всерьез, и уворачиваться от их укусов нужно было уметь. К сожалению, Дереку так и не удалось овладеть этим мастерством, требующим особой прыти. Счастье еще, что ночью нас никто не слышал — вокальные «упражнения» Дерека, в очередной раз ставшего жертвой барсуков, были подчас столь же колоритны, как и синяки.

Благодаря ночным прогулкам я получала возможность размышлять и часто думала: как же мне повезло, что Дерек уделяет столько времени и сил моей работе с дикими питомцами! Если бы не он, нам бы не удалось так легко превратить обыкновенную молочную ферму в туристическую достопримечательность, и, хотя ему как фермеру сам Бог велел заботиться о животных, у него могло не хватить терпения выхаживать осиротевших и покалеченных малышей. Но он взял на себя такую ношу — и ездить по вызовам за новыми питомцами, и играть со зверюшками в период между кормлениями, и даже терпеть, когда лисята жуют у него на ногах туфли, пока он пытается читать газету! Не буду кривить душой и утверждать, что все это делается вообще без жалоб, но должна признать, что

он меня понимает с полуслова, и я с полным правом могу назвать его своим лучшим другом.

Когда регулярно выходишь на ночные прогулки, имеешь счастье поближе познакомиться с существами, которые вместе с тобой наслаждаются ночью. Я много раз наблюдала, как в полном безмолвии скользит над кустарниками амбарная сова. А то вдруг среди ночи, гуляя в полях, услышим крик маленькой совы, перемещающейся с дерева на дерево. А теперь мы приближаемся к реке... Шлеп! Это нырнула водяная полевка. Завернули в старый яблоневый сад — и встречаем старого знакомого, ястреба-тетеревятника, ночующего всегда на одной и той же ветке одного и того же дерева. Вот до нашего уха доносится

привычный шорох — это вышла на охоту лисица. Не то чтобы она особенно пугалась нас, но тем не менее меняет курс, предпочитая держаться подальше. Но все-таки главная цель прогулки — изучать поведение барсуков, наблюдая за тем, как они играют и кормятся. Интересно, умеют ли дикие барсуки дразниться, как наши? Спросите, кого они дразнят? Да хирфордского быка, который в это время уже ложится и согревает своим телом небольшой участок травы, на котором собирается уснуть. Они подойдут, обнюхают его, затем отбегут назад, потом пробегут вперед, заставляя его вертеть могучей головой и гадать, что же они собираются предпринять. Когда же бык решит, что лучше встать да разобраться, в чем дело, барсучата мгновенно теряют интерес к игре и убегают: очевидно, все, что они хотели, — это заставить быка встать. «Прекрасно, что бы нам еще такое придумать?» Их скорость порой поражала меня — однажды Уиллоу шмыгнул под рваный пластик, которым укрывают силос, и вынырнул оттуда с триумфом, держа в зубах вопящего крота, который через мгновение испустил дух от шока.

Одна мысль не покидала меня — как мы будем выпускать барсуков в дикую природу? Когда Симон Кинг приезжал к нам снимать барсучат на киноплёнку, я будто невзначай по ведала ему о своих тревогах. Затем к разговору подключилась Евника Оверэнд, которая любезно сообщила мне массу полезных советов, и вскоре у нас троих родилась идея нового жилья для барсуков, пригодного для ведения наблюдений. Я сладким голоском уговорила Дерекка уступить мне четыре секции силосной ямы, которая все равно давно не используется, — на ее основе можно построить 40-футовый загон с бетонным основанием. Большой туннель, проложенный по бывшей кормушке, соединил бы загон со старым коровником, где можно

соорудить отдельные комнатки. Теперь следовало решить финансовые проблемы. Местная пресса не раз публиковала фотографии, как я гуляю с барсуками, так что мои питомцы вызвали большой интерес у общественности — к ней и надо обратиться с призывом: «Построим для барсуков дом!» Автобусная компания «Бэджерлайн»^[6], по понятным для всех соображениям, предложила свою помощь и спонсировала как постройку жилища, так и изготовление буклетов, рассказывающих посетителям о барсуках вообще. Свои вклады внесли многие люди, но без участия «Бэджерлайн» сооружение жилья для барсуков оказалось бы невозможным. Здорово выручил нас наш большой друг Роджер Галлайдж, по профессии строитель, который в свободное время бесплатно возводил барсучье жилище. Местные фирмы снабжали нас строительными материалами бесплатно или по себестоимости; цементная фирма Эй-эр-си даже выделила уже готовый к употреблению бетон на сооружение в загоне обширного пруда — пусть плавают! Вид Блюбелл, с ног до головы облепленной ряской, свидетельствует о том, что она постоянно им пользуется.

Между комнатками и проходами, а также на выходе из загона были сделаны так называемые «барсучьи ворота», представлявшие собой тяжелую деревянную дверь. Такие ворота иногда сооружают лесные компании, чтобы защитить молодые посадки от оленей и кроликов. Они знают: барсуки — их добрые друзья, поскольку уничтожают кроликов и мышей. Если просто оградить территорию, на которой барсуки добывают себе корм, то они проруют ход под забором; через этот ход сможет пролезть и кролик. А тяжелую дверь в состоянии открыть только такой сильный зверь, как барсук, — кролику это будет не под силу. Таким

образом, у барсуков остается доступ к местам, где они кормятся, а незваных пришельцев забор задерживает.

Но вот началось строительство, комнатки и туннели стали постепенно превращаться в реальность, и во время ночных прогулок Уиллоу, Примроуз и Блюбелл познакомились со своим будущим домом. Барсучата лазили туда-сюда по туннелям, смешно пофыркивая, если неожиданно сталкивались друг с другом.

И все-таки оставалась еще одна мысль, которая не давала мне покоя, — мысль о безопасности барсуков. Теперь я стала членом сомерсетской Группы по защите барсуков и, естественно, узнавала о них все больше и больше; но я узнала также, что, по оценкам, около десяти тысяч барсуков ежегодно становятся жертвами своеобразного «спорта» — охоты с собаками. Сперва в дело пускают терьеров, которые хватают барсука в норе, а люди затем выкапывают животное; его или сразу убивают, или, что еще ужаснее, стравляют здесь же, на месте, с крупной собакой. А иногда отвозят к тайным «рингам», где уже дожидаются зрители, охочие до кровавого зрелища, и делаются ставки. Такой бой может длиться иногда до трех часов; нередко барсук наносит собаке чудовищные раны, но и сам гибнет, получая тяжелые увечья.

Теперь меня больше, чем когда-либо, охватил страх за своих питомцев, потому что в результате рекламы, организованной в прессе, местонахождение их жилища стало известно каждому. Много ночей подряд я просыпалась и лежала без сна, вздрагивая от каждого необычного звука. К счастью, местная фирма «Гест секьюрити» из Йовила бесплатно провела в жилище барсуков сигнализацию. Похоже, мои питомцы стали близки сердцам многих людей.

В ноябре настал великий день: жилище для барсуков было готово, пришло время новоселья! Одно только слегка беспокоило нас — хоть и мягкое, но

искусственное освещение в комнатках. Когда мы пустили туда барсуков, то зажгли огни на полную мощь, чтобы они могли как следует осмотреться; увидев, что они освоились, мы погасили свет. Дерек пошел с нами на вечернюю прогулку; когда мы вернулись, я положила барсукам еду и заперла дверцу. Понаблюдав еще некоторое время за ними, мы отправились домой пить кофе. Полчаса спустя мы на цыпочках вернулись назад посмотреть, все ли в порядке, и увидели, что трое наших малюток, свернувшись калачиком в одной из комнаток, спят как убитые — они явно были довольны и чувствовали себя как дома.

Я продолжала прогулки с ними вплоть до января 1990 года. Выходили все вместе, затем каждый топал по своей тропинке, а в конце, как водится, гонки — бежишь, столкнешься с барсуком, скажешь ему «здравствуй» и продолжаешь бег. Светя фонарем, я наблюдала, как они кормятся в полях, а когда возвращалась обратно, видела, как они бредут садами или мимо пристроек.

С этого времени я решила держать «барсучьи ворота» постоянно открытыми — пусть приходят и уходят когда их душе угодно. А вдруг они когда-нибудь вернуться — и родят здесь собственных малышей! А почему бы нет? Это были их собственная территория, собственный дом, который они признали своим сразу и навсегда — точно так же, как я, придя в 1977 году на ферму Дерек, признала ее родным домом.

Глава пятая

Кое-что о совах: наш Сейдж держит марку!

Был милый солнечный летний вечер. Мы шагали в местную школу послушать лекцию о совах, которую читал мистер Дэвид Чаффе. Наши младшие сыновья, которым было тогда соответственно 9 и 10 лет, рвались послушать, да и Дерек всегда интересовался птицами (особенно теми, у кого шикарное оперение).

Хорошо, что поблизости есть превосходные школы — в течение года в них устраивается масса самых разнообразных мероприятий, неизменно привлекающих

местных сельчан. Ведь, кроме всего прочего, это отличный повод встретиться, поговорить, посплетничать, в конце концов. Школа в селе Вест-Хантспилл, куда мы держали путь, имеет большую площадку для игр и прекрасные зеленые лужайки. Вот мы входим в дверь — здесь и поныне висит старинный школьный звонок — и движемся по коридору, стены которого увешаны красочными детскими рисунками. В классах аккуратно расставлены маленькие парты и стулья — утром придут дежурные и хорошенько все протрут. Актный зал, где должна состояться лекция, был набит детишками и их родителями; в нем стоял обычный гомон, как всегда перед началом лекции или концерта. Сам директор представил нам Дэвида Чаффе — и вот уже вся аудитория слушает захватывающее повествование о пернатых наших лесов и полей. Попросив присутствующих О полной тишине (все и так сидели затаив дыхание), лектор: стал демонстрировать птиц.

Сперва Дэвид показал нам пустельгу. Эта птица, высматривая добычу, парит в воздухе, раскрыв хвост, будто веер. Но вот цель замечена — и хищница камнем падает на землю. Нередко видишь, как эти птицы парят вдоль скоростных автодорог: они охотятся за мышами-полевками, которые шныряют в густой траве, покрывающей полосы «ничьей земли» по обе стороны трассы. Хотя раскраска пустельги и ястреба-тетеревятника сходны, их не следует путать. У тетеревятника совсем иная манера охотиться: проносясь над кустарниками, он хватает маленьких пташек, заставляя их врасплох.

Всех очаровала маленькая изящная сова. Она сидела, кивая головой, — видно, мы вызвали у нее не меньший интерес, чем она у нас. У нее оранжевые глаза, отчего создается впечатление, будто птица рассержена, — не спасают даже тонкие брови. Сова

гордо стояла на своих желтых ножках, выпятив колесом коричневую в белых крапинках грудку, — мол, не смотрите, что не вышла ростом, зато характером дам сто очков вперед каждому.

За ней последовала желто-бурая сова — в три раза крупнее первой. Лучи заката, струившиеся сквозь окна, оттеняли красоту ее каштанового пятнистого одеяния. Поочередно мигая то одним, то другим глазом, она медленно вертела головой, пытаясь освоиться с незнакомой обстановкой. Поистине царственный вид у этой великолепной птицы, чье мягкое гуканье слышат не только леса и села, но и города.

Нередко думают, что полюбоваться роскошными птицами можно только в дальних краях. Но когда Дэвид принес амбарную сову, иначе сипуху, всем стало ясно, что и в наших местах водятся птицы, чьим оперением любуйся — не налюбуеться. Порою считают, будто сипухи совершенно белые — такие, какими их обычно видят в полете. Брюшко у них действительно белое, поэтому если ничего не подозревающая полевка задерет голову, то примет сову за летящее облако, пока мощные когти не вонзятся в нее с такой силой, что погубят на месте. Наверное, больше всего в этих ночных хищницах людей привлекают огромные глаза. Тело сипухи окрашено в различные оттенки медового цвета и покрыто серыми пятнами, что создает превосходный камуфляж — когда совы, устроившись на насесте среди сена или соломы, накрываются крыльями и закрывают глаза, они делаются совершенно незаметными.

Оборки из белых перьев окаймляют морду, имеющую форму сердца; но это не простое украшение, а охотничье снаряжение совы: сердцевидное очертание образует две воронки, помогающие уху улавливать звуки. Воронки расположены на разных уровнях, что позволяет точно засекать, с какой стороны доносится

звук. Сипухи единственные из сов способны охотиться благодаря одному лишь блестящему слуху.

Дэвид рассказал, что после Второй мировой войны число амбарных сов драматически сократилось — в основном из-за применения пестицидов. Сейчас разрабатываются программы выпуска этих сов на волю с целью увеличения их численности. И тут меня осенило: а не завести ли и нам пару сипух на развод? Наша ферма уже год как открыта для публики, достаточно мест, пригодных для устройства aviaries. Когда мы возвращались домой, я видела, что этот вопрос взволновал и Дерек: он уже много лет не видел на ферме ни одной сипухи. Что ж, попробуем! Тем более что равнины Сомерсета — вполне подходящая для них среда.

Не прошло и нескольких месяцев, как aviary был готов. Мы устроили его в одном из укромных уголков сада, скрытом за хвойными деревьями, — ведь эти птицы предпочитают уединенный образ жизни. А вскоре Дерек принес и самих сипух: выросшую в неволе самку и самца с подбитым крылом, который не мог жить

на воле. Птицы быстро свыклись друг с другом; мы почти не беспокоили их, только приносили поесть. В феврале следующего года самка отложила первое яйцо, а потом еще четыре — по одному с интервалом в два дня. Потому и совята появились на свет не одновременно, а последовательно — пять неуклюжих, разной величины птенцов, скорее похожих на крохотных грифов. На определенном этапе жизни совенок съедает вдвое больше, чем взрослая сова, так что в дикой природе во время бескормицы крупные совята часто поедают меньших. Ну а здесь можно было не беспокоиться — корм-то всегда под рукой, вернее, под клювом.

Текли неделя за неделей, и вот совятам исполнилось два месяца. Из «гадких грифят» они превратились в пять пушистых шариков разной величины, на которых уже стали четко вырисовываться рожицы в форме сердечка. Правда, встать на ножки они еще не могли, но уже сидели «на корточках» и демонстрировали свое умение крутить головкой.

В три месяца у них было уже вполне взрослое оперение, и их стало все труднее отличать от родителей. Птенцов переселили в новый «совешник», в котором имелся «запасной выход». Два месяца спустя, когда они вполне освоились с новым жильем, дверка была отперта, и совята обрели свободу. Все же мы продолжали класть им еду, пока не убедились, что они могут добывать себе пищу самостоятельно. А узнали мы об этом вот как: обычно мы оставляем им выбракованных мертвых цыплят, и вот однажды мы увидели, что совята отъели у них только головки (которые они, несомненно, почитали деликатесом). Какой отсюда следует вывод? Раз побрезговали тушкой цыпленка — значит, охотятся успешно.

Возле «советника» у нас был сарай, предназначенный специально для наседок. Сарай был

надежно защищен от лисиц, но мне и в голову не приходило, что нужно заделать дырки в крыше. Во время одного из ночных обходов я, к своей большой радости, увидела, что одна из кур высидела пять павлинчиков — такие милые, бархатные цыплятки и так тоненько пищат. Я предвкушала, как на следующее утро наседка выведет их на прогулку, но, думаю, читатель уже догадался, что произошло. Все, что осталось к утру, — пять обезглавленных тушек, разбросанных возле ящиков с наседками. Может быть, они имели неосторожность отбежать далеко от приемной матери, но только их жалобный писк привлек внимание совят, которые по-прежнему возвращались к нам за едой и, должно быть, удивились, что на сей раз мы решили побаловать их теплым и совсем свежим обедом. Как видите, природа не всегда отвечает благодарностью за ваши заботы.

На следующий год мы выпустили на волю еще троих, а еще год спустя нам сообщили, что к югу от нашей фермы образовалась пара, а другая поселилась возле реки. Еще через год эту пару заметили с выводком из пяти птенцов. С того времени всякий раз, когда нам в руки попадали выращенные в неволе совята, мы передавали их в Отдел дикой природы Общества покровительства животным, чтобы их выпустили в районе Таунтона, так как мы чувствовали, что вокруг нашей фермы совы размножаются самостоятельно и не нуждаются в посторонней помощи. С тех пор как наши первые «гадкие грифята» стали взрослыми вольными совами, прошли годы, а над усадьбой и сейчас нередко пролетают сипухи. Хочется верить, что это потомки тех, которым мы когда-то даровали свободу...

Птицы, поступающие в Общество покровительства животным, выпускаются на волю людьми, имеющими на это специальные лицензии. Эти же люди ведут

наблюдение за своими бывшими питомцами и могут сказать, успешно ли они размножаются на воле. Иногда подбирают в одну группу птенцов, еще не научившихся летать. Их помещают в специальном ящике для сов, кормят, чтобы они, прежде чем впервые отправиться в полет, привыкли к окружению. Так оно обычно и происходит. Ну а если речь идет о взрослых совах, то из них составляют пары (при условии, что они — не родственники) и помещают их в сарай, а на волю выпускают только тогда, когда у них появляется потомство, которое надо кормить. Вполне естественно, родители возвращаются под ту же крышу, пока не выкормят птенцов.

При выпуске каждая сова окольцовывается, что помогает следить за успехом программы. Кто найдет мертвую или покалеченную окольцованную птицу, должен сообщить в Департамент по охране окружающей среды и назвать номер, по которому можно установить владельца и проследить судьбу птицы. Иногда с этой же целью «метят» и барсуков — только не кольцами, конечно, а татуировками. Мне рассказывали трогательную историю об одном полицейском, страстном любителе барсуков. Пострадав в дорожно-транспортном происшествии, он вынужден был уйти в отставку и перейти в автоинспекцию. Зная, что полицейские нередко встречают барсуков на обочинах, он попросил коллег сообщать ему о каждом таком случае, а если увидят мертвого барсука, то пусть посмотрят, есть ли на нем татуировка. Все это он заносил в особую тетрадь — стремился выявить места, где барсуки выходят на дорогу. Вы, конечно, понимаете, что коллеги снисходительно относились к его страсти, но бывало и по-другому...

Как-то раз глубокой ночью ему передали сообщение: полицейский заметил на дороге мертвого барсука и возвращается, чтобы рассмотреть его.

— Автоинспектор, автоинспектор! Подтверждаю наличие мертвого барсука на левой стороне шоссе А-429 примерно в 100 ярдах от кафе «Летящая утка». Как слышите? Прием, — сказал патрульный.

— 431-й, 431-й! Слышу нас хорошо. Видели ли вы татуировку на барсуке? — запрашивал «барсукоман».

Чувствуя, что разговор зашел слишком далеко, патрульный офицер ответил:

— Автоинспектор, автоинспектор! Ей-богу, старина, мне и в голову не пришло искать ее.

Настырный «фанатик барсуков» продолжал:

— 431-й, 431-й! Не будете ли вы так любезны посмотреть?

Последовал глубокий вздох, и связь прервалась. «Барсукоман» решил, что патрульный офицер отправился выполнять его просьбу. Несколько минут спустя связь возобновилась.

— Автоинспектор, автоинспектор! Я осмотрел животное, — сказал патрульный.

— 431-й, 431-й! Большое спасибо! Так была ли на нем татуировка?

— Автоинспектор, автоинспектор! Да, была.

— Боже мой! 431-й, 431-й, что это была за татуировка и на какую часть тела животного она нанесена?

— Автоинспектор, автоинспектор! Татуировка нанесена на левую заднюю ногу.

— Так какая же она?

— Автоинспектор, автоинспектор! Сердце, пронзенное стрелой, и надпись: «Люблю до гроба, Люси!» Как поняли? Прием!

Если после такой шуточки беднягу не хватил удар, так это чудо.

Ну а самца сипухи по кличке Сейдж нам принес посетитель — молодой парень по имени Питер. Содержавшаяся в неволе самка отказалась насиживать

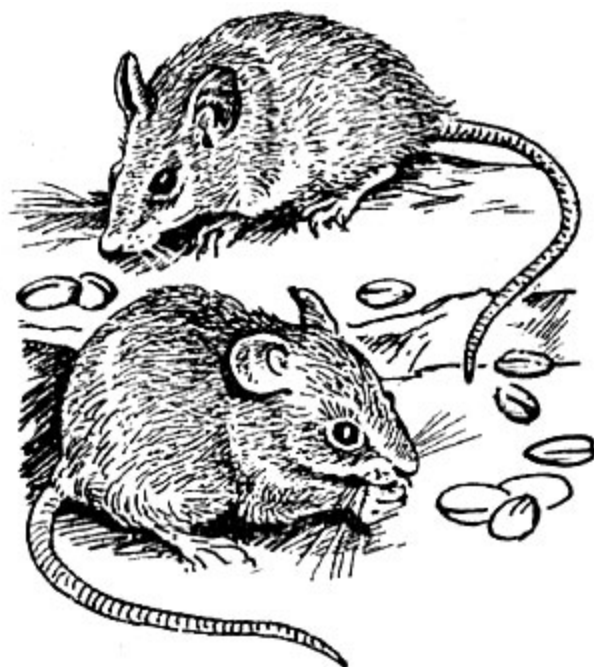
яйцо, и Питер положил его в инкубатор, где из него благополучно вылупился совенок. К сожалению, Сейдж абсолютно не приспособлен к жизни в дикой природе: он ведь жил не просто в неволе, а в городской квартире, видел только своего хозяина и, возможно, думал, что сам он такой же человек. Естественно, он не смог бы ни найти общий язык с себе подобными, ни научиться добывать себе корм на воле. Питер очень хорошо относился к нему, иногда сажал в машину и отвозил за город — пусть полетает, не век же торчать в квартире! Сейдж был до того ручной, что сидел на заднем сиденье как миленький. Куда бы его ни привезли, он чувствовал себя как дома и не боялся ни людей, ни движения. Тем не менее Питер почувствовал, что из-за работы не сможет больше уделять своему питомцу столько внимания, сколько прежде. Однажды у нас в гостях побывал отец Питера, увидел, как живут наши питомцы, и предложил сыну привезти Сейджа. Вскоре Питер появился на ферме, и после долгих дискуссий Сейдж остался с нами. Питер и сейчас навещает его от случая к случаю — прошло семь лет, а Сейдж по-прежнему узнает его свисток. Я уверена, что мы сильно недооцениваем память, которой обладают братья наши меньшие. Хотя у Сейджа есть собственный «советник», ему в нем не сидится — его цыплятами не корми, а дай пообщаться с людьми! На всяких выставках и лекциях он просто незаменим. Было немало случаев, когда люди, следовавшие за нами на машине, думали, что на заднем сиденье мы везем чучело; каково же бывало их удивление, когда выяснялось, что это живая сова, которой очень нравится кататься! Только вот беда: Сейдж превосходит в общении с людьми, но стоит к нему приблизиться другому зверю или птице — непременно нападает. Он охотно демонстрирует свою преданность, садясь вам на плечо; но если после этого вы услышите «у вас вся спина белая», не следует

принимать это за неудачный розыгрыш. Теперь нам пришлось уплотнить его «совешник»: мы подселили туда целое стадо черепах. За рептилий можно не беспокоиться: у них такие панцири, что когтями их не проткнешь. Впрочем, обитатели «совешника» (а теперь уже и «черепашника») живут в нем посменно: днем Сейдж, который улетает на ночь, а ночью — черепахи, которых мы днем выпускаем в загон на прогулку.

Когда мы брали его на сельскохозяйственную выставку 1989 года в Гайд-парке, он жил в фургоне для перевозки лошадей, а для верности мы привязывали его проволокой. Но на второй день случилась неприятная вещь — кто-то без нашего ведома отогнал фургон в сторону, чтобы пропустить другую машину. Естественно, это потревожило птицу: проволочка во время движения соскочила, а уж удрать в окошко ему ничего не стоило. Наутро я аккуратненько открываю заднюю дверь фургона, чтобы вынуть оттуда Сейджа, а его и нет! В первое мгновение меня это не встревожило — он ведь мог забиться куда-нибудь в угол, но как только я увидела пустую проволочку, я поняла, что случилось самое страшное. Мне сделалось дурно. Я подошла к ограде — нет и там, только слышала все нараставший гул движения — проносились автобусы, машины, кому какое до меня дело?! Господи, да где же он?! Он же не сможет добывать себе пищу на воле! А вдруг его подберет кто-нибудь, кто представления не имеет, как за ним ухаживать? Меня охватило чувство вины. Как же я не проверила надежность проволоки! Знала бы — ни за что не привезла бы его сюда. Слезы застилали мне глаза. Рыдая, я сообщила о случившемся Клайву и Симону; те информировали службу безопасности, и вскоре слух о происшедшем разнесся по всей выставке. Мы продолжали поиски, но на выставке не так много мест, куда он мог бы залететь (если он вообще не улетел прочь). Ох, ни за что не

согласилась бы я снова пережить эти два часа! Правда, забрезжила надежда, когда офицер безопасности сообщил, что видел крупную птицу на вершине одного из шатров в половине третьего ночи, но когда он сказал, что птица полетела к реке Серпентайн, я решила, что все пропало. Я как могла пыталась продолжать шоу, но была не в состоянии сосредоточиться на том, что делаю.

И вот ровно через два часа двадцать минут после того, как он пропал, мне его вернули. А случилось вот что. Удрав из фургона, Сейдж полетел к реке и уютно устроился на одном из больших деревьев, примыкавших к ограждению. А на этом дереве уже обитали совы — им не понравилось, что чужак устроился с таким комфортом, и они начали громко ухать. В это время мимо ограждения проходили два патрульных полицейских; услышав сов, они шутки ради решили поухать им в ответ. Сейдж решил, что это его кличут, и сел на плечо констеблю, к величайшему изумлению последнего. Воображаю, какое выражение лица было у начальника службы, когда он слышал по радио, что на плечо его подчиненному села милая ручная сова, и к каким словам пришлось прибегнуть констеблю, чтобы втолковать, как все произошло. Сейджа сперва доставили в камеру предварительного заключения, оттуда передали на ринг охотничьих птиц Центра ястребиной охоты, а потом вернули нам.

Возможно, для Сейджа встреча с герцогом Эдинбургским и ночной побег были необычайным

приключением, но мне второй раз пережить такое — нет, Боже упаси!

При показе нашего питомца на выставках мы проявляли большую осторожность и разъясняли людям, что сипух не следует заводить в качестве домашних любимцев. Да, это красивые птицы, но требуют привычной для них среды обитания. Куда правильней приспособливать окружающую местность для жизни сов. Фермерские поля разделяются межами, как правило порастающими высокой травой, где шныряют мыши, — а что еще нужно совам? Хрис Сперринг, занимавшийся какое-то время изучением образа жизни сипух, убеждал фермеров Эйвона не скашивать высокую траву межей; этот фактор повлиял на увеличение численности здешних сипух. По оценкам, к настоящему времени в дикой природе сохранилось не более девяти тысяч сипух, а в неволе содержится от двадцати до тридцати тысяч. Ну а программы выпуска сов в дикую природу дают результат только тогда, когда проводятся по всем правилам. Тысячи пар птиц выпускаются на волю без принятия в расчет условий среды обитания — вот и получается, что они нередко обрекаются на смерть. Теперь вводятся новые лицензии для контроля за численностью сипух в неволе и за разведением их с целью выпуска на волю. Мало того, что территория должна быть подходящей для сон, нужно еще, чтобы она не была занята местной парой. В общем, прежде чем выпускать птиц, необходимо провести массу исследований и расчетов — это тебе не просто открыть окошко, и до свидания. Проблема еще вот в чем: сейчас многие старые амбары (где эти совы так любят селиться) приспособливаются под добротное жилье. Но дело не столько в сокращении удобных для сов жилищ, сколько в потере корма. Методы ведения сельского хозяйства меняются — раньше на зиму заготавливали в основном сено, которое хранили в

амбарах. С высохших стеблей осыпаются семена, которые привлекают крыс и мышей — вот и еда для совы. Если зима особенно лютует, совы забираются в амбары с сеном — там для них пусть и скудная, но гарантированная еда, можно перебиться до лучших времен. Теперь же мы заготавливаем на зиму главным образом силос, — естественно, для скота это гораздо лучше, чем сено, но его заворачивают в полиэтилен для ферментации во время хранения. Процесс происходит без доступа воздуха, и уж конечно наименее желанными гостями являются крысы и мыши. Поэтому в местах складирования силоса оставляют отравленную приманку, что никак не на пользу совам.

Сейдж очень часто, особенно зимой, залетал в дом. Когда мы жили на первом этаже, он больше всего любил садиться на книжный шкаф. Однажды к нам приехал управляющий из банка (мы приглашаем его каждый год в надежде выцарапать чуть больше кредита — надо же как-то перезимовать!), и я совершенно забыла, что Сейдж еще находится в комнате. Мистер Кертис вошел, и я сразу же пригласила его в гостиную и предложила чашку чаю. Тут над головой раздался шорох крыльев — это Сейдж, вспорхнув с книжного шкафа, принялся описывать под потолком круг за кругом. «Ничего страшного, — смеясь, сказал чиновник, — пусть остается в комнате!» Повесив куртку на спинку кресла, мистер Кертис уютно устроился перед камином и стал выслушивать наши объяснения, почему у нас не так много денег в банке, как должно было бы быть. Сейдж сделал еще пару кругов, а потом вел себя совершенно спокойно и ничуть не препятствовал переговорам. Когда все вопросы были рассмотрены и мы пришли к какому-то соглашению, мистер Кертис стал одеваться и, нахваливая, что за прелесть этот Сейдж, крепко пожал нам руки. Я сердечно отблагодарила его за понимание и проводила

к выходу. Когда он переступал порог, я, к своему ужасу, заметила у него на спине тонкую белую полосу, протянувшуюся от воротника до пояса (тут объяснения не нужны). Мистер Кертис поблагодарил меня за интересный вечер и разулыбался на прощание. «До свидания», — только и смогла сказать я и тихо закрыла за гостем дверь. Да, теперь уж он точно не позволит нам превысить кредит в банке!

Впрочем, мистеру Кертису, весьма популярному в округе человеку, не откажешь в чувстве юмора. На следующий день мы получили письмо, в котором он подтверждал все, чего мы достигли путем переговоров, а в конце было приписано: «Свидетелем тому являлась сова по кличке Сейдж, каковая свою печать приложила. Жду вас обоих в скором времени в банке. С наилучшими пожеланиями — Тони Кертис».

К нам не раз поступали осиротевшие совы, но еще чаще — пострадавшие в дорожных происшествиях. Хищные птицы нередко охотятся вдоль автомагистралей, по сторонам которых растет густая трава. Так как сова, по сути дела, комочек пуха, то ее нередко затягивает струей воздуха, поднимаемой проносящимися машинами, что приводит к плачевным последствиям. Птенцов хищных пернатых часто находят при рубке деревьев, или же они сами выпадают из гнезд. С птенцами хищных птиц легче иметь дело, чем с птенцами более мелких, — они легче переносят травму от всего случившегося, в частности от того, что попадают в руки к человеку и выкармливаются им. Тем не менее при обращении даже с юными совятами следует проявлять осторожность — они могут пускать в ход мощные когти и не даваться в руки. На поле сова поедает добычу целиком — со шкуркой, с костями и перьями, которые потом отгрызает в виде шарика, а все остальное переваривается обычным путем. Поэтому важно, чтобы и в неволе совы получали пищу в том

виде, в каком они привыкли ее получать. Мы, например, покупаем на корм нашим совам выбракованных забитых цыплят и храним их в замороженном виде. Молодых петушков убивают в возрасте одного дня, когда становится ясно, что они не смогут разжиреть до нужной кондиции и откармливать их бессмысленно. Покупателями этих цыплят являются также зоопарки и те, кто держит рептилий. Впрочем, мне понадобилось определенное время, чтобы научиться скармливать петушков моим совам. Со взрослыми проблем нет — они съедают их целиком, но для молодых сов и птенцов их нужно резать. Что поделаешь, приходилось баловать моих пернатых, хотя в дикой природе у них нет ни ножей, ни вилок!

Удивительно — как только из яиц вылупляются юные сипухи, они сразу же требуют мяса, даже если крошить его приходится на кусочки со спичечную головку. А не воспользоваться ли мясорубкой? Да вот беда — лапки-то не крошатся! Хочешь не хочешь, а приходится орудовать ножом.

Я люблю выхаживать сов, хотя у них такой суровый на первый взгляд характер. В укромном уголке мы устроили специальную «больничную палату», превратив несколько платяных шкафов в клетки для сов. Поставили дополнительные полки, чтобы разместить больше клеток, повесили инфракрасные лампы для тепла, а в специальных шкафах хранились медикаменты, оборудование и чистые одеяла, чтобы накрывать ими клетки. Когда эта маленькая сова к нам поступила, она сильно недотягивала до нужного веса, но быстро пришла в норму и вскоре была готова к выпуску на волю. Однажды я открыла клетку и продезинфицировала пол. Сова вела себя, как обычно птица перед вылетом: села на полку и принялась крутить головой, выражая тем самым недовольство моим вторжением. Я на секунду отвернулась, чтобы

взять чистое полотенце, глядь — а совы и след простыл, хотя я даже не слышала шороха крыльев. Значит, просто спряталась куда-то! Прежде всего я отодвинула все клетки и заглянула за них. Потом на пол полетели ученые книги и справочники. Нет и на книжных полках. Я чувствую, что потихоньку схожу с ума. В комнате не так много мест, где она могла бы спрятаться. Ну не могла же она пролезть под дверь, будь она хоть гуттаперчевая! Оставалась еще одна надежда. Я заглянула в выдвижной ящик, откуда доставала полотенце, — так и есть: из угла на меня кротко смотрит бурая мордашка с тонкими бровями! Когда же она успела туда залезть? Я ведь всего на секунду выдвинула ящик, достала полотенце и задвинула вновь! Короче, за три четверти часа, что я убила на поиски совы, я основательно поразмышляла о двух заповедях для всякого, кто хочет иметь дело с дикими животными. Запасись, во-первых, терпением, а во-вторых, чувством юмора!

Возможно, темно-желтые совы — самые симпатичные из всех. Их нередко находят, когда они выпадают из гнезда. Не надо их трогать, они сами прекрасно залезут обратно. Но многие из тех, кто находит птиц, этого не знают и подбирают, не имея представления, что с ними делать. Самое правильное в таких случаях — отнести их в Общество покровительства животным. Не так давно у нас жил совенек, у которого был очень твердый характер и который большую часть времени сидел на окне комнаты, где у нас живут осиротевшие совы, и смотрел вниз на посетителей. Но пришла пора отвезти его в Отдел дикой природы Общества покровительства животным, где есть крупные авиарии, достаточно просторные, чтобы в них можно было научиться летать перед выпуском на волю. К сожалению, у нас на ферме все авиарии рассчитаны на показ публике, а важно

понаблюдать за птицей без участия посторонних глаз: в таких случаях она может дать понять, что у нее еще что-то не зажило. Авиарии Общества покровительства животным как раз и сооружены так, чтобы специалист мог спокойно понаблюдать за тем, как птица учится летать, и на основании этого сделать вывод о готовности ее к выпуску на волю. Если выпустишь слишком рано, то перечеркнешь все усилия, затраченные на ее выхаживание.

Теперь я расскажу об очаровательной темно-желтой сове по кличке Джоу — ее нам принесла наша добрая знакомая Чери Винсент. У нее были две темно-желтые совы, которые жили в отдельных «советниках», вторую сову, слепую на один глаз, звали Хут. Хут каждый год несла яйца и упорно пыталась их высиживать, но, поскольку рядом не было самца, чтобы их оплодотворить, труд оказывался напрасен. Чери было ее конечно же очень жалко. Однажды ей принесли совсем крохотного совенка, как раз тогда, когда Хут сидела на яйцах, и Чери с замиранием сердца решила попробовать посадить его к Хут — вдруг примет как родного? И точно: Хут приняла совенка, кормила и оберегала его, так что Чери даже опасалась входить в совешник — а вдруг Хут не так ее поймет? Но вот малютка подросла, и ее можно было выпускать. Но как быть? Приемную мать ведь не выпустишь! И тогда Чери придумала так: передать Джоу нам, а крошку пересадить в освободившийся «совешник»: пусть Хут привыкнет, что падчерица улетела из гнезда, а там можно будет выпустить ее окончательно. Чери надеялась, что привязанность к приемной матери будет время от времени приводить ее обратно, а заодно ее можно будет и подкармливать. Так оно потом и случилось.

Когда Джоу оказалась у нас, мы поселили ее в один «совешник» с сипухами. К нам на ферму редко залетают

темно-желтые совы, хотя неподалеку возле дороги живет одна семья. Ночью, когда я выходила кормить барсуков, я любила слушать, как Джоу кычет; но вот на третью ночь я неожиданно услышала голоса двух сов. Я встала посреди двора и прислушалась — на телефонном столбе восседала еще одна темно-желтая сова и что-то кричала Джоу, а та гукала ей в ответ. Я рассказала обо всем Дереку, и мы задумались: то ли это кавалер, который добивается внимания нашей Джоу, то ли это сова, считающая себя хозяйкой здешней территории и негодующая по поводу появления чужой птицы. Так или иначе, но целую зиму без выходных каждую ночь прилегала сова, садилась на телефонный столб и перекликалась с Джоу. Создалась одна из тех ситуаций, когда трудно принять решение. Если это кавалер, то негуманно держать Джоу взаперти и не давать им встретиться. Ну а если отпустить, сможет ли она прокормиться на воле? Правда, найти еду вокруг нашей фермы не так уж и трудно. Джоу шесть месяцев прожила в «совешнике» и наверняка будет возвращаться сюда за едой. К тому же мы разбрасываем еду для барсуков, ничего страшного, если и сова покормится. Мы выпустили Джоу — и с тех пор о ней ни слуху ни духу. Должно быть, кавалер увел ее в свои владения, и они там построили гнездо. А все же жаль, что мы теперь лишены возможности слушать, как они перекликаются.

А еще был случай из разряда «не было бы счастья, да несчастье помогло». Моя подруга Кейт, проводя научно-исследовательские работы на Скомер-Айленд, подобрала птенца короткоухой совы, которого здорово искевали чайки. Судя по всему, совенок оказал им достойное сопротивление. Кейт спросила, может ли она привезти его к нам для ветеринарного обследования. Как ни удивительно, он выдержал путешествие до Сомерсета, и Кейт продержала его ночь у себя. Когда

наутро она привезла его ко мне, он немного поел — что во всех случаях является добрым знаком, — и мы оставили его в покое: пусть придет в себя. Ветеринар нашел, что у совенка сломана нога и слегка повреждено крыло. Бэрри собирался оперировать его на следующий день, но, обнаружив, что у врача в холодильнике нет суточных цыплят ему на корм, я решила на ночь забрать его домой. Увы, ночью бедняжки не стало: по-видимому, поимка человеком и бесчисленные перевозки вызвали стресс, который добил и без того покалеченного птенца. Впрочем, если бы его оставили на скалистом берегу острова, он все равно бы умер. Каждый такой случай опустошает душу: сознаешь, что сделала все возможное — но на большее сил не хватило.

Несколько дней спустя прихворнула одна из наших водяных черепах. Я позвонила все тому же Бэрри, и он ответил, что готов ее осмотреть. Я была сильно занята бумажной работой, поэтому черепаху к врачу пришлось везти Дереку. Кладя ее в ящик, я объяснила, что следует сказать о симптомах, и тут вспомнила, что у Бэрри кончился запас суточных цыплят для прокорма пациентов. Я попросила Дереку отвезти ему несколько штук — на всякий случай. Вернувшись, Дерек объявил, что черепахе требуется курс инъекций, и Бэрри оставил ее у себя для наблюдений. Четыре дня спустя нам позвонили, что черепаха чувствует себя лучше и мы можем ее забрать.

Прибыв на место, я обнаружила, что все врач И куда-то вышли, но медсестра Бекки, вынеся нам черепаху, объявила, что она больше не нуждается в лечении и хорошо питается. Как доказательство в коробке с черепахой лежала недоеденная тушка цыпленка — пусть доест по дороге домой! Я чуть не надорвала себе живот от хохота: оказывается, врач чего-то недопонял и принял мороженных цыплят за корм для черепахи. Выяснилось, что она отнюдь не

равнодушна к этому лакомству, а ведь мы никогда прежде не давали ей мороженных цыплят. Вот так — бывает, что в результате ошибок узнаешь интересные вещи.

Глава шестая

Приятели Дерека: лисы в шкафу для игрушек

Знаю по своему опыту, что мало кто из фермеров не поморщится при упоминании о лисах. Тем не менее лисы, как и любые другие животные, имеют право на существование в гуще наших лесов и на просторах наших полей. Хищные животные, в том числе и лисицы, способны контролировать свою численность. Когда пищи вокруг больше обычного (и когда лисиц преследуют больше обычного), лисята появляются на свет в больших количествах. Если предоставить все естественному ходу вещей, то факторами

регулирования численности лисиц останутся территория и доступность пищи. Многие фермеры ругают лис за воровство, но виноваты в этом, как правило, они сами. Нужно поплотнее закрывать дверцы курятников и крольчатников. В конце концов, лисица рождается охотником, и с этим приходится считаться.

Лисица все больше становится городским жителем — ведь в мусорных контейнерах и на свалках полно пищевых отходов. Значит, она все меньше боится людей и все чаще устраивает себе жилище и материнское гнездышко вблизи человеческого жилья. Детенышей рождается обычно четыре-пять, а поскольку они появляются на свет на голой земле, то темный шоколадный окрас служит им камуфляжем. На третьей-четвертой неделе лисята обычно покидают жилище, чтобы поиграть, хотя особенно не удаляются от матери. Тогда их нередко подбирают люди, принимая за брошенных щенят.

Порой ошибки совершают даже профессионалы. Как-то мальчишки нашли на пустыре в городе Уэстон-Сьюпер-Мэр двух детенышей и отнесли их местному ветеринару. Тот принял их за щенков собаки и предложил своему знакомому, у которого была собака породы лабрадор. К несчастью, все ее щенята погибли — может быть, она выкормит этих? Он позвонил владельцу собаки и услышал, что тот готов принять найденных с распростертыми объятиями. Собака вылизывала и ласкала их, как родных. Поначалу не было никаких сложностей — щенята росли день ото дня, но вот в одно прекрасное утро хозяин собаки понял, что это за детеныши: у них стала рыжеть шкурка, а ушки и носики становились все острее. Одновременно у них начали развиваться железы, выделяющие пахучую жидкость, так что в комнатах стало нечем дышать. Самая большая трудность заключалась в том, что детеныши, выросшие в

домашнем окружении, привязались и к людям и к собакам, и выпустить их на волю не представлялось возможным.

Зная о нашем существовании, хозяин лисят связался с нами и спросил, готовы ли мы их взять. Мы согласились, тем более что лисицы на ферме уже были. Когда они у нас появились, барсучонок Уиллоу по-прежнему жил в доме, в большом буфете; к нему временно и подселили лисят. Мы брали их с собой на выставку в Лондон — городской шум и внимание публики им оказались нипочем! Вид играющих в пятнашки, а порою ссорящихся лисят приводил посетителей в восторг — они ведь так прелестны в столь юном возрасте! Вернувшись из Лондона, мы поселили их в одном загоне со взрослыми лисами, поскольку две недели спустя собирались передать их Обществу покровительства животным — там лисята живут в больших загонах, и их не кормят из рук, а только бросают пищу, чтобы у них восстановились дикие инстинкты. Лисицы дерутся и скандалят из-за еды, но постепенно складывается субординация — примерно так же, как это должно быть в дикой природе. Приходит время, и лисиц — здоровых и привитых — выпускают в специальные места, где на них не охотятся и где нет интенсивного сельского хозяйства, а значит, нет и фермеров, для которых они — словно кость в горле.

Примерно в возрасте шести месяцев лисята в любом случае отобьются от группы.

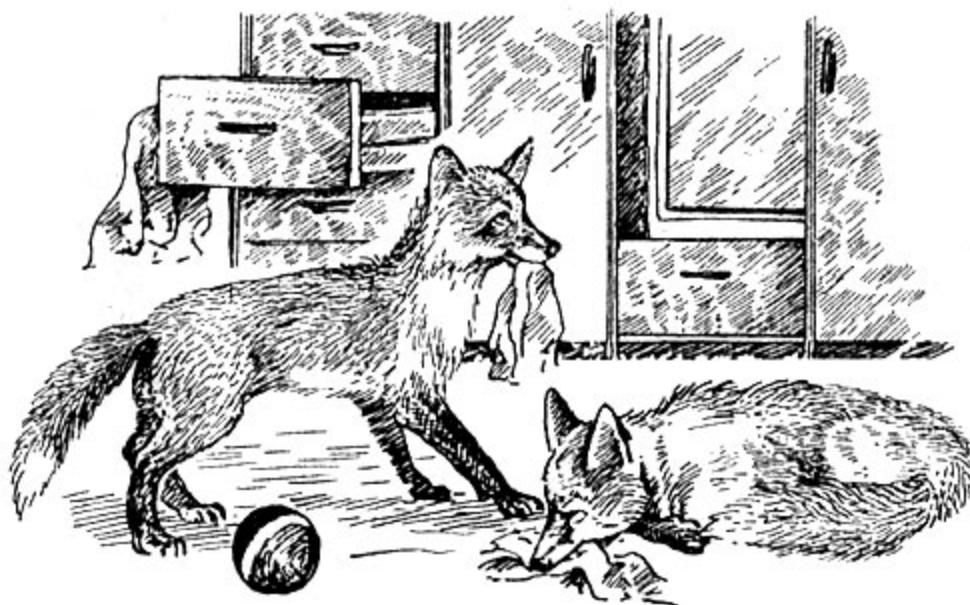
Однажды нам позвонила одна леди и сообщила, что обнаружила у себя в саду трех лисят. Ей хотелось узнать, что делать. Мы расспросили ее и пришли к выводу, что в одном из сараев при усадьбе, где жила эта дама, лисица устроила себе гнездо, а детеныши выходят в сад для прогулки. Не нужно их трогать — они никогда в жизни не ведали стресса, и не стоит их

травмировать. Они в любом случае вернутся в гнездышко к мамочке, а когда подрастут, вероятнее всего, разбегутся, и дама никогда их не увидит. Такой ответ вполне удовлетворил мою собеседницу; она позвонила три месяца спустя и рассказала, какую радость ей и ее семье доставляет наблюдение за лисятами. Но, судя по всему, они уже покинули усадьбу, так как их довольно давно не видно.

Если вы встретите лисят, пожалуйста, не подбирайте их. Стойте и наблюдайте на расстоянии — как правило, мамаша где-то рядом, и лисята прекрасно найдут дорогу домой. Подбирайте их только в том случае, если с ними стряслась беда и им нужна помощь. В 1992 году Отделу дикой природы при Обществе покровительства животным пришлось выхаживать более девяноста лисят — представляете, сколько пришлось подбирать подходящих мест для выпуска! А главное, при всей заботливости человека никто не научит лисят выживать в дикой природе лучше, чем мать.

В первый раз нам с Дерекком пришлось иметь дело с лисицами, когда одна супружеская пара из Чертей, что близ Лондона, предложила нам двух подросших лисят — Гордона и Беннета: супруга нашла их, когда гуляла с собакой. Лисятам было уже по шесть месяцев; мало того, что они были совершенно ручными — они еще привыкли к тому, что им сервируют еду по два раза в день! Как таких выпустить в дикую природу? Соорудив специально для них новый загон, я съездила в Чертей и забрала их. Для меня это была первая в жизни возможность близко изучать лисиц. Братья оказались совершенно разные — у Беннета ноги и шерсть на холке были черные, так что в целом он выглядел много темнее, чем Гордон, окрашенный в приятный медовый цвет. У обоих были серые с белым манишки и белые кончики хвостов — или, лучше сказать, белые кисточки?

Глаза у них были ярко-оранжевые, по строению похожи на кошачьи, — очевидно, такой глаз легче приспосабливается к ночному видению. Лисицы все-таки ночные животные, хотя иногда их можно видеть и днем.

Первую ночь они провели, съежившись от страха, в конуре, которую я специально для них построила в загоне; но на следующий день рыжая парочка куда отважнее обследовала загон и выказала куда большее дружелюбие. В довершение всего они принялись кататься на спинке, чтобы я пощекотала им брюшко; лаская своих питомцев, я чувствовала густую мягкую шкурку, похожую на кроличью.

В дикой природе лисы не очень много времени проводят в норах; обычно они залегают под кустами, а то и забираются в дупла больших упавших деревьев. Густая теплая шуба не дает им замерзнуть. Я удивляюсь, с какой ловкостью они скачут по бревнам, из которых сложена ограда загона, — всего-то четыре дюйма в ширину, — и при этом умудряются не наткнуться на проволоку. Их повадки очень схожи с кошачьими — поскольку питаются они в основном

мышами, то, вполне естественно, от них требуется кошачья ловкость. Я наблюдала, как они охотятся. У лисицы необыкновенно острый слух, и сперва она, насторожившись, прислушивается, где шуршит грызун, которого она наметила себе в жертву. Затем прыгает, руля в полете хвостом, и хватает добычу передними лапами — теперь ей ни за что не вырваться.

Гордон был несколько дружелюбнее, чем Беннет, и мы иногда выводили его гулять на поводке. Но это было нелегким делом: лисица — не собака, она любит гулять вдоль кустов, а еще больше — продираться сквозь них; во всяком случае, ее не заставишь шагать по прямой. Вот что я еще заметила, наблюдая за моими рыжими питомцами: бегая по загону, они издали чуяли присутствие барсуков и держались поближе к ограде — очевидно, лисицы уважают силу этих животных. В дикой природе барсуки и лисицы иногда живут по соседству, но лисицы не столь аккуратны, как барсуки. Разбросанные вокруг норы перья и объедки неизменно свидетельствуют о том, что хозяйка дома. Раньше считалось, что лисицу можно скрестить с собакой, но лисицы и собаки относятся к разным родам, у них различное количество хромосом, так что скрестить их в принципе невозможно. К сожалению, с нами уже нет Беннета, но Гордон с нами и по сей день. Сейчас, когда я пишу эти строки, ему исполнилось восемь лет. Если среди наших питомцев снова появляются лисята, он у них — за старшего брата. Бывают случаи, когда детеныши путают его с мамашей и пытаются найти соски — ну, тогда он сразу дает понять что к чему!

Дерек, у которого в крови фермерские инстинкты, никогда не питал особой страсти к лисицам. Расскажу об одной рыжей, которую мы оба невзлюбили. Шел второй год, как наша ферма открылась для публики, и по саду бегали до сотни кур. В течение целой недели каждый день изумленные посетители бывали

свидетелями такой сцены: между полуднем и двумя часами дня в сад наведывалась лисица, преспокойно хватала цыпленка и тащила к себе в нору. Раздавались охи и ахи, щелкали фотоаппараты — ведь зверек подходил близко, никого не боясь. По-видимому, это была кормящая самка, нуждавшаяся в усиленном питании; отчего не воспользоваться, коли доступная добыча рядом? Получилось раз, получилось два — вошло в привычку. Все же по истечении недели мы решили: хватит! Сказать по совести, больно было смотреть, как число цыплят день ото дня уменьшается. Наверное, они уже стали тянуть жребий, кому следующему идти на корм лисице! Одолжив у своего кузена ружье, Дерек взял обед сухим пайком и засел в цыплятнике, наблюдая через окошко. Был ясный солнечный день, и он издали увидел, как лисица крадется вдоль живой изгороди. Он взял ружье на изготовку, стараясь не спугнуть зверя. Вот прелестная рыжая шкурка двинулась привычным маршрутом в направлении сада; вдруг лиса замерла на месте, подняв переднюю лапу, и понюхала — сперва воздух, затем почву: она явно почуяла, что здесь что-то не так. Задумавшись, она скользнула еще на несколько ярдов вперед, но, словно поняв, что все кончится худо, яркой вспышкой метнулась назад и скрылась в живой изгороди, вдоль которой кралась. Не могла же она видеть ружье — значит, помяла по запаху, что угрожает опасность. Дерек с облегчением вынул патрон. Больше рыжая плутовка не приходила средь бела дня за легкой добычей.

Прошла еще пара лет. Стояла суровая зима, и мы держали цыплят в большом сарае, двор перед которым был устлан соломой. Но вот солнце повернуло на весну, и мы вновь стали выпускать цыплят гулять по саду. Как-то вечером я шла к цыплятнику, чтобы закрыть его на ночь, и встретила с Дерекком, идущим через сад к

овчарне — овцы вот-вот должны были начать ягниться. Мы пошли вместе, обсуждая происшедшие за день события, и вдруг увидели отделившуюся от стада овцу — это значит, что она или только что обьягнилась, или вот-вот обьягнется. Мы подошли поближе — двойняшки, первые в нашем овечьем стаде в этом году. Взяв по ягненку в каждую руку — а брать их нужно за передние ноги, чтобы тельце свисало, — я отнесла их во двор. Спросите, почему такой странный способ переноски? Потому что если я прижму новорожденного ягненка к себе, то передам ему свой запах, и овца может отвергнуть его. Ягнята время от времени блеяли, побуждая овцу следовать за нами. Дерек шел позади, чтобы загнать ее в сарай — там для нее готовы подстилка из соломы, свежее сено и вода. В первую ночь после окота Дерек всегда загоняет овец внутрь, чтобы защитить детенышей от лисиц. Через сутки ягнята становятся достаточно сильными и могут следовать за мамашей; гибнут очень немногие.

Уютно устроившись в теплом сарае, овца по-матерински ворчала на своих детенышей, которые отыскивали соски на ее теплом животе. Потом они завиляли хвостиками и довольно зачмокали — стало быть, молока вволю. Утолив голод, ягнята, даже не облизав губы, попрыгали по соломе и снова устроились подле мамочки, которая неторопливо жевала жвачку. Мы наблюдали за всем происходящим сквозь полуоткрытую дверь и думали: бывают же такие минуты, когда всем существом чувствуешь, какая это прекрасная штука — сельская жизнь и как она примиряет тебя с окружающим миром. Было уже темно; погасив в сарае свет, мы направились в дом. В этот вечер мы несколько раз проходили мимо цыплятника, и ни один из нас не вспомнил, что нужно закрыть его на ночь.

Забрезжил рассвет, и последствия подобной забывчивости предстали во всей красе. Зеленая трава была усыпана толстым слоем перьев, будто над садом разыгралась снежная буря. Всюду валялись цыплята — иные были только чуть придушены и теперь умирали мучительной смертью, у других были откусаны головы. Те же, кто уцелел, забились по углам цыплятника — они были в глубоком шоке. Многие погибли просто от удушья, — когда началась паника, цыплята кинулись в безопасные места, наседавая друг на друга. Мы не могли без гнева взирать на то, что натворили лисицы, — мы думали не столько о понесенном ущербе, сколько о том, какие предсмертные муки выпали на долю крошек. Но тяжелее всего было чувство вины: это ведь такая элементарная вещь — закрыть цыплят на ночь... Более полусотни растерзанных цыплячьих тушек — таков «урожай» того горестного утра, и словно черная тень упала на землю. «Если бы мы только знали...» — эта мысль долго не давала покоя ни мне, ни Дереку. Слава Богу, в тот день никто не задал нам вопроса, какого мы мнения о лисицах. Ну, утащит лиса нескольких цыплят, если не закроешь дверцу на ночь, но чтобы вот так, в пух и прах...

На другой день я уехала в Лондон повидаться с матерью, и мы вместе сходили на выставку «Идеальный дом». Перед возвращением я, как всегда в таких случаях, позвонила Дереку — узнать, все ли в порядке на ферме, — и поняла, как бесконечно он мне предан и как безмерно любит меня! Еще не улеглись страсти после трагедии в цыплятнике, а Дерек уже съездил по вызову и привез — кого бы вы думали? — лисенка, которому всего-то три дня от роду. Теперь аккуратно кормит его из бутылочки каждые четыре часа. Слава Богу, на следующий день я вернулась на ферму и, едва переступив порог, попросила показать мне нового питомца. Дерек справился блестяще, но я не могла не

чувствовать, что у него гора с плеч свалилась, когда он сдал мне с рук на руки этот крохотный шоколадный комочек. Он и так терпеть не мог все эти бутылочки, а тут возись, корми, и кого же — лисицу, да еще после того, что натворили ее сородичи! Мы называли лисичку Хейди — так сокращенно называли выставку «Идеальный дом» ее устроители. (В тот момент никто из нас и представить не мог, как подойдет ей это имя — Хейди идеально вписалась в жизнь нашего дома!) Ее спас фермер, который отстрелял на своей земле нескольких лисиц, покушавшихся на его ягнят. Осмотрев последнюю, он увидел, что в зубах у самки — еще живой детеныш. Что до взрослых лисиц, то они получили по заслугам — нечего воровать ягнят, но детеныш-то чем виноват? Подобрал его, фермер тут же позвонил Дереку, и тот забрал лисенка. Крошка была удивительно красива; вся она помещалась на моей ладони, и глазки у нее еще не открылись. Я сомневалась, выживет ли она, но тогда я и представления не имела, сколь живучи лисята. Я завернула ее в согретое полотенце, а она что-то прочирикала в ответ — мол, кормить меня пора! В столь нежном возрасте шерстка не может быть очень длинной, но на хвосте — обернутом вокруг тела, чтобы удерживать тепло, — уже обозначился характерный белый кончик. Через нашу ферму, наши руки прошло немало животных, по Хейди — это было что-то особенное.

Скорость, с которой росла эта крошка, оказалась феноменальной. К концу недели у нее открылись глаза — пара милых глубоких голубых глаз, с такой любовью смотрящих на нас! Прошла еще неделя — и она стала пушистым комочком. Едва выучившись вилять хвостом, она поняла, что с помощью этого легко добиться человеческого внимания: виляет хвостом и тоненько-тоненько верещит, пока мы наконец не соизволим к ней

подойти. Впрочем, она уже научилась и кое-каким дурным манерам, например плевать. Уже в младенческом возрасте ее реакция на внезапный шум или чье-то движение была молниеносной. Но когда она стала бегать по комнате, от наших глаз не ускользнуло, что она волочит заднюю ногу. Осмотрев ее, мы поняли, что у Хейди повреждено бедро. Наш старый друг Бэрри осмотрел лисичку и сказал, что бедро может встать на место, но, если этого не произойдет, нужно будет ее оперировать. В этом случае зверюшку на несколько недель придется изолировать и повременить с выпуском.

Если сравнивать с барсучатами, у которых глаза открываются лишь через пять недель после рождения и которые выходят из норы в возрасте восьми недель, то у лисиц зрелость наступает гораздо быстрее — так диктует природа, иначе они не выживут. Хотя Дерек ухаживал за крошкой всего два первых дня, она успела привязаться к нему и всегда с энтузиазмом его приветствовала, прижав ушки и выгибаясь всем тельцем. Однако эта преданность не вызывала взаимности — Дерек показывал всем существом, что игнорирует плутовку. В трехнедельном возрасте, несмотря на поврежденную заднюю ногу, она демонстрировала чудеса ловкости. Например, захотелось Дереку сесть в кресло почитать газету, так Хейди при помощи острых коготков без труда взобралась по спинке. Сознание близости к человеку, чьего расположения она безуспешно пыталась добиться, привело ее в такое волнение, что она взяла да и выпустила ему на лоб все содержимое мочевого пузыря. Дерек вскочил будто ужаленный, а крошка одним прыжком катапультировалась в противоположный угол комнаты. Я и мальчишки уставились в пол, стараясь сохранять спокойствие, но удержаться от смеха стоило нам колоссального труда.

Дерек бросился вон из комнаты, чтобы переодеть свитер, и со всей силы захлопнул за собой дверь, лишь по счастливой случайности не прищемив нос лисичке, которая, увидев, как он расстроен, собралась за ним бежать. Впоследствии мы делали все возможное, чтобы удерживать ее подальше от Дерекы, но это мало помогало: все принадлежащее Дереку, что попадало ей в копи, оказывалось немедленно утащенным за кресло и там благополучно изжеванным. Симон и Дэниел обожали Хейди, и она проводила немало времени в спальнях мальчишек; ну а буфет, в котором хранились игрушки и который располагался в коридоре между их комнатами, стал ее законным местом для сна. Между тем ей исполнилось уже два месяца, а бедро так и не встало на место; дело дошло до операции, после которой мы вынуждены были на несколько недель ограничить свободу передвижений лисички кухней.

Теперь в нижнем этаже мы сделали чайную для посетителей, а сами перебрались на второй и третий, куда ведет отдельная лестница; когда Хейди поправилась после операции, мы, выходя из жилых комнат, закрывали дверь на запор, зато по всему остальному пространству дома лисица а могла свободно бегать. Она много играла с псом Барри, а спала еще больше. Иногда мы, придя посмотреть, как ей живется, звали ее по имени. Думаете, она сразу отзывалась? Ничуть не бывало! Если она сыта и уютно свернулась где-нибудь клубочком, ни за что не явится. Тогда в голову приходила жуткая мысль: а вдруг мы неплотно закрыли дверь и она убежала туда, куда не следует? Все дружно принимались за поиски, но это все равно что искать иголку в стоге сена. Лисица блестяще владеет своим телом, подвижным будто ртуть, и просто диву даешься, в какие узенькие щели она способна проникать. Лисы нередко приспособливают себе под жилье кроличьи норы. Порой Хейди находили в ящиках,

выдвинутых на несколько дюймов, порой — за холодильниками, шкафами и прочими предметами мебели. В конце концов, нам это надоело. Черт с ней! Проголодается — начнет верещать и выдаст свое местонахождение, а там, глядишь, и сама бросится к нам как миленькая.

Дерек всегда питал страсть к крикету. Он, несомненно, сделал бы спортивную карьеру, если бы играл хоть мало-мальски прилично. Деревенский крикет он тоже как следует не освоил, потому что играют в него по преимуществу летом, а в это время года куда важнее дойка и сенокос. Только ближе к четвертому десятку он смог организовать свое время так, чтобы оставалось еще и на игру. Немалую роль сыграло то, что вместо сена мы стали заготавливать силос. С этой работой мы справлялись за несколько дней, тогда как заготовка сена требовала многих недель. Теперь Дерек каждое лето самозабвенно играет в крикет. Он питает к этой игре ту же любовь, что я — к диким зверушкам. Поскольку я особенно не утруждаю его заботами о моих питомцах, а он не заставляет меня ходить на матчи, то это устраивает нас обоих. Каждую субботу с мая по сентябрь он берет свои принадлежности и отправляется играть, позволяя себе на короткое время забыть о ферме. Кстати, игроки команды Ист-Хантспилла живут душа в душу, а поскольку чувства юмора им не занимать, то, прежде чем выйти на поле, они соревнуются, кто кого острее подденет. Стоит, к примеру, Дереку опоздать на пару минут, как его уже встречают словами:

— Что, дружище, опять гулял с барсуками? Запряг бы их лучше в повозку и приехал, хоть какая польза!

А другой встрянет:

— Да нет, не с барсуками. Небось чайкам крылья перевязывал. Хоть бы одна тебе в благодарность рыбки наловила, что ли!

Ничего не поделаешь — приходится терпеть.

Мешок со спортивными принадлежностями Дерек хранил под кроватью. Настал-таки день, когда он случайно забыл закрыть дверь.

Когда пришла суббота, Дерек надел белый костюм — цвет команды Ист-Хантспилла, — взял мешок с принадлежностями и отправился играть. Солнце светило вовсю, и те игроки, до которых еще не дошла очередь, валялись на травке, комментируя ход игры. Время от времени поляну оглашал оглушительный крик «Вот это да!!!» или «Вот те на!!!» — в зависимости от того, куда запузырил мяч тот или мной игрок. Но вот настал черед Дерек. Развязав мешок, он достал оттуда пару шикарных ненадеванных кожаных перчаток, стал натягивать и... о ужас! Сквозь изжеванную белую кожу вылез розовый большой палец, а вся команда вокруг лежит, заливаясь хохотом. Представляю, что он почувствовал, когда догадался, как все произошло... «Тебе что, крыса прогрызла?» — спросил кто-то из дружков. «Нет, лисица», — только и смог ответить Дерек. Продолжать игру было бессмысленно, смех не смолкал до самого вечера. Но, как видно, урок не пошел впрок — через несколько недель вся команда ржала снова, на этот раз по поводу красного сердечка у Дерек на спине (он натянул белый свитер на красную рубаху, а дыра, прогрызенная в свитере, имела точно вид сердца — вот и стал он червонным тузом!).

Между тем у Хейди стала все больше пробиваться рыжая шерстка, глаза обрели ярко-оранжевый цвет, а ушки наострились еще больше, это значило, что она превращается в настоящую лисицу. К концу первого месяца жизни Хейди окончательно отказалась от бутылочки; теперь стоило бросить ей кусок мяса — попробуй отними! В ней мгновенно пробуждался врожденный инстинкт — охранять свою добычу! Ведь в дикой природе детенышам ее возраста самка впервые

начинает приносить пищу, и, кто ухватит самый большой кусок, тот и победитель.

У нас был заключен договор с фирмой мойщиков окон, которая каждый месяц присылала к нам бригаду. Возглавлял ее высокий блондин по имени Адриан, который был настолько хорош собой, что едва ли ему нужно было следить за своей внешностью. Когда он влез на стремянку, чтобы помыть окна изнутри, мы предупредили, что по дому бродит страшная лисица по кличке Хейди. Но он уже вымыл половину окон, а плутовка все не показывалась на глаза. Между тем она никуда не делась. Замша, которой протирают стекла, очень похожа на звериную шкуру, вот она во все глаза и следила за Адрианом — дожидалась своего часа, чтобы не упустить добычу. Протерев очередное окно, Адриан отложил замшу и взял в руки сухую тряпку. Тут из-за стула метнулась рыжая молния, схватила замшу, скользнула по подоконнику и, тормозя, вцепилась когтями в ногу Адриану. Тот завопил не своим голосом, а лисица, усмотрев в этом признак опасности, бросилась прочь, фыркая и ворча, — Адриан только и успел заметить, как она исчезает в глубине гостиной, таща за собой ветхий трофей чуть ли не вдвое больше ее самой. Потрясенный Адриан спустился со стремянки и вежливо спросил, как бы ему заполучить замшу обратно. Что-что, а отдать добычу без боя Хейди не могла! Счастье еще, что я отделалась укушенным пальцем — бросив лисице свежемороженого цыпленка, все-таки отбила у нее замшу. Адриан снова влез на стремянку, чтобы закончить работу, но не прошло и десяти минут, как замша исчезла снова. На сей раз я бросила плутовке полотенце и заперла ее в кухне, пока Адриан не кончит. Завершать работу Адриану пришлось под жалобный вой — голос одинокой тоскующей души.

Адриан и его компания всегда проявляли живой интерес к тому, чем мы занимаемся. То, что в любой из наших комнат можно ожидать сюрприза, было для них в порядке вещей. Как-то раз они и сами попытались порадовать нас новым питомцем. Моют окна в одной усадьбе в Хайбридже, видят — по дороге ползет крыса, вроде больная, но еще живая. Они испугались — было время детишкам возвращаться из школы, вдруг кто-нибудь увидит и поймает? «Позвоним Паулине!» — решили Адриан и его друзья. Мы с Мэнди немедленно приехали — на руках перчатки, под мышкой коробка. К тому времени, как мы добрались, трое отважных ловцов уже успели поймать животное, опрокинув на него мусорное ведро да еще придавив сверху тремя кирпичами. Мы с Мэнди решили так: одна будет медленно поднимать ведро, а другая попытается схватить. Конечно же крыса выскользнула из наших рук и спряталась под машиной. Трое храбрых мужчин мигом растворились, или, во всяком случае, отошли на безопасное расстояние. Крыса, вероятно отведавшая отравленной приманки, двигалась не слишком быстро,

так что мы, ползая на брюхе вдоль обеих сторон машины, умудрились ее сцапать и запихать в коробку. Окончив операцию, мы встали, и лица наши светились триумфом. «Вот это да! — сказал один из членов бригады мойщиков. — Да вы как пара опытных такс!» Хорош комплимент, нечего сказать!

К счастью, крыса отдала концы, прежде чем мы успели доехать до дома. Так мы избавились от этической дилеммы — спасать ее, как мы спасаем всех наших питомцев, или нет. Заслуживает ли она этого, коли она — вредный грызун? Но ведь лисицы тоже порой вредят, однако же мы спасаем их!

Хейди по-прежнему жила в доме, но пахучие железы все больше давали о себе знать. Я со страхом ждала, что Дерек поставит вопрос ребром. Хуже всего то, что лисиц очень трудно заставить соблюдать в доме чистоту. Выходя из своих комнат, мы всякий раз с превеликой осторожностью открывали дверь на лестничную площадку — вдруг она опять навалила там кучу? Если, ко всему прочему, рассказать, как лисы любят лазить в камин и взбираться по трубе, а также носиться по книжным полкам, демонстрируя свою ловкость, то станет ясно, почему их не очень-то охотно заводят в качестве домашних любимцев. Я вижу, читатель уже готов наградить Дерек за долготерпение сияющим нимбом. Мы тоже старались скрасить ему жизнь: стоило лисичке напроказить в очередной раз, как мы из кожи вон лезли, чтобы скрыть последствия, пока о случившемся не проведал Дерек. Но даже он был сильно расстроен, когда кто-то забыл закрыть дверь и лисица ускользнула на улицу. Мы все обыскали — как в воду канула! Утешением служило то, что она знала местность, поскольку мы часто водили ее на прогулки; но как далеко ее занесет? А главное, почти у всех наших соседей есть ружья, что тоже внушало тревогу. Пришло время ложиться спать, а о лисице — ни слуху

ни духу. Мы ходили туда, сюда, искали, звали, надеясь услышать в ответ тоненькое верещание, — ничего! Решили так: пойдём спать и оставим двери открытыми — вдруг вернется!

Я лежала в постели, напрягая слух. Минуты тянулись мучительно долго, словно часы. Наконец сон сморил меня, но в пять утра я проснулась снова. Дело было летом, так что уже совсем рассвело; тихонько, чтобы не разбудить Дерека, я выползла из постели и отправилась к мальчишкам. И что бы вы думали? В шкафу для игрушек на своем привычном месте возлежала Хейди, блаженно растянувшись на спинке. По-видимому, она так набегалась за ночь, что могла пошевелить только кончиком хвоста. Растроганная до слез, я нежно погладила ее по головке — мол, здравствуй, милая, как долго мы тебя искали! — хорошенько закрыла все двери и нырнула в постель: хоть пару часов посплю по-человечески! Нужно ли говорить, что последние часы сна были куда слаще, чем предыдущие...

Лиха беда начало — ночная прогулка пришлась Хейди по вкусу. Теперь она все чаще норовила улизнуть из дома, но, вернувшись, каждый раз устраивалась спать в шкафу для игрушек. Видя, что в доме ей не сидится, мы решили познакомить ее с Гордоном и Беннетом. (Зная, что нам не удастся выпустить их на волю, мы решили их кастрировать, так что с этой точки зрения проблем не было.) Те сразу приняли Хейди как сестренку. Поначалу она проводила с ними по несколько часов в день, а затем и целые дни, забегая в дом от случая к случаю (обычно мы брали ее поиграть по вечерам, когда Дерек уходил на вечернюю дойку, после чего тщательно проветривали дом, чтобы он не узнал о визите не очень-то желанной гостьи). Конечно же мы все чаще брали ее на прогулку, да и Мэнди, гуляя со своими собаками у реки, нередко брала ее.

К тому времени, когда Хейди исполнился год, от травмы бедра не осталось и следа. У нас уже не было Беннета, его сменила другая лисица. Это была молоденькая самка, попавшая в капкан. Ветеринар ампутировал ей заднюю ногу, но началась инфекция, и врачу пришлось сделать немало инъекций и переливаний крови, чтобы спасти своей пациентке жизнь. Потом он передал лисицу нам, боясь, что в дикой природе она все равно не выживет. Ну а назовем-то как? Конечно, Трипод, то есть Трехножка! Рожденная в дикой природе, она так до конца и не стала ручной, но, являясь за едой, подходила к человеку совсем близко, если видела, что он не собирается ее трогать.

Наступила зима, и все три лисицы оделись в густые зимние шубы. В то утро, когда мороз покрыл все вокруг искрящейся корочкой, первое, что я сделала, — пошла их проводить. На белом фоне их шикарные шубы смотрелись особенно эффектно, и им было совершенно наплевать на холод. Я всегда подмечала, как мороз оттеняет красоту природы, выявляя самые тонкие детали. У нас на ферме живут павлины, которые на ночь забираются на могучий конский каштан. Когда их трехфутовые хвосты, ниспадающие с ветки, сияют в морозную ночь в лучах луны, зрелище просто захватывающее.

В эту зиму Дерек подарил мне на Рождество пару белых павлинов, о которых я всегда мечтала. Решили — пусть пока поживут в птичнике, поглядят, как бродят по двору и где устраиваются на ночлег их сородичи, а месяца через два выпустим их к другим павлинам. (Птичник, в котором их поселили, находился как раз напротив лисьего загона...)

К тому времени Хейли вот-вот должно было исполниться два года. В этом возрасте лисицу обыкновенно тянет искать себе пару, а эта немаловажная деталь как-то не пришла мне в голову.

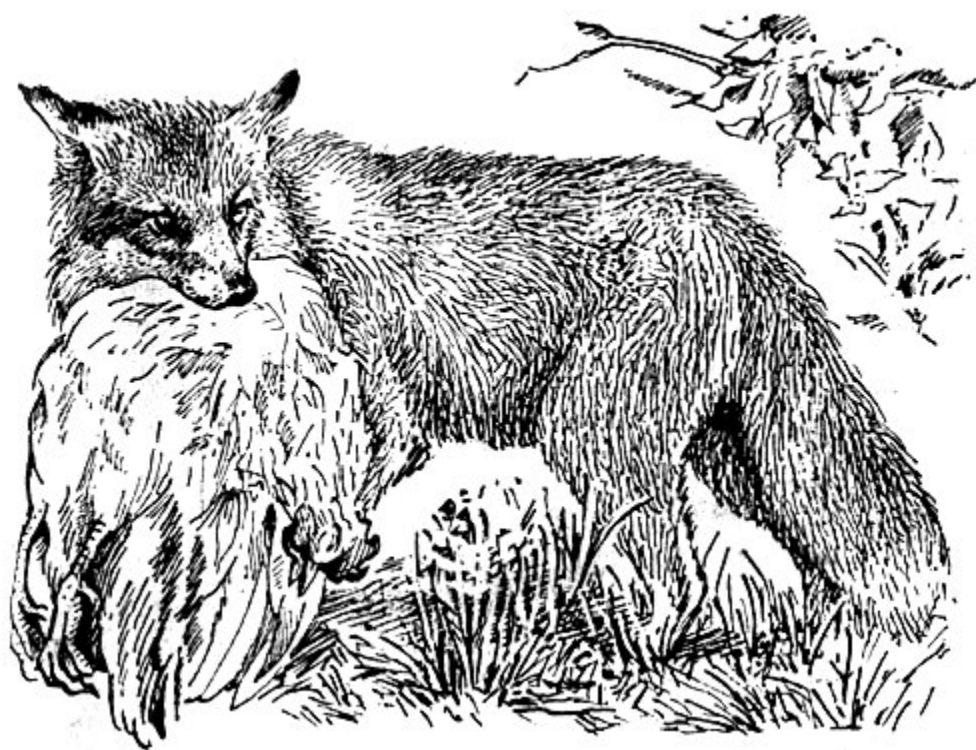
Загон, в котором жили лисицы, был обнесен двойной проволокой, и вот в одно злосчастное утро я обнаружила, что проволока перекушена. Судя по всему, одну перекусил некий лис-пришелец, а другую — Хейди. Исчезли и Хейди и Трипод. Ну а Гордон, по-видимому, решил, что слишком стар для вольной жизни. К тому же здесь «сервируют стол» дважды в день — чего еще?

Больше мы так и не увидели Хейди. Боюсь, с ней приключилась беда — она была такой ручной! Спросите — а может, она просто нашла себе пару? Думаю, она все равно показалась бы на глаза, пусть даже издали. Мэнди и вовсе была убита горем: ведь она уделяла ей столько времени и забот! Мы искали Хейди, оставляли для нее еду, просили всех: если встретите ручную лисицу, сообщите! Нет, все напрасно!

...Неделю спустя кто-то из тех, кто наловчился перегрызать проволоку, вернулся и задушил моих белых павлинов.

Ну, а Трипод появлялась еще не раз. Ее-то уже не спутаешь ни с какой другой лисицей. С того печального утра, когда она убежала вместе с Хейди, прошло два месяца. Я закрывала курятник, чувствую, кто-то хлестнул меня хвостом. Оборачиваюсь и вижу крупную лисицу с огромным петухом в зубах. Я кинулась на нее, заорав не своим голосом; бросив добычу, лисица пустилась наутек со всех... трех ног. Добежав до ворот, она остановилась, оглянулась и унеслась прочь. Шея у петуха оказалась одним сплошным синяком, и все-таки он протянул до утра. Аналогичный случай произошел с цесаркой в июне. У нас в усадьбе работал некий Питер — таких золотых рук, как у него, днем с огнем не сыскать, все что хочешь починит! Бог не наградил его ростом, и потому ему приходилось постоянно сносить насмешки от посетителей, вроде: «Виноваты, мы не заметили вас из-за метлы», — но он к этому относился спокойно. К неудовольствию своей жены, он был

истинным трудоголиком и нередко задерживался на работе до полдвенадцатого ночи — мы даже думали, не купить ли ему горняцкую лампу, чтобы лучше работалось ночью! Так вот, в одно прекрасное утро Питер, делавший уборку в Гостевом центре, услышал на дворе странный шум и выбежал поглядеть в чем дело. Трехногая лисица с пучком перьев в зубах гоняла по двору трех цесарок. Бедная Трипод, удача ей опять не улыбнулась. Увидев Питера, она сочла за лучшее прекратить охоту и задать стрекача. Именно это и называется — пригреть змею на груди! Постоянное уменьшение числа утят, птенцов павлинов и цесарок служило косвенным доказательством тому, что Трипод вертелась где-то рядом. Но стоит ли списывать все на нее? Есть же в округе, в конце концов, и другие лисицы! По крайней мере, она доказала, что и трехногие лисы могут выживать в дикой природе.

Теперь одиночество Гордону скрашивает лисица по кличке Эмбер. Она поступила к нам из Общества

покровительства животным в шестимесячном возрасте. Сколько ни пытались отучить ее от людей, она так и осталась ручной. Ну что с такой делать? Нужно искать ей новый дом! Зная, что у нас на правах домашнего любимца живет Гордон, ее предложили нам.

К сожалению, не все истории больных и покалеченных зверюшек имеют счастливый конец. Как-то нам позвонили из школы Святого Иоанна в Хайбридже — игравшие во время перемены детишки нашли под живой изгородью чрезвычайно истощенную лисицу и поняли, что она нуждается в помощи. Собрав все необходимое, мы с Мэнди немедленно выехали туда. Поймать лисицу оказалось не так-то просто — даже будучи сильно больной, она пыталась избежать нас. Тело ее уже было покрыто яйцами падальных мух, что само по себе служило признаком неминуемого скорого конца. Мы немедленно отвезли ее к ветеринару. Он оказался на месте. Накрыв ей голову, чтобы она меньше чувствовала страх, врач пытался успокоить ее ласковыми словами. Тщательно обследовав ее, он обнаружил огромную раковую опухоль в последней стадии.

Ничем помочь было нельзя. Доза лекарства — и ее исстрадавшееся тело наконец обрело покой.

— Горестный конец, — сказал врач. — Зато прожила долго, минимум десять лет. Взгляните-ка на ее зубы.

Из-за высокой смертности среди молодняка средняя продолжительность жизни лисицы составляет около двух лет. Но уж если преодолен трехлетний рубеж, то, может быть, проживет долго. Хочется верить, что жизнь, прожитая почтенной леди, была счастливой. Доктор облегчил ее конец — и на том спасибо.

Глава седьмая

Колючие проблемы, или Как ежи преподнесли мне сюрприз

Люди и ежи живут бок о бок уже многие тысячи лет, но за это время ежей так и не удалось приручить. Да и нужно ли? Как сказал один лектор, от добра добра не ищут. Случалось, люди преследовали ежей, а в старину даже ели, и все-таки этих созданий по-прежнему немало в лесах и полях. Если вам посчастливится встретить ежа, сразу поймете, сколь привлекателен этот зверь.

Дело было зимой, в первый год моей жизни на ферме. Я возилась на кухне, и вдруг до моих ушей донесся душераздирающий вопль, как мне показалось. Он был настолько сильный, что проигнорировать его

было невозможно, и я ринулась выяснять, что происходит. Солнце давно зашло, и единственным источником освещения был свет из окон. Тут ко мне подскочила Шина — должно быть, ей тоже не терпелось узнать, из-за чего вся эта кутерьма. Я стояла не шелохнувшись, ожидая, повторится ли звук. Шина смирно сидела рядом со мной и тоже прислушивалась, но потом, видно удивляясь, отчего я стою так долго, забежала в одну из пристроек. То ли она продрогла на холодном ветру, то ли нашла что-то более для себя интересное. Впрочем, и я поняла, что следовало бы накинуть куртку, прежде чем выбегать из теплого помещения. «Ну ничего, — думала я, трясаясь от холода, — еще пару минут постою и тоже пойду греться». Пары минут не потребовалось — менее чем через минуту вопль повторился с новой силой. Откуда? Да из пристройки! Неужели что-то стряслось с Шиной?

Я кинулась к двери, клича ее по имени. Она выскочила из старой сыроварни, и мы столкнулись нос к носу. На сей раз уши у нее были опущены, словно она в чем-то провинилась, а между ноздрями торчало несколько колючек. Так вот что произошло! Оказывается, она решила понюхать ежа! В доме я быстро вытащила колючки и сказала: «Если требуется еще какая-то помощь, подождешь!» Схватив фонарь (в сыроварне нет электричества), я отправилась посмотреть, что стряслось с ее противником. Это оказалось не так-то просто: за долгие годы бывшая сыроварня превратилась в захламленный чулан. Хотя согласно контракту, заключенному мною с Дерексом, сыроварня входила в сферу моих обязанностей, заняться ею все руки не доходили. С тех пор как здесь в последний раз варили сыр, прошло много лет, и сыроваренное оборудование, а также формы, в которых отливали сырные головы, лежали заброшенные. На верхний ярус, где некогда созревали сыры перед

отправкой на продажу, вела разохшаяся деревянная лестница, а под нею сваливались сапоги — и те, из которых дети давно выросли, и те, что еще носились, просто чтобы не путались под ногами. Последние, хотя и не чистились после дневной работы, выглядели парадными по сравнению со старыми, покрытыми паутиной и пылью. В самой комнате валялись инструменты, забытые игрушки и рыболовные снасти и еще столько всякого барахла, что обнаружить во всем этом ежа не представлялось возможным. Я боялась делать резкие движения — а вдруг зацеплю что-нибудь, вся эта канитель рухнет и покалечит животное! Стой! А кто у нас лучший охотник за ежами? Сейчас ее и позовем, пусть отыщет виновника событий!

Шина не замедлила откликнуться — она явно радовалась возможности продемонстрировать свои инстинкты охотничьей собаки, которых, как мы давно убедились, у нее никогда не было. Мы не раз давали ей задание — отыскать и принести какую-нибудь вещь. И она действительно отыскивала, довольная тем, как мы внимательно наблюдаем за нею; но, подхватив вещь, она от волнения бросала ее на полпути и сконфуженно возвращалась к нам ни с чем: мол, не смогла я, не смогла! Вот теперь настал ее звездный час. Вид ежихи, безнадежно запутавшейся в рыболовных снастях, навел на мысль о том, как легко дикому живому существу запутаться в тенетах человеческого существования. Присмотревшись поближе, я обнаружила, что ее задняя нога уже порядком запуталась в леске, въевшейся в кожу до самых мышц, — еще немного, и ей бы вообще оттяпало ногу. Я почувствовала себя виноватой — проследи я, чтобы снасти были сложены как следует, не стряслось бы беды.

Животное выдохлось и теперь лежало, свернувшись клубком. Работая ножницами и пинцетом, я срезала леску и аккуратно высвободила ногу. Затем побрызгала

ежиху средством от блох и положила в коробку, которую отнесла к печке в надежде, что тепло поможет ей оправиться от шока. Поставив ей еду и питье, я отошла на почтительное расстояние и с волнением стала наблюдать за своей новой подопечной. Похоже, она провела в западне не день и не два, но понадобился случай, чтобы пришло спасение. Увидев мою собаченцию, пленница испустила такой пронзительный вопль, на какой только способны ее сородичи; никто в жизни не поверил бы, что подобное существо может так кричать. К счастью, тепло прибавило ей бодрости, и она даже высунула мордочку из коробки. Заперев от греха подальше всех собак и кошек, я смотрела, как она с любопытством оглядывает незнакомую обстановку своими блестящими глазками и потягивает острым носиком воздух... Так и есть, она почуяла еду на блюде, стоящем неподалеку. Ее крохотные ушки подрагивали среди шерстки, обрамлявшей мордочку; в кухне было так тихо, что уютное посвистывание чайника было, верно, единственным звуком, долетавшим до них. Непривычное место конечно же настораживало ее, но запах еды так соблазнял, что она решилась и двинулась в направлении блюда. Волоча поврежденную ногу, она дотащила-таки свое истощенное тело до цели и, насытившись, вернулась в коробку спать. Это было все, чем я могла помочь ей в тот вечер, а завтра нужно было везти ее к ветеринару.

В настоящее время на Британских островах обитают всего три семейства животных, впадающих в зимнюю спячку. Кроме ежей, это летучие мыши и сони. За месяцы, предшествующие зиме, они запасают в своих телах жир; когда же наступают холода и с пищей становится туго, они устраивают себе теплое гнездышко и ставят будильник на весну. Зимняя спячка — физиологический процесс, направленный на

сбережение организмом энергии: температура тела падает, сравниваясь с температурой окружающей среды, резко уменьшается частота сокращений сердца и дыхания. Все это время организм живет за счет запасенного жира. Случается, животные просыпаются и зимой — если их что-то потревожит или начнется резкое потепление. А накануне как раз было такое потепление — полагаю, в результате гнездышко этой ежихи оказалось затоплено, вот она и пришла к нам, ища, где посуше. А вышло вон как — чуть не погибла. Спасибо собаке, что нашла! А сколько птиц и зверей погибает — не по злему умыслу человека, а просто по небрежности! Каждый из нас в тот или иной момент жизни бывает виноват в этом.

На следующее утро мы с радостью увидели, что ежиха (которую мы окрестили Лулу — это звукосочетание похоже на шум воды в унитазе, а она — на щетку, которой чистят сей предмет!) благополучно перенесла ночь. Мы тут же связались с ветеринаром, чья помощь теперь требовалась не только ежихе, но и псине, у которой на носу высыпала зловещая красная сыпь — во вчерашней суматохе мы так и позабыли оказать ей первую помощь! Ну, с собачьей проблемой доктор справился быстро, хотя в его практике нечасто встречались собаки, получившие инфекцию оттого, что решили покатать носом ежа. С ежихой дело оказалось посложнее. Поврежденную ногу вылечить было невозможно, и ее пришлось ампутировать. Правда, леска настолько глубоко врезалась в нее, что врачу делать было особенно нечего. Промыв рану, он сказал, что самое трудное позади и что даже с культей ежиха в состоянии жить нормальной жизнью. Нужно только поддержать ее еще немножко в доме — пусть окрепнет и наберется сил, а потом можно выпустить на волю. Он обратил внимание, что ежиха шмыгает носом, и,

снабдив меня антибиотиками, попросил показать пациентку через неделю.

Когда мы приехали домой, Лулу обрадовалась, что вернулась в знакомую коробку. Мальчишки очень привязались к ней и подолгу играли. Когда ее брали на руки, чтобы вычистить коробку, она уже не сворачивалась клубком и не щетинила колючки. За неделю она стала еще бодрее и здорово прибавила в весе, но вот беда — она по-прежнему шмыгала носом. Ветеринар, довольный тем, что в целом она в хорошей форме, предположил, что ее организм просто не реагировал на данный вид антибиотиков, и дал мне другой. «Если поможет, можете больше не привозить ее ко мне», — заявил он. (Кстати, нос Шины излечился совершенно, не осталось ни царапины!)

Несколько дней спустя мы заехали в Отдел дикой природы при Обществе покровительства животным повидаться с нашим другом Колином Сэддоном и спросить у него кое-что насчет ежихи. Друзья из Общества вообще немало помогали нам, и во многих случаях их советы были бесценны. «Подите-ка посмотрите на моих ежеиков-рыжиков!» — сказал он и повел нас к загону. Там в углу возлежала мама-ежиха, а около нее копошились четверо-пятеро крохотных ежат необычного имбирного цвета. «Ну что, — спросил он, — часто ли доводится видеть ежей такой окраски?» Я обратила внимание, что эти ежи тоже шмыгают носом. «А вы что, не знали? — удивился Колин, — Они всегда так». — «Вот это да! — рассмеялась я, — А наш-то эскулап две недели пичкал бедняжку антибиотиками. Хорош специалист, нечего сказать!»

Мы высказали нашему айболиту все, что думаем по этому вопросу. Больше он ежей от «насморка» не лечил. Есть такие виды диких животных, с которыми ветеринарам редко приходится иметь дело, могут чего-то и не знать об их поведении. Ну а если судьба послала

вам врача, который настойчиво и целенаправленно изучает тайны дикой природы (а сейчас наших питомцев пользуют только такие энтузиасты), считайте, что вам крупно повезло, такие на вес золота! Ветеринары, работающие с нашими питомцами, делают все возможное, чтобы проникнуться их жизнью и чтобы после выздоровления они смогли вернуться обратно в дикую природу.

Лулу пробыла у нас всю весну. Мы каждый вечер выпускали ее побегать по кухне, и представьте, она ступала култей как здоровой ногой, — если не знать, что ступню ей отняли, со стороны и не заметишь. Нам нередко приходилось слышать от друзей забавные истории о том, в каких необычных местах они находили ежей. Присмотритесь хотя бы к нашей Лулу, какая она мастерица лазить, и поймете, что это правда. Но вот беда: немало ежей гибнет в водоемах с бетонированными стенками в специально оборудованных водопоях. Плавают-то ежи хорошо, но, выбираясь на землю, они должны опереться и задними лапками обо что-то твердое. Стоит поместить в водоем доску — одним концом на дно, другим на берег, и сколько ежей останется жить! С этой же целью сооружать искусственные водоемы нужно не с отвесными стенками, а с наклонными.

...Когда наступила весна, мы пересадили Лулу в клетку с открытой дверцей и поставили ее у живой изгороди. Думали, проживет недели две, обвыкнется, присмотрится к окружающей обстановке и убежит. В действительности же она смылась через неделю, хотя мы продолжали класть для нее пищу в одно и то же место: очевидно, нашла себе более привлекательное жилище... Однажды в конце лета возвращаемся с ночной прогулки на машине, въезжаем в ворота — и видим: через двор трусит ежиха, а за нею семят пять

крохотных подушечек с иголками... Была ли то Лулу? Хотелось бы верить.

Как я уже говорила, ежи нередко суют свой нос куда не следует, а это порой приводит к грустному финалу. В частности, мы несколько раз извлекали перепачканных маслом ежей из ям для ремонта машин, а однажды вытащили здорового ежину из бочки с тракторным маслом — это было самое липкое на свете создание, с которым мне когда-либо приходилось иметь дело. Дальнейшее его самочувствие зависело от того, сколько он проглотил масла: если не слишком много, то выручит хорошая порция коагулянта; ну а если он вообразил себя трактором и принял соответствующую дозу — тогда какую. Хуже всего то, что заставить его выпить спасительную жидкость оказалось не так-то просто — в жизни не видела более упрямого зверя! (Зато не составило труда подобрать ему имя — конечно

же Эссо, в честь фирмы — производителя горючего и масел!) Для того чтобы приступить к ликвидации последствий купания в масле, необходимо было сначала развернуть его, но похоже, он собирался побить ежачий рекорд по пребыванию свернутым в клубок. Сперва мы легонько покачали его, как младенца, — от этого ежи обычно разворачиваются. Нет, ни в какую! Тогда решили устроить ему теплую ванну. Взяли корыто, положили туда ежа, и я полила его теплой мыльной водой. Из липкой массы на секунду выглянул кончик носа, но решив, что я ему неинтересна, еж свернулся снова. Я подлила еще воды, теперь он уже высунул голову — очевидно, понял, что лучше развернуться, чем утонуть. Воспользовавшись моментом, Мэнди взяла шприц и мгновенно впрыснула ему в рот нужную дозу коагулянта. Но это было только полпобеды.

Очистить колючки кисточкой тоже потребовало немало времени. За две недели мы пять раз устраивали ему баню, чередуя мыло с жидкостью для мытья посуды.

Пускалась в ход даже наждачная бумага. Как он ненавидел мыться, если бы вы знали! Только начнешь поливать его водой, как он тут же развернется, да так и норовит улизнуть. По-видимому, теперь он не сунется в воду до конца своих дней.

Пребывая у нас, он жрал как волк и совершенно разорил наше семейство, зато когда настало время возвращать его владельцу злополучной бочки (на чьих землях он обитал), у него была шикарная чистая шубка и такая холеная морда, которой позавидовал бы любой хозяйский пес. Нужно ли говорить, что отныне этот фермер держал все бочки с маслами и горючим надежно закрытыми, но все равно мы взяли с него слово быть поаккуратнее.

Через наши руки проходили ежи всех возрастов, начиная с самых крохотных, которым было всего несколько дней от роду. Только что родившиеся ежата — розового цвета, слепые, а колючки у них спрятаны под кожей (иначе ежихе просто не выносить их и не родить на свет!). Колючки пробиваются очень быстро, но поначалу они еще мягкие и белые. Впрочем, детеныши пока не нуждаются в них: они ведь обычно рождаются в надежно спрятанном гнезде. Поначалу колючки очень редки, сквозь них даже видна кожа; вскоре отрастают настоящие серые колючки, у взрослого ежа их около пяти тысяч (интересно, у кого хватило терпения их сосчитать?!).

Колючки у ежа постоянно выпадают и отрастают, как волосы на голове, так что лысеющего ежа днем с огнем не сыщешь. На третьей неделе жизни у ежат открываются глаза, а к исходу четвертой они перестают питаться материнским молоком и учатся искать себе

пищу под строгим присмотром мамыши. Когда ежам исполняется шесть-семь недель, семья распадается, и ежи начинают вести характерный для них (исключая, конечно, брачный период) одинокий образ жизни.

Как правило, ежата появляются на свет в конце мая, и, естественно, в эту пору нам приносят осиротевших по разным причинам детенышей. То строители наткнулись на гнездо, когда копали траншею, то убрали мусорную кучу, а под ней оказалась ежиная семья... Но гораздо больше ежат-сирот появляется осенью, и человек тут ни при чем. Когда у ежихи поздно рождается потомство, она уходит из гнезда, понимая, что ежата все равно не успеют набрать к зиме достаточный вес. Изголодавшиеся ежата разбредаются в поисках пищи, и их жалобные крики вскоре привлекают внимание. Иногда и зимой видишь молодых ежей, отыскивающих пищу, — это те, кто не накопил достаточно жира для зимней спячки, и если им не помочь, они обречены. Чтобы пережить зиму, ежу нужно достичь не менее одного фунта веса.

В августе, когда на ферме особенно много посетителей, у нас появились три новорожденных, с еще закрытыми глазами, ежонка. Одна дама, выгребая в саду мусор, заметила, что насыпанная на тачку куча зашевелилась. Дама онемела от ужаса: неужели гадюка! Но вот покатались камушки и веточки, и показались три колючих комочка. «Хорошо хоть не змея», — подумала дама, достала старую коробку из-под ботинок, постелила чистое полотенце и положила туда ежат. А что с ними дальше делать? Ответ известен: есть такая ферма Нью-Роуд. Звонок — и мы уже в пути. Вообще-то иногда бывает так: если найденных ежат вместе с гнездом положить неподалеку оттого места, где их обнаружили, то мамаша вернется и уведет потомство в безопасное место, но в этом случае они слишком долго пробыли в

руках человека, и к тому же привычный для ежихи уголок оказался разрушенным. Но даже если бы ежиха и захотела вернуться, детенышам было бы трудно сохранить, достаточно высокую температуру тела в ожидании ее.

И снова для меня начались привычные заботы: выкармливание и выхаживание. Это волынка — на три месяца, и ускорить процесс никак нельзя. А главное, таким крохам перед каждым кормлением нужно поглаживать животики, чтобы освободить их кишечники и мочевые пузыри. Кроме того, я обычно присыпаю кожу детской присыпкой, чтобы она не трескалась. Один посетитель, наблюдавший меня за этим занятием, даже пошутил: в дикой-то природе некому гладить им животики, а детской присыпки там не сыщешь тем более! «Все так, — ответила я, — но в дикой природе детенышей вылизывает мамаша. Прошу прощения, я так далеко пойти не готова!»

Не успела я приглядеться к трем найденным, как в десять вечера нам позвонили и сообщили, что осиротел выводок ежей. Семья — ежиха с пятью ежатами — жила в гараже, владелец которого постоянно наблюдал за детенышами. Каждую ночь ежиха-мать выходила на поиски пищи, а наутро неизменно возвращалась к своим крошкам. Но нынче утром этого не случилось. Хозяин гаража приходил несколько раз в течение дня, но ежихи все не было. Не исключено, что она попала под машину. Теперь детеныши вопят от голода, можем ли мы их забрать? Так у нас появилось еще пять ежачьих душ, и, когда вечернее кормление было закончено, рядом с первой коробкой встала еще одна. Восемь ежат уютно свернулись под одеялами, согреваемые лучами инфракрасной лампы. Чтобы им не заболеть, требуется температура минимум 25 °С. За следующие полсутки ежата успели привыкнуть к моему запаху, и едва я начинала кормить первого, как из обеих коробок

раздавался хор в семь нетерпеливых голосов — детеныши не могли понять, почему я не могу накормить всех сразу, как это делала ежиха, и каждый должен дожидаться своей очереди. Боюсь, ребята, по-другому не выйдет, так что наберитесь терпения!

Детеныши только-только начинали приобретать серую окраску и новый колючий убор; при этом мордочки у них оставались сильно сморщенными, так что своим видом они напоминали миниатюрных столетних старцев, которые зачем-то нарядились для тусовки панк-рокеров. Я клала каждого по очереди на ладошку и поворачивала пузом кверху, поместив свой большой палец между передних лапок; тогда они принимались сучить ножками — как делают, когда сосут мать, чтобы у той прибывало молока. Иногда, если положишь ежонка на что-нибудь пахнущее не тем, к чему он привык, он откидывает головку назад и выплевывает себе на спину своеобразную пенистую слюну. Это — одна из привычек ежа, и никто еще не предложил разумного объяснения, зачем он это делает. Конечно, у того, кто увидит, как еж изгибает тело, чтобы оплевать себе спину, глаза на лоб полезут от удивления.

Понятное дело, здорово вымотаешься, пока накормишь восемь таких малюток, поэтому у меня гора с плеч свалилась, когда на следующее утро мне позвонили и сообщили, что ежиха вернулась. Я попросила привезти ее к нам, а мы постараемся свести ее с малышами. Итак, нам предстояло решить две проблемы. Во-первых, существовала опасность отторжения — то ли мать отвергнет детенышей, которые успели пропахнуть мною, то ли детеныши отвергнут мать: они ведь успели привыкнуть, что я их кормлю. Во-вторых, проблема питания. Они ведь после материнского молока перешли на суррогатное питание, смогут ли они вернуться к материнскому? Вот наконец

привезли мамашу... Кто бы мог подумать, что ежи бывают такими сердитыми! Она шипела и фыркала, недвусмысленно давая понять, что протестует против всего, что с ней сделали. Впрочем, ее можно было понять: полтора дня ее где-то черти носили (а может, попала в какую-нибудь ловушку и долго не могла выбраться), возвращается в родимое гнездо и видит, что детенышей нет, а там ее схватили, впихнули в тесную коробку, погрузили в одно из тех железных чудовищ, которые уносят жизни стольких ее сородичей, — еще бы не возмущаться!

Мы положили ее в ящик со свежим сеном и обрывками газет, а затем, видя, что она успокоилась, решили подсадить к ней детенышей. И что же? Исполненная презрения, мамаша тут же стала выдергивать из-под своих детенышей сено, навалила его на блюдце с едой (а как иначе) и в конце концов сделала новое гнездо только для себя, оставив ежат копошиться на обрывках газет. Памятуя о том, что если обстоятельства и вынуждают вмешиваться в дела природы, то ни в коем случае нельзя действовать впопыхах, я решила не уносить детенышей от отвергавшей их мамы, а отойти в сторону и понаблюдать, что будет дальше. Каждый ежонок по очереди преодолел — о, какой, должно быть, безмерно долгий! — путь к куче сена, чтобы вернуть благосклонность мамы, которую все они, очевидно, узнали. Когда я следила за всем происходящим, у меня руки чесались помочь — но нет, нельзя! Падая и спотыкаясь, все они в конце концов доползли до ежихи и сунули носы под ее колючую шубу. В ответ — никаких восторгов, распростертых объятий, лишь едва заметное движение тела, позволяющее каждому детенышу занять свое место. Я отошла в сторону — пусть все идет своим чередом. Когда я взглянула на них по прошествии какого-то времени, то увидела фыркающую

от удовольствия счастливую семью. По наблюдениям за физиологическими отправлениями в течение нескольких дней я поняла, что с ежами все нормально, можно переводить их в открытый загон. Там они прожили два месяца, после чего мы отвезли их на исконно принадлежавшую семейству территорию.

Когда моя ежиная семья снова уменьшилась до трех персон, мне стало куда легче. Пока они подрастали, мы подыскивали место, где их выпустить. От наших глаз не ускользнуло, что два работавших с нами паренька, Клайнтон и Ли, старались по возможности избегать кормлений ежей и чистки их загона. То ли они на дух не переносили ежиного запаха (ведь ежи — не самые чистоплотные животные, в этом неизменно убеждался каждый, кто держал ежа), то ли их тошнило, когда приходилось крошить дохлых цыплят, которых мы иногда прибавляли к ежиному рациону. Удивленная поведением мальчиков, я не удержалась от вопроса:

— Ребята, милые, что вам, в конце концов, не по душе?

— Ну как что? — ответили brave парни. — Они плюются, фыркают... Мы их боимся.

Ничего себе! Вот так храбрые портняжки! Какого же зла можно, с их точки зрения, ожидать от матерого хищника, который едва достигает тебе щиколотки, я выяснять не стала. Над парнишками смеялась вся ферма, и когда колючие тройняшки были наконец отпущены на волю, «храбрецы» вздохнули с облегчением: исчез повод для насмешек.

У себя на ферме мы не выпускаем ежей — из-за соседства с барсуками. К нам нередко обращаются люди, желающие приютить колючего друга. Прежде чем вручить им питомца, мы обязательно проверяли, сможет ли еж найти себе достаточно пищи у них в саду. Питаются ежи в основном жуками, гусеницами и земляными червями, едят также улиток, слизняков и всяких насекомых, так что еж — воистину друг садовода. При наличии колючего сторожа, возможно, вовсе не понадобятся химикаты — в отличие от последних, он уж точно не причинит вреда млекопитающим и птицам, посещающим этот сад. Все, что требуется ежу, — достаточно места, где он может устроить гнездо, и чтобы его оставили в покое. Тем не менее у ежа всегда должна оставаться возможность убежать из сада, хотя всегда есть надежда, что он вернется или по крайней мере будет его навещать. Хозяину сада, где обосновался еж, не следует усердствовать в работе метлой и граблями, ведь мертвые листья — отличный материал для гнезда. Желая поселить у себя в саду ежа, огорожите подходящей участок и поставьте туда коробку, где он живет. Пусть недели две присматривается да осваивается. Потом уберите загородку и дайте ежу полную свободу, но по-прежнему кладите ему еду на

привычное место, пока не убедитесь, что он способен прокормиться сам. Остается надеяться, что он проживет у вас в саду всю оставшуюся жизнь. Правда, ежачий-то век недолог, в среднем всего два года, но многие ежи живут и четыре, и пять лет; известны случаи, когда доживали и до десяти.

Способ самозащиты — сворачивание в клубок, — по-видимому, срабатывает во многих случаях. Казалось бы, какая польза, если свернешься в клубок на автотрассе перед несущейся машиной? Оказывается, так больше шансов не попасть под колесо. Хищников этот прием тоже редко отпугивает, и даже громада человек, который так и норовит взять в руки попавшуюся ему на пути зверюшку, и тот не решится дотронуться до колючего клубка. Рассказывают, что лисы мочатся на ежей, чтобы заставить их развернуться, — сама не видела, за что купила, зато и продаю. А вот барсуку не нужно прибегать к столь специфическому приему — у него столь мощные и длинные когти, что он развернет любого ежа и скушает за милую душу, оставив неповрежденной колючую шкурку; эти инкриминирующие «вещественные доказательства» иногда можно встретить на лесных дорожках. Не один любитель барсуков изменил свое отношение к этим животным, увидев, что от некогда поселившегося в его саду колючего приятеля осталась только шкурка. Кого винить, как не забредшего в сад барсука! Спешу добавить, что ежи не входят в основной рацион барсуков, становясь их добычей главным образом по воле случая.

Люди, к которым в сад приходят ежи, часто спрашивают, не вредно ли оставлять для них молоко и хлеб. Конечно, если их рацион будет состоять только из этих продуктов, то почти наверняка им не поздоровится: представляю, сколько холестерина накопится у них в организме. Но в конце концов, в

дикой природе столько всякой вкуснятины, что кусок хлеба и блюдце молока им не повредят. Впрочем, мы выпаивали наших питомцев не коровьим молоком, а козьим: состав жиров, содержащихся в коровьем молоке, мог вызвать у них расстройство желудка.

Когда показываешь людям тех или иных животных, обычно следует вопрос: «Они кусаются?» Про ежей я всегда говорила, что нет. Но вот как-то к нам пришла группа очень пытливых школьников; я давала урок в Гостевом центре, демонстрируя различных животных, обитающих у нас на ферме. В тот момент у нас гостил только один молодой еж — я тоже решила показать его детям, потому что очень немногие из них видели живого ежа. Я проносила коробку со зверьком между рядами стульев, чтобы каждый мог рассмотреть его поближе; тут одна девочка решила подразнить его своим тоненьким розовым пальчиком... и раздался дикий крик: очевидно, ежик решил, что этот пальчик — какой-нибудь вкусный червяк, который вот-вот улизнет, если его сейчас же не схватить. Сконфуженно извиняясь, я повела девочку в контору, где у нас стояла аптечка; хотя ежик только чуть-чуть цапнул, кровь струилась сильно. Перевязав девочке палец, я сказала:

— Можешь гордиться, что тебя укусил еж! Я никого больше не знаю, кого бы он кусал.

Не было похоже, чтобы это произвело на девочку впечатление.

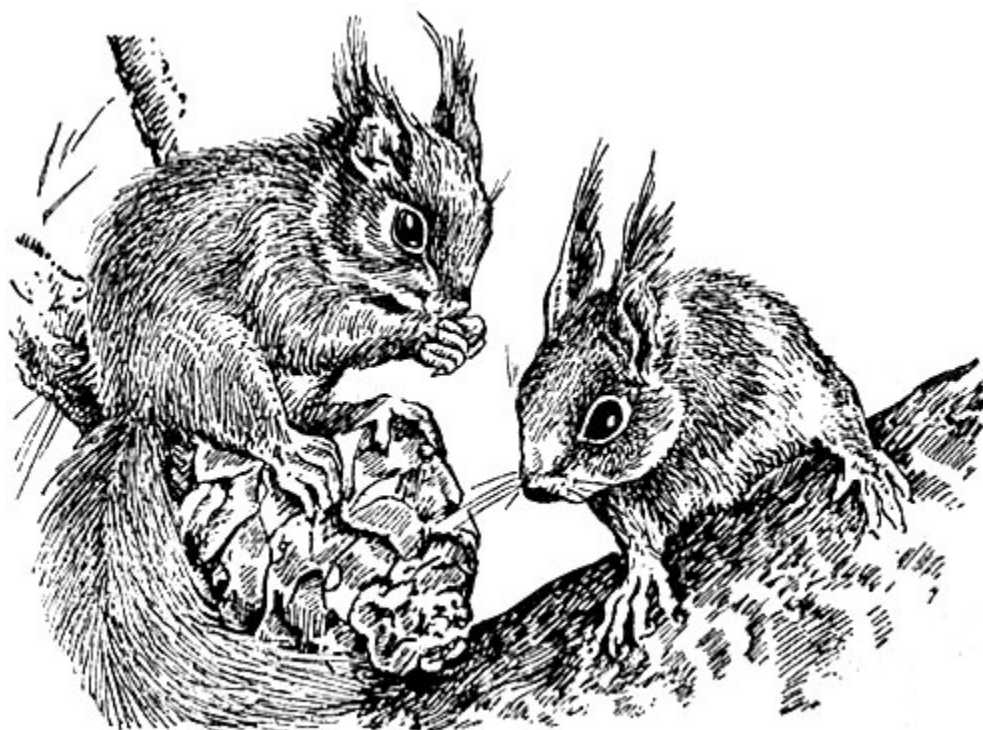
Я всегда ломала голову, как сказать: еж бывает колючим только от жизни... ежучей? Что-то нескладно... Зато теперь на вопрос, кусается ли еж, отвечаю смело: еж бывает кусачим только от жизни... ежачей!

Глава восьмая

«Мама, на кого ты меня покинула?»

(Сиротские истории)

Как-то раз, когда я только собиралась мыть посуду после чая, кто-то постучал в заднюю дверь. Удивляясь, кто бы это мог быть, я оставила посуду на скатерти и побежала открывать. Прикрикнув на собак, поднявших лай, я захлопнула за собой дверь, чтобы они не выскочили. На пороге стояли мальчик и девочка, оба — лет семи-восьми; в руках у детей была картонная коробка. За порогом валялись их велосипеды, у которых еще крутились колеса после бешеной гонки. Дрожащим голосом девочка рассказала, что ее любимая кошечка

поймала мышку, и хотя им удалось ее отнять, было ясно, что зверек покалечен. «Можете ли вы чем-нибудь помочь?» — сквозь слезы спрашивала девочка. Усадив детей на скамейку в саду, я взяла у них коробку: там лежало завернутое в клочок ваты крохотное тельце мышки. Я могла бы ей помочь, если бы умела воскрешать из мертвых, но, увы, таким даром Бог меня не наградил. Вынув мышку из коробки, я объяснила: даже если бы ее не покалечили кошачьи когти и зубы, она все равно не вынесла бы шока. Незачем винить кошку: она ведет себя так, как ей предписано законами природы. Я спросила гостей, откуда они, — ведь мы живем не менее чем в миле от ближайшей деревни. Оказалось, они из Ист-Хантспилла и слышали о том, что мы спасаем зверюшек. Тут я вспомнила — я же видела этих детей, когда мы ездили в Ист-Хантспилл! Теперь контакты с сельскими жителями у нас очень редки: мои-то дети уже почти выросли, начальная школа давно отошли и прошлое! Увидев, что лица у моих юных гостей немного посветлели, я похвалила их за отзывчивое сердце — побеспокоились ведь о несчастном существе, покатали ко мне в такую даль на велосипедах! На прощание мне хотелось сделать детям что-нибудь приятное, но так как наша лавка еще была закрыта, я просто достала из буфета два шоколадных батончика и торжественно вручила своим новым знакомым. Пообещав похоронить мышку со всеми почестями, я помахала детям рукой, и они укатили, по-видимому смирившись с горечью утраты. С полотенцем в руке (я его так и не выпускала из рук с того момента, как бросилась открывать дверь) я упокоила мышку и саду и отправилась мыть посуду.

На следующий день, чуть ли не в ту же минуту, что и вчера, я снова услышала стук в заднюю дверь. Передо мной стояли все те же двое детишек и снова с коробкой в руках. «Опять кошка набедокурила», — сказали они.

На сей раз в коробке был свежезадушенный воробушек. «Бедные дети, прямо не везет им», — подумала я, однако в душу стали закрадываться сомнения... Утешив их, я вручила им еще по шоколадке, и они тут же укатили прочь, помахав на прощание. Воробушек был погребен рядом с мышкой.

Назавтра я уже ждала знакомого стука в дверь. И точно: нее те же два ангелочка протягивают мне коробку, а в ней — очереднуюдохлуюмышь. Вот это бизнес! Умно придумано — не успели осушить слезы после первой трагедии, а уже сообразили, что можно тянуть конфетки с сердобольной тетки! Только подбирай возле школыдохлыхворобьеви мышей и привози сюда! Последний экземпляр протянул лапки явно не сегодня — очевидно, возле школы ничего посвежее не нашлось. Я растолковала им, что они переоценивают мои возможности — я ничего не могу сделать, еслимышьуже давно... тю-тю! Ангелочки сели на велосипеды и упорхнули — на этот раз ни с чем. Только я их и видела. С тех пор они больше не появлялись — то ли поняли, что их раскусили, то ли больше не находилосьдохлыхживотных.

Как-то летом мне принесли банку из-под маринованных огурчиков, полную... живых мышей. Оказывается, их гнездо обнаружили при уборке сарая. Мыши принадлежали, судя по всему, к разным семьям, потому что детеныши разнились от полупрозрачных розовых и совсем слепых до более старших, у которых уже начала пробиваться серая шубка. Всего их насчиталось двадцать семь! Как же накормить таких крошек?! Выяснилось, что ничего лучше, чем кисти для живописи номер ноль, не придумаешь. Обмакиваешь в козье молоко и даешь. Последнее кормление я закончила в полночь. Следующее — не ранее семи утра. И все-таки они до утра дотянули. Понятно еще, с лисятами и ежатами, скажете вы, но с мышатами-то

зачем возиться? Ну, а кто скажет, чья жизнь важнее для Матери Природы? Хотя мыши — низшее звено в цепи питания, у них у всех своя роль. Самое прелестное в этих крохотных созданиях то, что через две недели они вырастают, и руки у тебя развязываются.

Поскольку мне приходилось иметь дело со все более разнообразными животными, я решила углубить свои познания о дикой природе вообще. Вступив в сомерсетскую Группу по защите барсуков, я познакомилась с бывшим мясником, а ныне страстным энтузиастом дикой природы Дагом Вудсом и его супругой Олив. Даг проявлял интерес к диким животным, в частности к млекопитающим, еще с мальчишеских лет, и теперь он — живой кладезь знаний в этой области. Впрочем, и Олив может с ним поспорить — ей нравится подсказывать мужу, когда во время лекции он запомнит какое-либо название или статистические данные. Любовь к родным полям и лесам перешла к их сыну Майклу, ставшему первоклассным специалистом по дикой природе и хорошим писателем. Отправиться с Дагом на утреннюю прогулку или составить ему компанию при наблюдении за барсуками — в этом было нечто захватывающее.

На первую такую прогулку я взяла Симона и Мэнди. Договорившись о встрече с Дагом в пять утра, я поставила будильник на четверть пятого. Дерек решил, что мы окончательно сошли с ума, — и представьте, когда в положенное время заверещал будильник, я сама готова была в это поверить. Хотя на календаре июнь месяц, на дворе еще совсем темно. Выскользнув из постели, я тихо, чтобы не потревожить Дерек, позвала остальных — и вот мы катим по пустынной дороге в направлении Мендип-Хиллз. Достигнув кромки леса, я припарковала машину и выключила фары. На горизонте занимался алый свет зари, но кроме нас, на месте никого пока не было. Я уже начала волноваться,

не перепутала ли я день или час встречи, но тут подкатила машина Дага. Мы вышли; в столь ранний час еще веяло прохладой, и я была рада, что взяла теплую куртку. Горизонт постепенно светлел, и едва мы «уступили в поход, как словно по заказу над нами пронесся крупный самец темно-желтой совы. Он сел на раскидистое дерево возле коттеджа, стоявшего у кромки леса, и принялся икать свою подругу, которая, как мы ясно видели, восседала на дереве напротив. Никакого движения по трассе не было слышно — только мягкое совиное гуканье, эхом отзывавшееся и кустах, покрытых свежей утренней росой. Мы вошли в калитку, и тут же до нас донесся острый запах дикого чеснока. Удивленные нашим визитом совы — сначала первая, затем вторая — снялись и улетели, возможно туда, где они обычно днюют» переваривая ночную добычу и наблюдая за такими же, как мы, зеваками, которые днем посещают их лес. Солнце взошло из-за горизонта, и зазвучал утренний хор. Даг безошибочно узнавал птиц по голосам и показывал нам, где какая поет. Мы заслушались их пением, которым они, славя утреннюю зарю, в то же время напоминают, кто хозяин на данной территории.

Ведя нас далее по тропинке, Даг показал тянувшийся по ней след из сухих листьев и травы — верный признак того, по здесь славно потрудился барсук. Собирая кучу сухих листьев и травы, барсук тащит ее к себе в нору — будет ему отличная постель. Он повторяет этот процесс вновь и вновь, особенно если вокруг полно всяческого материала, пригодного для сооружения постели, и естественно, после каждой носки на дорожке остаются листья и трава. Идя по следу, мы вскоре вышли к барсучьей норе с типичным входом в виде латинской буквы «D»; снаружи высилась громадная куча вырытой при строительстве земли. Утренние лучи понемногу согревали воздух, но подойди к барсучьей норе зимой —

и увидишь в холодном воздухе облачко от его дыхания, а если прислушаешься, может быть, услышишь и храп. В наши планы не входило тревожить барсука, и мы продолжили путь.

Громкие крики грачей, круживших над нашими головами, почти заглушили стук дятла, поглощенного работой. Тут мы увидели в расходящихся ветвях странную кучу листьев — оттуда вылезла серая белка и что-то крикнула на своем беличьем языке. Должно быть, решила сделать нам выговор за вторжение. Ее гнездо, расположенное высоко на дереве, снизу выглядит как куча сухих листьев, однако на самом деле оно требует настоящего искусства плетения: гнездо строится, пока листья еще зеленые, а ветки гибкие. Даг снова сделал знак остановиться. Тут нам в нос ударил резкий запах, свидетельствующий о том, что здесь только что прошла лисица; тянувшиеся вдоль грязной лужи следы подтвердили нашу догадку. Теперь солнечные лучи уже потоком лились сквозь гущу листвы, и куртку можно было снять. Хотя час был ранний, день обещал быть чудесным; отдаленное гудение доильных аппаратов говорило о том, что не мы одни встали в это утро спозаранку. Выйдя на лужайку, мы увидели характерные катышки помета и следы на земле — это были кролики. А вот и сами зверьки — раздосадованные, что мы потревожили их за завтраком, они целыми стаями ныряли в подлесок, виляя своим сородичам белыми хвостиками в знак предупреждения.

Даг подвел нас к кустам и показал объединенные ветки, словно кто-то неровно оттяпал у куста край. Это следы трапезы оленей. У этих животных нет верхних зубов — они просто хватают ветку ртом и обрывают ее конец. Приглядишься к кустам и увидишь характерную «прическу» — олени «подстригают» нижние побеги, словно садовники. Вот и получается эффект фигурной стрижки.

Дорожка, по которой повел нас Даг, шла кругом, так что скоро мы вновь оказались у того места, где припарковали свои машины. Пожалуй, даже слишком скоро. Когда мы пересекали последний участок поля, Даг взволнованно показал нам птицу, пролетающую над холмами. По ее порхающему полету мы определили, что это кукушка. Кукушки прилетают к нам в апреле, а куковать начинают только летом. В июне они подбирают подходящие гнезда, чтобы отложить туда яйца, а в июле улетают обратно в Африку. Молодые кукушата, вскормленные приемными родителями, отправляются в Африку вслед за родителями кровными. Но это произойдет позже. А пока юной кукушке нужно как следует откормиться — она поедает в огромном количестве мохнатых гусениц. Все другие птицы брезгуют ими — волосы раздражающе действуют на пищеварительную систему, — а кукушки клюют. Они просто отрывают волосы в виде шариков, как совы отрывают шкурки и кости съеденных ими существ. Будучи готовыми к дальнему перелету, молодые кукушки устремляются в путь самостоятельно, без взрослых вожаков, повинаясь одному лишь инстинкту. Что интересно: кукушки откладывают яйца в гнезда той птицы, которая их вскормила, и так же будут поступать ее потомки. Так, кукушка, выпестованная черным дроздом, отложит свое голубое яйцо только в гнездо черного дрозда, которое еще надо отыскать, а кукушка — падчерица малиновки — в гнездо малиновки, и так без конца.

Поблагодарив Дага, мы откланялись и покатали домой, а поскольку у нас с четырех утра маковой росинки во рту не было, то мы с одинаковым наслаждением уписывали аппетитный завтрак и обсуждали впечатления сегодняшнего утра.

Знаю, Даг не меньше подвержен очарованию таких прогулок. Еще бы, ведь из этого рождается его

искусство завораживать людей на лекциях. Слушать его никогда не устаешь. Иной раз даже заливаешься краской от стыда: столько замечательного проходит мимо тебя, а ты даже не подозреваешь, что это существует! Да, к сожалению, обыденность ослепляет.

Мы с Дагом много раз ходили вместе наблюдать за барсуками. Нужно надеть темную одежду, которая к тому же не шуршит, прийти к месту наблюдения примерно за полчаса до того, как из норы должны показаться барсуки, и затаиться в укрытии в ожидании их появления. У Дага есть на примете несколько барсучьих жилищ, где удобнее всего наблюдать за их обитателями. Прежде чем засесть в укрытии, он кладет у выхода из нор еду, чтобы побудить барсуков показаться на глаза. Когда они выйдут, сиди на месте как вкопанный, пока они не отправятся кормиться дальше, в поля. Когда я в первый раз отправилась с Дагом, то увидела целых одиннадцать барсуков. Картина была магической — глядя, как они играют и прихорашиваются, я будто сама принимала участие в их игре! Во втором часу наших наблюдений мимо прошествовала косуля — зрелище, которое стоит того, чтобы ради него немного потерпеть.

В конце концов, Дерек тоже заинтриговали наши походы к барсучьим норам. Казалось бы, у меня их живет целых три, смотри сколько хочешь. Но если меня так тянет наблюдать за ними в привычной среде, значит, это действительно нечто из ряда вон выходящее! Однажды вечером он решил сходить с нами. Он договорился еще с шестью желающими о встрече, но двое из них, как на грех, запаздывали. Это осложняло дело: надо же быть на месте до того, как барсуки вылезут из норы. В конце концов, семеро одного (и даже двоих) не ждут, и Даг решил двинуться в путь: до барсучьей норы было топать и топать. Я предложила: мы с Дерекком подождем еще несколько

минут — вдруг опоздавшие явятся, а потом догоним. Как оказалось, я переоценила энтузиазм Дерек относительно наблюдения за барсуками, и, пока мы ждали, мне пришлось пустить в ход все свои женские уловки, даже предложить после похода к барсучьей норе съездить в какой-нибудь ресторанчик поужинать. «Хорошая мысль», — сказал Дерек. К счастью, опоздавшие вскоре появились. Это была молодая пара, причем леди — очень даже привлекательная. Ноги в руки — и пошли догонять.

Сперва шли по тропинке, затем перелезли ограду из колючей проволоки и, взобравшись на заросшую лесом скалу (это и в сухое время непросто, а уж после дождя и подавно — того и гляди соскользнешь, тем более когда спешишь!), ока-а запись почти у цели. Приблизившись к месту дислокации, мы — увидели, что Даг и четверо других уже заняли позиции. Даг подал мне сигнал, что некоторые барсуки уже вышли, о чем я известила своих спутников. Парочка решила взобраться на одно из ближайших деревьев, за ними последовал и Дерек (не потому ли, что решил быть поближе к привлекательной леди?). Я же присоединилась к другой группе. К сожалению, не обошлось без шума, так что барсуки, которые уже вылезли, предпочли снова скрыться в норе. Все смолкли. Наконец через двадцать минут показалась одна полосатая морда, за ней вторая, а потом и третья. Все замерли, потрясенные; но Дерек, который просидел на дереве уже добрых полчаса, наверняка подумывал: долго все это будет продолжаться? Барсуки с фырканием носились по лужайке, подбирая разбросанные для них земляные орешки и кусочки бекона; радуясь тому, что выбрались на свет Божий, они гонялись друг за другом, а наигравшись всласть, стали прихорашиваться, пользуясь длинными когтями вместо гребней, а зубами — вместо ножниц. Наконец совсем стемнело, и барсуков

уже не было видно, но я слышала (или это мне только казалось?), как с дерева доносится голос самого близкого мне человека: «Хватит с меня... хватит с меня!» Даг, решив, что барсуки ушли, дал нам знак покинуть свои позиции. Послышались три глухих удара о землю — это спрыгнули те, кто был на дереве. Теперь нужно было без шума добраться до машин. Фонарей ни у кого не было: кто же думал, что досидим до темноты?! К тому же в составе группы были люди далеко не юного возраста и не атлетического сложения, и Даг предложил взяться за руки и двинуться цепочкой. Шествие замкнули Дерек, Даг и ваша покорная слуга.

Тут я съязвила — Даг все это нарочно подстроил, чтобы в темноте касаться моей руки. В ответ Даг скромно заметил: просто он доверяет мне больше других. В таких потемках трудно найти путь вниз по

крутой скале, может быть, я лучше запомнила дорогу? Короче, нам пришлось порядком поблуждать впотьмах. Наконец показались огни местной каменоломни, по которым мы благополучно нашли дорогу к машинам. Нужно ли говорить, что Дерек теперь калачом не заманишь на подобную вылазку. Вдобавок все окрестные ресторанчики оказались уже закрыты, и запланированного роскошного ужина не получилось. Хорошо, что Бог послал мне такого понимающего супруга.

...Лет двенадцать назад Даг сообразил, что ему ни разу в жизни не посчастливилось увидеть... обыкновенную соню. Зная, что им для жизни требуются ежевика, орешник и жимолость, а близ Мендип-Хиллз, где он жил, все это есть, он решил самостоятельно провести исследовательскую работу. Сначала он засел за изучение таблиц питания сонь и стал разыскивать характерный помет, но это ничего не дало. Тогда он разместил в окрестных лесах полтора десятка коробок, в которых сони могли устроить себе гнезда. И представьте, в самом скором времени гнездо сонь появилось в каждой четвертой! В течение целого ряда лет Даг вел наблюдения и записи. Как-то в наш край приехал доктор Пэт Моррис, именно с лекциями о сонях, и они с Дагом вместе работали. Впрочем, Пэт Моррис более известен как автор книг о ежах — он длительное время ведет наблюдения за ежами, выпущенными Обществом покровительства животным, с целью выяснения, как они привыкают к жизни в дикой природе после неволи, и выработки более совершенной методики.

Вполне естественно, Даг предложил показать гостю наши края. Пэт Моррис горел желанием увидеть сооруженные Дагом гнезда для сонь, а также ознакомиться с его записями. Удивившись, какую большую и успешную работу проделал Даг, доктор

Моррис кинулся выбивать ему грант, чтобы можно было расширить ее масштабы. Тут же к делу был подключен выпускник зоологического факультета Пол Брайт — ему было поручено ассистировать при наблюдении и ведении записей, которые становились тем ценнее, чем больше удавалось вывести об образе жизни этих крохотных животных. Теперь Пол получил уже степень доктора зоологии и продолжает исследования, в том числе и образа жизни сонь, в Бристольском университете.

У сони — приятная золотистая шкурка, длинный пушистый хвост, а по размеру и внешнему виду она удивительно сходна с хомяком. Между прочим, много лет назад, задолго до того, как в Англию были завезены хомяки, мальчишки нередко держали сонь дома — носили в карманах, а порой и таскали в школу!

Когда погода делается холоднее и становится туго с едой, сони впадают в оцепенение — примерно так же, как летучие мыши. К тому времени, как зима вступит в свои права, соня почти вдвое увеличит свой вес за счет запасенного на зиму жира; у нее на это уходит всего три-четыре недели. Затем у сонь падает температура тела, сравниваясь с температурой окружающей среды, и зверьки впадают в зимнюю спячку, а просыпаются весной, когда становится доступной пища — пыльца. Подсчитано, что они спят девять месяцев из двенадцати — помните Соню из «Алисы в Стране чудес»?

Раньше предполагалось, что сони зимуют под ветвями кустарников, но недавно с помощью прикрепления к ним миниатюрных передатчиков удалось выяснить, как именно они проводят зиму: делают шар из мха и забираются в какую-нибудь пустоту или расщелину. Утрата обширных некогда лесов привела к тому, что их численность катастрофически уменьшилась. Майкл Вудс разместил в лесу, позади дома, пятьдесят ящиков, в которых устроили себе гнезда сони, и ведет за ними наблюдение. В один прекрасный день любимица семьи, домашняя кошка, проявила интерес — что там такое скрывается под ветвями? Сын Майкла Джонатон, проходя мимо, заметил какое-то подозрительное копошение и подошел взглянуть, в чем дело. Оказывается, кошка схватила одного из детенышей сони, но Джонатон успел-таки вырвать добычу у нее из

зубов. А что с остальными обитателями гнезда? Джонатон заглянул в ящик и увидел еще пятерых скучившихся вместе детенышей, а рядом самку, погибшую не час и не два назад. Крошки сильно изголодались, один из них выбрался из ящика на поиски пищи — тут-то его и сцапала хитрая кошка. Джонатон взял детенышей и отнес в дом.

Хорошо, а дальше-то что с ними делать? Даг позвонил мне и спросил, не возьмусь ли я их выходить. Формально я не имела права держать этих зверьков без лицензии, каковую имел Даг; что ж, ради благотворительной цели иногда приводится пренебрегать и более серьезными условностями. Я взглянула в коробку — каждый детеныш свободно помещался у меня на кончике пальца! Я попыталась пересадить их в Фугой ящик, но это оказалось не так-то просто: у каждого на лапке изящные, но очень цепкие коготки — они так цепляются за руку, что отцепить их довольно затруднительно. К счастью, у меня в это время пустовал стеклянный ящик, а в нем было несколько веток. Когда детеныши забирались на них, можно было разглядеть, что у них на лапках имеются особые суставы, позволяющие обхватывать маленькие ветки, на которых они обычно живут. Прежде чем поселить их на новой квартире, мы их взвесили — самый большой тянул на четыре с половиной грамма, а самый маленький — на три с половиной.

Я мало что знала о рационе сонь, и разгадывать эту загадку мне пришлось самой. Общество покровительства животным выкормило пару сонь года два назад, но девушка, которая этим занималась, там больше не работает, а в справочниках нужных сведений не нашлось. Я решила попробовать давать им козье молоко, которым выпоила уже стольких детенышей различных млекопитающих. Инструментом для кормления мне служил маленький шприц. Крошечные

питомцы принимали пищу хорошо; я постелила им в ящик чистую холстину, которую меняла после каждого кормления. К несчастью, детеныш, побывавший в зубах у кошки, отмаялся в ту же ночь; вообще, кто попался кошке в зубы, у того шансов на спасение почти никаких: острые, словно иглы, зубки глубоко вонзаются в тело жертвы, и даже если последнюю удастся отбить, ее все равно доконает занесенная в рану инфекция. Обычно мы вводим кошачьим жертвам антибиотики, но такую крошку укол сразит, как яд змеи, так что мы решили не вмешиваться — вдруг организмишко справится и так.

На второй-третий день я стала замечать у малышей расстройство — может быть, козье молоко оказалось слишком жирным для них. Очевидно, любое молоко будет отличаться от того, к которому они привыкли, и перемена рациона неизбежно вызовет осложнения, а расстройство повлечет за собой обезвоживание организма. Я попробовала перевести их на молочную смесь, так двум совятам стало совсем скверно. Я тут же связалась с нашим ветеринаром Бэрри, который пожелал немедленно осмотреть их. Проявляя свойственное ему бесконечное терпение, он обследовал всех крошек и решил ввести двоим самым слабым спасительную жидкость. Инъекции были с превеликой осторожностью сделаны в загривок — единственное место, где можно было оттянуть кожу и взяться за нее. Без сомнения, он действовал от чистого сердца, и, главное, полагаясь только на свой инстинкт, поскольку справочников по соням нет. Я за то ценю его, что он готов помогать даже таким крохам, как эти, — другие врачи могли попросту проигнорировать их. Когда я вернулась домой со своими питомцами, на душе у меня стало немного светлее.

Когда мне удалось усовершенствовать их рацион, они стали чувствовать себя лучше, но вот беда, страдая расстройством, они выделяли столь концентрированную

мочу, что она сожгла пух у них на хвостах, а между ног образовались язвы. Мне было больно смотреть, как они ходят, широко раздвинув ноги, и я поделилась своим огорчением с Мэнди. «Как им не стыдно, надо же так описаться! — ответила она, — А впрочем, что с них возьмешь, они ведь еще младенцы».

Точно! Как я сама не догадалась! К следующему кормлению я подошла во всеоружии: взяла тряпки, детскую присыпку и мазь с цинком и касторкой. Каждую крохотную попку я насухо вытерла, присыпала и смазала. Вскоре язвочки исчезли, и еще через неделю на ногах и хвостах выросла новая шерстка. Победа! А главное, они становились очень ловкими и подвижными, и мне пришлось научиться молниеносной уборке их ящика. Труднее оказалось перевести их на взрослую диету. В дикой природе их рацион зависит от времени года; известно, что они едят пыльцу, цветы, фрукты, насекомых и орехи, причем очень любят фундук и съедают его прямо зеленым на ветках. Приступают к ореху с одной стороны и прогрызают круг, чтобы добраться до ядрышка. Валяющиеся на земле скорлупки — верный признак того, что здесь славно пообедали сони: это одно из самых точных указаний, что в данном регионе эти животные есть.

Со временем пять малышей благополучно перешли на взрослую диету. К ним прибавили еще несколько взятых из дикой природы сонь (они были слишком малы, чтобы пережить зиму) — образовалась группа животных, предназначенных для разведения в неволе. Это стало частью Национальной программы по разведению в неволе обыкновенной сони с целью выпуска в те регионы, где она исчезла. Специально для этой программы были спроектированы домики, в которых стоят клетки, где живут пары или тройки сонь из разных гнезд. Рада сообщить, что одна из

выпестованных мною крошек на следующий год принесла троих детенышей.

В надзоре за участками, предназначенными для выпуска сонь, участвуют немало добровольцев, так что наши знания о животных, с которыми мы живем по соседству, постоянно Погашаются. Что же касается Дага и Майкла Вудса, то в награду за их огромный труд и преданность делу Общество покровительства животным наградило их в 1993 году медалями.

Ну, а теперь поговорим о серых белках. Спросите любого лесничего, что он о них думает. «Похлестче любых крыс, вся разница, что лазают по деревьям», — пробурчит он в ответ. Может быть, так оно и есть, если их чересчур много расплодится, а по мне, так они — настоящие лапочки. У нас в саду растет несколько больших ореховых деревьев, а под ними, лежит куча дров; я часто вижу, как белки скачут по этой куче, а с нее забираются на стволы в поисках любимого лакомства! Само собой, в числе моих питомцев появился и бельчонок, которого я назвала Сайрил. Его нашла одна дама из Сомерсет-Левелс во время прогулки. Он лежал на земле, дрожа от холода, и дама привезла его нам. Ему было недели три от роду; должна признаться, он и в самом деле походил на крысу: хвост еще не распушился, а головка казалась непропорционально большой. Ступни у бельчонка тоже были большими. Когда я положила его в ящик и поставила греться у печки, он накрыл мордочку передними лапами, а пальцы растопырил так, чтобы можно было наблюдать за происходящим. Затем он свернулся клубочком и обернул свое тело хвостом, а кончики аккуратно положил между ушей. Я тихонько достала шприц, из которого выпаиваю найденых, и намешала немного молока, после чего отправилась к печке посмотреть, как там новенький. Под действием тепла ему стаю хорошо, он даже высунул передние лапки и мордочку над краем

коробки, подергивая ушками и с большим интересом следя за тем, что я делаю. Мне не пришлось вынимать его — почуяв запах молока, он сам взобрался по моему рукаву, щебеча что-то на своем беличьем языке; но и без перевода было понятно, что он очень голоден. Когда я протянула ему шприц, заряженный молоком, он сел на корточки и, сложив передние лапки чашечкой, принялся жадно пить. Если бы всех было так легко выпаивать, как этого! Ну и что, что шкурка на тебе не серая, ну и что, что ты такая большая, ты мне все равно будешь родной мамой — так он, должно быть, подумал. Насытившись, он взобрался по свитеру мне на плечо и что-то прошептал довольным голосом на ухо; к тому же его явно заинтриговали мои волосы. Я мгновенно вспомнила, что эти животные здорово кусаются: но, отыскав край моего свитера, зверек просто забрался между ним и рубашкой, свернулся клубочком и тут же заснул.

Одиночество — не самое лучшее для животного состояние, и я старалась уделять ему как можно больше внимания. К счастью, следующими питомцами, которых мне принесли через неделю, оказались еще три бельчонка, найденных в Уэстон-Сьюпер-Мэр. В то утро маму-белку обнаружили мерной невдалеке от гнезда, а во второй половине дня отыскиали и детенышей, которые вылезли из жилища и звали маму, пропавшую невесть куда. Детеныши были примерно того же возраста, что и Сайрил, и мы были рады, что у него появилась компания. «Новая гвардия» тянула молоко столь же охотно, как и Сайрил; покормив каждого по очереди, я подсаживала их к нему в коробку, а они пофыркивали друг на друга в знак приветствия. Наконец все улеглись спать, образовав клубок из голов и хвостов. Коробка была единодушно признана удобным гнездом, и они не предпринимали попыток ее покинуть, пока я не являлась к ним с молоком. Мало того — они

стали узнавать по звуку, что я готовлю еду, и стоило мне погремать ложкой, как четыре мордочки и столько же пар передних липок высывались через край коробки в ожидании, когда будет сервирован обед. У бельчат такие же изящные коготочки, как у сонь, и, когда они лазят по моему свитеру, их очень трудно отцепить. Они знали, до каких пределов можно долезть и я их не трону, а также то, что, пока я кормлю одного из них, остальные могут на мне спокойно повисеть. Вполне естественно, чем больше они вырастали, тем дальше отваживались совать свой нос, и в конце концов мы переселили их в авиарий. Формально мы не имели права отпускать их на волю, поскольку в Англии они классифицируются как вредоносные грызуны. Они просидели в авиарии всю зиму, а по песне перегрызли проволоку и улизнули на свободу.

Теперь у нас живет белка по кличке Сэлли. Ее принес один из посетителей — он подобрал ее, гуляя в парке. По-видимому, она потеряла мамочку и до того изголодалась, что подбегала к людям и пыталась сосать им туфли. Как это ни удивительно, она сумела прогрызть дырку в клетке и теперь пользуется всеми благами вновь обретенной свободы. Она разведала, что в комнате для приема посетителей стоит ваза с орехами, и, если гости в этот день отчего-то скупились на угощение, она принималась стучать в окошко: мол, не жадничайте, дайте орешка! При всей моей симпатии к белкам я не берусь оспаривать официальное мнение о них и утверждать, что они вовсе не безвредны. Как-то раз, потрудившись в саду, я решила ненадолго отлучиться и выпить чашечку кофе, так «это время они успели изгрызть ручку у граблей! Но при» сем том они — такая прелесть!

Норка — не исконное для Британских островов животное. Она была завезена сюда из-за границы для меховой промышленности. На шубу идет сто пятьдесят

шкурок, и отрадно слышать, что в наши дни их не очень-то много разводят ради меха. Зато они широко расселились на воле, а распространенное мнение о них как о вредных хищниках сложилось, вероятно, тогда, когда «борцы за свободу животных» выпускали их на волю по две, по три сотни в одно место. Естественно, при такой перенаселенности каждой особи очень трудно прокормиться, вот они и истребили в этих местах почти всех животных, на которых охотятся. Теперь ситуация более-менее стабилизировалась. Пора бы признать за норкой законное место в популяции млекопитающих Британии — право, вреда от нее не больше, чем от любого хищника, охотящегося на своей территории.

Обычно норки — шоколадно-коричневого цвета, и мы изумились, обнаружив на каком-то пустыре норчонка с удивительной серебристо-серой шкуркой и белой манишкой. Это происходит в результате мутации. Подобных зверьков специально разводят на зверофермах, но иногда такое случается и в дикой природе. Зверьку, которому мы дали имя Мерфи, было около трех недель, и особо возиться с ним не приходилось. Он был такой же игрун, как молодой хорек, к тому же оказался очень любознательным и обожал все новое. Однажды нас пригласили — естественно, с нашими питомцами — участвовать в школьном летнем празднике. Я решила, помимо прочих, взять с собой и Мерфи — я нисколько не сомневалась, что он понравится детишкам. Дерек скептически отнесся к этой идее: он косо смотрел на хорьков, а ведь норки — родня им. «Что ж, бери, если хочешь, — сказал он, — только имей в виду: возиться с ним будешь сама». Детишки не обошли вниманием ни одного из моих любимцев — ни сипуху Сейджа, ни черепашат, но Мерфи имел наибольший успех. Накормив его бобами, я пустила зверька к себе под свитер — там он копошился,

извивался, взбирался по рукавам, выглядывая то из горла, то из манжетов, то из-под нижнего края. Чем больше хохотали дети, тем забавнее он себя вел. Эх, не надо было мне слишком увлекаться! Оказалось, что последней, над кем смеялись, стала я.

Неожиданно я почувствовала нечто теплое и мокрое. Вдоволь наигравшись, зверек свернулся калачиком у меня под свитером и устроился спать, но съеденные бобы возымели свое действие. Я сунула его обратно в коробку, а сама, как могла, обтерлась двумя полотенцами (переодеться было не во что). Всякий, кто подошел бы ко мне близко, решил, что у меня несколько извращенный вкус относительно парфюмерии. Остаток времени я простояла, сконфуженная, подальше от веселящейся толпы, чтобы не дать повода расхохотаться еще больше — ведь надеяться на то, что у всех присутствующих внезапно заложило носы, не приходилось. Я старалась не смотреть на Дерека, лицо которого то и дело расплывалось в самодовольной улыбке.

Мерфи был одним из тех наших питомцев, кому не могла быть дарована свобода — он был слишком уж ручным. Мы соорудили для него персональный загон с плавательным бассейном, а Даг не раз одалживал его для демонстраций на лекциях. Но какое-то время его долго никуда не брали, а потом мы заметили, что он теперь не очень охотно дается в руки, хотя остался по-прежнему дружелюбным. Даг спросил, может ли он в очередной раз взять его для лекции в школе.

«Конечно, — сказала я, — но не ручаюсь, что с ним будет легко». — «Да что вы, он будет, как всегда, лапочкой, — сказал Даг. — Я заеду за ним по дороге на лекцию».

По не вполне зависевшим от Дага обстоятельствам лекция приобрела узкоспециализированный характер: ребята получили представление не столько о норке в

целом, сколько о ее искусстве кусачести. Из школы Даг возвратился весь облепленный пластырем. На этом ученая карьера Мерфи закончилась, но и впоследствии он подбегал к стеклу своей клетки, когда посетители подзывали его. Было особенно забавно смотреть, как он катается клубком и ныряет в воду. В один печальный день 1992 года он заснул и не проснулся, и мы горько сожалели о нем.

Когда ферма бывает открыта для посетителей, к нам часто заглядывает моя подруга Шина. И всякий раз случается что-нибудь такое, что ломает наши планы. Однажды она собралась к нам с подругой, с которой вместе работала в гостинице. Мы намеревались пообедать вместе и блаженно провести денек без забот, без хлопот. Гости ехали из Оксфорда и обещались быть к одиннадцати утра. «Вот и прекрасно, — думала я, — как раз успею все убрать». Но только включила пылесос — звонок: некая престарелая леди нашла у себя в саду увечного ежа, могу ли я его забрать? Взглянув на часы, я ответила: конечно, сделала мгновенный подсчет в уме. Полчаса туда, полчаса назад, успею прибраться до приезда гостей.

Хватаю ключи от машины, коробку для перевозки ежа, перчатки и сталкиваюсь во дворе с Дерекком, который только что закончил убирать свинарник.

— Ты куда? — спросил он.

— Дела.

— А как же гости? Надо же нее прибрать, — сказал он. Я ответила, что все успею, и выбежала вон.

Почтенная леди доходчиво объяснила мне, как проехать, так что я без труда нашла ее чистенький, миленький домик. «Заберу животное — и тут же назад», — думала я, но все вышло по-иному. Я имела неосторожность похвалить ее ухоженный, садик, и в ответ она разразилась пространной речью, как лелеял

этот садик и гордился им ее недавно скончавшийся супруг. Теперь к ней редко кто заходит, а так приятно поговорить с человеком, понимающим толк в садоводстве! Взяв меня за руку, она повела меня по всем дорожкам, останавливаясь у каждого куста и делаясь воспоминаниями, с ним связанными, — с каким, мол, усердием отыскивался редкий черенок, а теперь вырос шикарный цветущий куст! Что и говорить, садик был раем для бабочек, насекомых и птиц, и я мимоходом подумала, не завести ли и мне такой же; но, глянув на часы, поняла, сколько времени упущено, и деликатно перевела разговор на ежа.

— Так пойдемте взглянем на него. Вы посадили его в коробку?

— Нет, — ответила леди. — Боюсь уколоться, да к тому же от него так пахнет! Сейчас найдем, он позади домика у ограды.

Стоило ли удивляться, что в означенном месте ежа не оказалось, а между тем чем больше пожилая леди рассказывала мне о его состоянии, тем больше я сознавала, что он нуждается а в экстренной помощи. Шина переживет, если я немного опоздаю, подумала я, ползя вдоль живой изгороди в поисках исчезнувшего пациента. Наконец тяжелый запах навел меня на след, а копошащиеся личинки точно указали место, где залегло бедное животное. Быстренько подхватив его и впихнув в коробку, я извинилась перед хозяйкой за то, что дольше не могу задерживаться, и поспешила отъехать, пообещав миссис Хайден позвонить и сообщить, как пойдут дела у ежа.

Когда я вкатила во двор, как раз било одиннадцать, и, к своему облегчению, я узнала, что Шина еще не приехала. Я позвала Мэнди, а сама поднялась наверх, чтобы заняться ежом. Споткнувшись о пылесос (который так и простоял на месте все то время, пока я была в отъезде), я все-таки вытерла стол в кухне; тут

же подскочила Мэнди, вооруженная пинцетом, порошком от мух и прочими причиндалами. Я аккуратно положила ежиху на старое полотенце; она была в таком тяжелом состоянии, что не могла свернуться в клубок. Мухи засидели ей глаза и уши, а в ране возле задних ног копошились личинки. Надо же было случиться, что в эту минуту вошли Шина с другой (вполне естественно, стукнувшись о пылесос). Представьте, что они подумали, увидев такую картину: мы в четыре руки вынимаем у ежихи личинок и складываем их на блюдце, на полотенцу, на котором мы разложили нашу пациентку, прыгают блохи! Не говоря уже об удушливом запахе... Я, разумеется, рассыпалась в извинениях и предложила: может, пока выпьете чашечку кофе внизу, а я, как только освобожусь, сейчас же спущусь. К счастью, у Шины неплохое чувство юмора (но отнюдь не луженый желудок), так что она, сказав только «нет проблем», поспешила убраться.

Пока мы вычистили ежихе рану, посыпали лекарством и поместили в теплое местечко, прошло немало времени. Шина и Сью допили кофе и отправились бродить по ферме и смотреть зверей. Спустившись к ним, я рассказала, что стряслось с ежихой, и мы обсудили планы насчет обеда. Я предложила съездить в какой-нибудь ресторанчик — просто чтобы ненадолго вырваться с фермы. Сейчас схожу переоденусь, и поедем. Но не успела я дойти до дома, как кто-то пересек мне путь — естественно, с картонной коробкой в руках. Это оказалось гнездо со скворцами. Кровельщики (которые прежде уже приносили нам птенцов), меняя черепицу, наткнулись на гнездо. Мамаша теперь не вернется — привычное пространство нарушено, — и они принесли птенцов нам. Краешком глаза я видела, что Шина и Сью вернулись во двор и ждали, когда я наконец повезу их в ресторанчик.

«Ничего страшного», — снова сказала я себе и отнесла птенцов в сыроварню, где потеплей.

— Я ненадолго задержусь, — сообщила Шине, — только приготовлю им поесть.

Я еще раз посмотрела ежиху, которая теперь выглядела чуть лучше, — она даже выпила немного молочной смеси. Наскоро приняв душ, я кинулась в спальню (по дороге опять споткнувшись о злосчастный пылесос, убрать который с дороги было некому) переодеться. Часы показывали уже четверть порога — еще немного, и мы нигде ничего не сможем заказать. И тут снова телефонный звонок. «Ничего, — решила я, — кто-нибудь другой пусть подходит». Но только я успела сунуть ногу в штанину, как телефон зазвонил снова. На сей раз был утренний звонок, и я поняла, что это меня. «Черт побери!» — подумала я и кинулась в кухню, на ходу натягивая брюки.

— Алло, — весело сказала я (и как это мне порой удастся казаться такой жизнерадостной?!).

С другого конца провода ответил Дерек. Ему только что звонил ветеринар из Уорле, которому принесли косуленка. Вопрос традиционный: мы можем забрать его? Дерек дал положительный ответ, но буду ли я дома к тому времени, когда он вернется? Надо же осмотреть детеныша! Это ломало мои планы относительно обеда в ресторанчике, но что поделаешь! Я стала собирать оборудование, необходимое Дереку для поездки. Положив в чемоданчик грелку и теплое одеяло, я спустилась в контору. Шина и Сью между тем терпеливо ждали меня во дворе. Дерек сказал им «до свиданья», а меня оставил объяснять, что обед будет на ферме — должна же я осмотреть косуленка, когда его привезут. Сью и Шина возгорелись таким желанием посмотреть косуленка, что несколько не жалели о сорвавшейся поездке в ресторанчик, и мы ничуть не хуже отобедали в нашей чайной.

Дерек вернулся неожиданно скоро — мы как раз заканчивали обедать. Среди моих питомцев никогда прежде не было косулят, и новенький вызывал у меня не меньшее любопытство, чем у моих гостей. Крошке было едва ли пять дней от роду. Мать-косуля часто оставляет детенышей заснувшими где-нибудь в укромном месте и несколько раз в день приходит их кормить; но находящие их люди этого не знают и думают, что он осиротел, хотя мать точно знает, где оставила детеныша.

Этого косуленка нашли запутавшимся в кустах ежевики. Он в отчаянии звал на помощь маму, но та все не приходила! Помогли люди — выпутали его и отвезли к местному ветеринару. Мы нарекли его Брамбл, что значит Ежевика. Много прошло через мои руки милых и прелестных созданий, на такое изящное и прекрасное во всех отношениях существо я видела впервые. Он весь был — пятнадцать дюймов от кончиков ушей до копыт. Уши были чуть великоваты по сравнению с головкой и тонкой скуластой мордочкой. Спинку его покрывали белые круглые пятнышки, а длинные ножки казались слишком тонкими, чтобы выдержать вес даже такого крохотного тельца. Олени вообще чрезвычайно нервны, и сегодня вы вскармливаете детеныша, поначалу держите его с собой в доме, чтобы он привык к вам, вашему запаху и производимым вами шумам. Если поместить его в отдельный сарай и подходить раз от разу, чтобы покормить, то он от страха откажется принимать пищу. Дайте ему возможность привыкнуть к вам — и ситуация улучшится, хотя детенышей оленей, по сравнению с другими, значительно трудней кормить из бутылочки или с рук. Брамбл вон как изголодался, но тем не менее потребовалось время, чтобы я методом проб и ошибок подобрала соску, которую он захотел взять. Взглянув на моего нового питомца, Шина и Сью оставили меня наедине с ним, чтобы больше не пугать

его. Покормив косуленка, я посадила его в ящик и поставила в кухне, где поспокойней. Ну а гостям ничего не оставалось, как отправиться восвояси, — кто ж виноват, что и нынешний день у Паулины оказался занят и мы всего полчаса побыли вместе. Ничего, Шина, будут у меня когда-нибудь деньки посвободнее!

Как-то раз мы на весь день закрыли ферму для посетителей. Я поднялась наверх приготовить чай. Покормив косуленка, я посадила его назад в ящик. Домочадцы попили чаю и уселись смотреть телевизор, стараясь не обращать на детеныша особого внимания. Час спустя он изящно высунул через край ящика головку. Это не ускользнуло от внимания нашего пса Барни, но малыш, будто не замечая столь грозного хозяина, решил вовсе выбраться из ящика. Подрагивая тельцем, он принялся обнюхивать пол, а затем спокойно обследовал комнату и кончил тем, что обнюхал нам ноги. Потом, увидев собачью миску с водой, он пофыркал ноздрями на ее содержимое и, подняв голову, брезгливо подергал губами. После того как вечером я снова покормила его, он не вернулся в ящик, а залег позади кресла подальше от всех — это и стало его законным местом. Возможно, это было для него все равно что спрятаться в траву подальше от посторонних глаз, ибо там он чувствовал себя, как нигде, уютно. Прошел еще день, и он так ко мне привязался, что при моем появлении на пороге комнаты приветствовал меня радостным писком. Он быстро преодолел свой «комплекс», если можно так выразиться, и день ото дня становился все смелее и отходил все дальше от своего спального места — теперь он уже бегал вокруг дома. Говорят, прототипом для диснеевского Бемби был как раз косуленок, и когда Брамбл бегал в гостиную, а затем тормозил, то ножки разъезжались точно так же, как у героя знаменитого мультфильма.

Я всегда испытывала страсть к барсукам, но был один, который целиком завладел мною. По вечерам, когда уходил последний посетитель, мы отправлялись гулять в сад. Он резался, играл, скакал туда-сюда наперегонки с собаками. Когда он стал постарше, я повесила для него в кухне ветки шиповника и ежевики — пусть щиплет в свое удовольствие, а еще поставила ему поднос с землей. Барсуки очень рано начинают ость землю — им необходимы содержащиеся в ней минералы.

Когда он у меня появился, я поставила в известность Общество покровительства животным. Колин сказал, чтобы я подержал его у себя, пока ему не исполнится пять недель — к этому сроку его можно будет отучить от бутылочки, — а затем передала в Отдел дикой природы, где его поместят в загон с другими осиротевшими животными. Там его будут постепенно готовить к выпуску в дикую природу. Но с каждым днем я все больше чувствовала, что мне будет очень трудно с ним расстаться. О, как мне хотелось построить для него загон и держать на ферме, подальше от опасностей, которые подстерегают его в большом открытом мире! Я ведь хорошо знаю, что две трети всех существ, рожденных в дикой природе, не доживают до года...

Когда мы гуляли по саду, он преданно шагал со мною рядом, и я решила попробовать взять его на прогулку вокруг усадьбы. Но стоило нам выйти за живую изгородь, как он, почуяв открытое пространство, вдруг чесанул вперед, прижав уши, — он явно наслаждался тем, как ветер бьет ему в полосатую морду! Я наблюдала эту картину с замирающим сердцем — нет, не может быть, чтобы не вернулся! Пробежав двадцать — тридцать ярдов, он, очевидно, счел, что для первого раза достаточно, остановился, повернулся и тем же аллюром поскакал ко мне. Я-то

привыкла к тому, что барсуки семенят за мною по пятам, так что подобное поведение этого представителя барсучьего рода мне было в новинку; но потом я стала получать наслаждение от зрелища, как о проносится сквозь траву, а затем возвращается и трется о ноги. Я видела, что и он радуется возможности свободно бегать — это в какой-то мере примиряло меня с мыслью, что мне придется расстаться с ним навсегда. Эти прогулки запечатлелись в моей памяти, точно сокровища, — как сейчас, вижу его носящимся по полю, усыпанному золотыми от солнечных лучей лютиками, или семенящим за мной по тихому вечернему саду.

Как только я отучила его от бутылки, я сразу же сдала его в Отдел дикой природы. Не помню, чтобы сердце когда-нибудь так же обливалось кровью, как в этот день. Несколько недель, спустя Колин сообщил, что мой питомец сделался почти таким же диким, как и остальные барсуки, но когда сотрудники отдела входят к ним в загон, он дольше других сородичей защищает свой участок и не торопится убежать.

Ну а что касается косуленка, которого я тоже отдала в Отдел дикой природы, могу сказать следующее: в той округе косули водятся повсюду, и когда приходит срок, сотрудник отдела просто открывают двери загона, и их питомцы просто убегают к своим диким сородичам. Иногда представляю себе такую картину — мой крошка вырос в гордого лесного красавца, окруженного гаремом самок.

Но вот что я зарубила себе на носу: ВСЕХ ЖИВОТНЫХ, КОТОРЫЕ ПОПАДАЮТ КО МНЕ В РУКИ, ПРИРОДА ВВЕРЯЕТ МНЕ ЛИШЬ НА ВРЕМЯ. ЕСЛИ ЛЮБИШЬ ЖИВОТНОЕ, ВЕРНИ ЕГО ПРИРОДЕ. ЕСЛИ ОНО БУДЕТ ВОЗВРАЩАТЬСЯ, СЧИТАЙ ЕГО СВОИМ, ЕСЛИ НЕТ — ОНО НИКОГДА ТВОИМ НЕ БЫЛО.

Глава девятая

Еще несколько барсучьих историй

Кто скажет, что я не баловень судьбы! Другим натуралистам — обожателям барсуков — приходится кутаться потеплее да часами неподвижно сидеть в укрытии в надежде, что с наступлением темноты из норы высунется полосатая морда, а в моем распоряжении таковых было целых три, да еще построенное всем миром искусственное гнездо, отлично приспособленное для наблюдения. А то можно просто запустить барсуков в комнату, задернуть шторы — и любуйся сколько хочешь. Уиллоу, Примроуз и Блюбелл отлично обжились в новом доме; случилось, они

изменяли ночному образу жизни и посвящали меня в секреты барсучьей жизни, обыкновенно скрытые от посторонних глаз в потаенных глубинах нор. Мне доставляло особое удовольствие наблюдать, как они прихорашиваются — пощипывают зубами шкурку, выдергивая лохмы, когтями обеих лап расчесывают бедра, стараясь дотянуться как можно дальше. Затем садятся на задние лапы (отчего делаются похожими на маленьких жирных медведей) и почесывают себе когтями грудку и брюшко. Спать они всегда ложатся сбившись в клубок, так что трудно разобрать, где кончается один барсук и начинается другой. Я и теперь иногда ходила с ними на прогулку, но, как правило, они гуляли сами по себе.

Каждое утро, перед тем как приступить к повседневным делам, я отправлялась в загон к барсукам удостовериться, все ли в порядке. Но вот однажды в конце января я увидела, что спящий клубок состоит только из двух барсуков: Примроуз и Блюбелл... Господи, куда же подевался их приемный братишка?! Я отперла дверь, ведущую в жилые комнаты, и стала кликать барсука, — если Уиллоу спрятался в каком-нибудь закутке, он непременно услышит и отзовется. Первой проснулась Примроуз — сунув голову в дверь, она лениво вытянула передние ноги и, запрокинув голову, сладко зевнула. За нею вошла Блюбелл — видно, ее разобрало любопытство, почему я до сих пор дома. Обе сестренки приблизились ко мне, приветствуя знакомым мягким «ув-вув-вув-вув». Блюбелл забралась ко мне на колени, а Примроуз понюхала мои туфли и уселась рядом, словно тоже ожидая появления Уиллоу. Но нет, ни звука! Я снова позвала — ответа нет. «Девчонки, может, вы знаете, где ваш братец?» — спросила я, сердцем чувствуя, что никогда не увижу его больше. Сперва Примроуз, затем Блюбелл вернулись к себе в загон, зарылись в солому и снова устроились

спать, но прежде заглянули в нору, ведущую вглубь, будто ожидая, не покажется ли оттуда Уиллоу. Я вышла из лома и потихоньку побрела прочь, время от времени поглядывая на дорогу через живую изгородь — не повстречаю ли случайно? Когда я сообщила новость Дереку и Мэнди, они посоветовали подождать до ночи — вдруг явится. Весь остаток дня мы провели в напряженном ожидании, но его нигде не было видно.

На следующее утро я снова пришла проводить барсуков — спящий клубок по-прежнему состоял только из двух девчонок. Больше мы никогда ничего не слышали про Уиллоу. Право, неудачное он выбрал время, чтобы откочевать. Толи он забрел слишком далеко и затерялся среди лесов и полей, то ли встретил свой конец. Этого нам никогда не узнать. Услышав о нашей беде, местные жители сообщали нам обо всех найденных мертвых барсуках, а то и просто приносили нам. (Бедный Дерек! Как ему опротивела роль могильщика!) Но все покойники оказывались либо с другими, чем у Уиллоу, особыми приметами, либо вообще были особями противоположного Юла. Остается надеяться только на характер Уиллоу! Еще Крохотным детенышем он уже был неисправимым упрямым, а когда он вырос в красивого, цветущего парня, то порою доводил до ручки всех нас, включая пса Барни. Ей-богу, я верю, что он выжил и основал свое княжество.

Еще две недели мои девчонки укладывались спать, обратив мордочки к норам, — видимо, верили, что братец вернется. Но потом они сдались и перестали его искать.

Однажды вечером в начале марта я услышала настойчивое царапанье в парадную дверь. Я открыла, и в дом влетела Блюбелл. Она впервые попросилась в дом с тех пор, как выросла. Забравшись по лестнице, она оставила свою метку на ковре, пробежалась по кухне, а затем кинулась в комнаты и залезла в кресло. Я не

стала запира́ть дверь, чтобы она могла выйти когда угодно, и Блюбелл, закончив свой тур, спустилась по лестнице назад в сад. На следующий день она снова стала царапаться в дверь. «Тут что-то не так», — заметил Дерек и залез в кресло с ногами, чтобы барсучиха не обнюхивала их. Я сама не могла взять в толк, с чего бы это, по прошествии стольких месяцев, ее опять тянет в дом.

Когда она пришла в третий раз, мы решили осмотреть ее. Так вот в чем дело — у нее на спине была рана от жестокого укуса. Очевидно, к ним в гнездо наведалься чужой барсук, а силенок для отпора явно недостаточно, вот она и просит у нас защиты! Чувство территории у барсуков обостряется с января по май: в этот период они активно метят свои владения пометом, чтобы отвадить чужаков. Видимо, пришелец вторгся на территорию Блюбелл и Примроуз, дошло до драки. Я решила закрыть внешние «барсучьи ворота» — пусть отсилятся в гнезде. Благодаря этой мере они вполне успокоились и вернулись к своим забавным привычкам гоняться друг за другом и играть. Даже в возрасте четырех лет Блюбелл играла как котенок, но взрослая барсучиха — вовсе не котенок, и хорошо, что я обыкновенно хожу в прочной куртке: она то цапнет тебя за рукав, то вообще вцепится в руку всеми четырьмя лапами и схватит кисть пастью (хорошо хоть не до крови, а то, знаете, барсук шутя цапнет — и без руки останешься!).

В мае я снова отперла «барсучьи ворота», и проблем с пришельцами больше не возникало. С наступлением лета ферма опять открылась для посетителей, причем Симон Кинг устроил торжественное официальное открытие. Конечно же посетители обрадовались возможности познакомиться с барсуками — многие из них ни разу в жизни не видели их живьем.

Летний день все прибывал, и вот как-то я увидела на возвратившейся с полевой охоты Примроуз следы, говорившие о том, что она встречалась со своими дикими сородичами и, очевидно, нашла себе кавалера. Мы даже догадывались, с кем она ходила встречаться, — через несколько полей от фермы находилось огромное барсучье гнездо, которому было уже более ста лет, но семейство, проживающее в нем в настоящее время, было малочисленным. Однажды мы ходили туда и обнаружили барсучий череп, выброшенный обитателями гнезда вместе с землей при раскопке старого туннеля. Бытует мнение, что барсуки погребают своих умерших сородичей в особых нишах. Через несколько поколений молодые барсуки раскапывают старые ходы, чтобы расширить жизненное пространство, а кости покойных выкидывают наружу вместе с землей. Не знаю, насколько это соответствует действительности, но тот факт, что в нарытой барсуками земле иногда попадаются барсучьи кости, косвенно подтверждает эту мысль.

Когда по вечерам мы выходили работать за пределы фермы, то частенько видели Блюбелл, но у Примроуз, как видно, появились дела поинтересней. Прошло еще несколько недель, и эта красавица тоже исчезла. Я была абсолютно убеждена, что она влилась в соседнюю барсучью семью, и беспокоилась за ее судьбу куда меньше, чем за судьбу Уиллоу.

Несколько недель спустя мои предположения получили подтверждение — жительница деревни Вест-Ханстпилл сообщила, что видела барсучиху, которая охотилась в полях вместе с другим барсуком, не обращая внимания на людей. Когда люди пришли посмотреть на них, убежал только партнер, а она еще какое-то время побыла в поле и лишь потом побежала его догонять. Происходило все это возле дороги, сообщаемой с нашей. Как рассказывала эта

женщина, выглядела барсучиха очень хорошо. А что мне еще нужно? Наша ферма предназначена для временного приюта зверям, которые потом убегают на волю. Это — их выбор, не нужно о них беспокоиться! Если моя Примроуз нашла себе кавалера — так это прекрасно!

Но вот какая сложность возникла при этом. Блюбелл осталась, в одиночестве, а это состояние не по душе ни одному барсуку. Больно было видеть, как она устраивалась спать одна. Видимо, она так привязалась ко мне, что не спешила поменять мое общество на компанию себе подобных. Я видела это по тому, как радостно она приветствовала меня мягким мурлыканьем и бросалась обнюхивать мои ноги. Блюбелл жила главным образом во дворе и в дом больше не просилась.

«Потянет ли ее когда-нибудь искать компанию сородичей?» — думала я. И вот месяц спустя, зайдя к ней в рукотворное гнездо, я обнаружила, что оно пусто. Свершилось! Может быть, нужно было держать ее взаперти, чтобы помешать ей удрать? Но ведь я так мечтала подарить ей свободу! Услышав новость, Дерек тоже впал в уныние: ведь теперь у нас совсем не осталось барсуков. Подошла Мэнди, мы отправились в сыроварню готовить корм для животных; там, облокотившись о буфет, я все ей поведала. Но только мы начали обсуждать, с чего бы это Блюбелл решила удрать, как мой взгляд упал на полосатую морду, выглядывавшую с верхней площадки лестницы, ведущей в бывшее помещение для сыров. Ну и ну! Вот куда заводит любопытство! Мадам, очевидно, не терпелось узнать, что там наверху. Ну и залезла, а глянула вниз — страшно! Делать нечего, пришлось остаться на ночь. Услышав мой голос, она поняла, что помощь близка. Поругав барсучиху за дурость, я поднялась по лестнице и спустила пленницу на землю.

Бросившись со всех ног из сыроварни, она кинулась к своему гнезду — ее явно раздражал яркий солнечный свет. Пока я дошла до гнезда, она успела успокоиться и устроилась спать. Наша радость была такой, что мы решили купить к кофе шикарный торт со взбитыми сливками.

Ну а Блюбелл принялась за постройку нового гнезда, поближе к дому, и начала работу не где-нибудь, а возле лисьего загона, вырывая на поверхность огромное количество земли и кирпичей. Известно, что барсуки могут переворачивать камни весом до пятидесяти фунтов. Ставился такой опыт: на орешки клали тяжелые камни — и ничего, барсуки сворачивали их и добирались до лакомства. Когда земляные работы были закончены, нужно было натаскать в гнездо сена, и от сарая до гнезда протянулась усыпанная сеном дорожка длиной в сотню метров. После каждой трудовой ночи барсучиха методично возвращалась в построенное нами гнездо, да так никуда из него и не переселилась. Неужели строила себе запасное? Интересно зачем?

В сентябре 1991 года, когда заканчивался очередной сезон работы нашей фермы как туристической достопримечательности, мне позвонил ветеринар из Гластонбери. У него на руках оказался родившийся в этом году барсучонок с ранами от укусов, нанесенных сородичами. Но и это не все — его сбила машина, в результате у него была сломана нога. Теперь барсук выздоравливает, но врач не знает, что с ним делать дальше, — ведь выпускать его еще рано, да к тому же нужно подобрать ему территорию. Я решила забрать барсука и попробовать познакомить с Блюбелл.

Отыскать ветеринара не составило труда, равно как и пересадить барсучонка из прежней клетки в мою. Сев в машину, я почувствовала себя наверху блаженства — дружка везу для моей барсучихи! Ветеринарная

медсестра на прощание помахала мне рукой — по лицу ее было видно, как она довольна, что избавилась от такого дурно пахнущего, не всегда податливого пациента. Зубной аппарат у барсуков развит не хуже, чем у любых других плотоядных, так что при той массе и силе, которыми обладает их тело, они запросто могут отхватить пальцы. Не то чтобы они свирепы и злы по натуре — просто всякое животное, оказываясь в неясной для него ситуации, начинает защищаться чем только может. Поэтому, если хочешь иметь дело с барсуками, либо научись должным образом обращаться с ними, либо останешься без пальцев.

Если вы держите в неволе барсука, вам нужно поставить об этом в известность Общество охраны природы — барсуки относятся к охраняемым видам животных, и содержать их без лицензии можно исключительно в благотворительных целях. Время от времени мы извещаем соответствующие организации, сколько у нас барсуков, и первое, что нужно было сделать, — это сообщить о новом жильце. Затем следовало выработать план, как и когда познакомить его с Блюбелл.

Искусственное гнездо для барсуков было спроектировано таким образом, что его можно было разделить на две секции; при этом животные, помещенные в разные половины, могли принюхиваться друг к другу через проволочную дверь. Я закрыла на замок «барсучьи ворота», так что в распоряжении барсуков оставались только гнездо и загон. Новичка называли Маффин — это имя дала ему дама, которая нашла его на дороге и отвезла ветеринару.

Я решила отнести Маффина в его новую квартиру рано поутру, когда барсуки сонны и апатичны; я понимала, что потребуется время, пока каждый из обитателей гнезда свыкнется с присутствием другого. Когда я внесла ящик с барсучонком в загон, тут же

вылезла Блюбелл — поглядеть, с чем я пожаловала. Обнюхав ящик со всех сторон, она сердито замахала хвостом и зашипела, давая новенькому понять, что его появление нежелательно. Бедняжка забился в дальний угол ящика, стараясь казаться совсем крохотным. Я открыла стеклянную дверцу той половины, которая предназначалась для новичка, впихнула туда барсучонка и захлопнула дверцу прежде, чем туда успела ворваться разгневанная Блюбелл. В подобных ситуациях часто возникает мысль: а то ли ты делаешь, что нужно? Выказывая полное презрение, Блюбелл отвергла все мои попытки утешить ее и ходила по своей половине, сердито фыркая и крутя хвостом. В другой же половине сидел дрожащий маленький барсучонок, которому было так тоскливо в этом чуждом мире. Через несколько часов Маффин — то ли в результате нервного напряжения, то ли просто от усталости — свернулся калачиком и заснул. Блюбелл прекратила ворчать и фыркать, но не спала, всматриваясь в глубину норы, — она все хотела убедиться, что чужак не посягает на ее жилье.

Прошло еще два дня, и барсуки постепенно свыклись с присутствием друг друга. Маффин уже не пугался, когда Блюбелл расхаживала по своей половине. Проходя мимо дверки, сообщающейся с его территорией, она по-прежнему ворчала и фырчала, но уже перестала сердито бить хвостом. Забрезжила надежда, что ситуация улучшится.

Но увы, все было далеко не так гладко, как хотелось бы. Уборщик клеток Лей, по счастливой случайности оказавшийся в роковой момент возле барсучьего гнезда, увидел там леденящую душу картину: моя милая Блюбелл лупит Маффина, а тот душераздирающе вопит. Лей во всю прыть бросился к дому; я тут же понеслась к месту трагедии. Лихорадочно отперев половину моей любимицы и рывкнув на нее, я накрыла

барсучонка одеялом и извлекла его наружу. Я чувствовала, как у того колотится сердце, но под одеялом он все же успокоился, и я отнесла его в дом, чтобы посмотреть, велики ли увечья. Моя разлюбезная Блюбелл так здорово тяпнула Маффина за шею, что на рану требовалось наложить швы, и я немедленно отвезла его к нашему ветеринару Бэрри. Но как же все-таки он проник в жилище столь грозной барсучихи, если все ходы и проволочные двери были закрыты? Это еще предстояло выяснить.

Вернувшись от врача, я положила Маффина в кухне отходить после наркоза, а сама отправилась выяснять, как же все произошло. Виновница событий выглядела кроткой как овечка; зайдя на территорию Маффина, она обнюхивала ее: куда же он запропастился? Э, да вот и разгадка: на стенках канала, по которому идет осветительный провод, обнаружились волосинки бедного Маффина. Он прополз по этому каналу и, судя по всему, высадился прямо на спину спящей Блюбелл. Как вы думаете, могла она не дать отпор при столь дерзком вторжении? Заблокировав световодный канал, я вернула Маффина на прежнее место, и далее все пошло по принципу «худой мир лучше доброй ссоры».

Две недели спустя я с замиранием сердца убрала проволочные дверцы и отошла в сторонку посмотреть, что будет. И — ничего. Они не хотят иметь друг с другом дела. Моя прелестная Блюбелл спит себе на своей половине, а маленький скромный Маффин настиляет постель из соломы на своей. Смущенный барсучонок чувствовал, что его отвергли начисто.

Прошло еще пять удручающих недель, и вот в одно воскресное утро мое сердце запрыгало от радости. Блюбелл и Маффин впервые лежали вместе, свернувшись в один клубочек. Они наконец-то признали друг друга. Маффин возлежал на спинке, скрестив передние лапки, а Блюбелл обвилась вокруг него, положив ему головку на брюшко. Все мои тревоги и волнения были вознаграждены с лихвой.

В то же время я не оставляла своей деятельности и в Группе по защите барсуков. У ее членов забот полон рот: кто занимается взаимоотношениями барсуков с садоводами и фермерами, кто наблюдает их в дикой природе, кто собирает средства; я же взялась спасать барсуков, пострадавших на автодорогах или получивших увечья иным образом. Не желая соседства других барсуков с нашим гнездом, мы построили для их содержания специальный загон, оснащенный инфракрасной лампой для тепла. Барсук может выжить и после крайне тяжелых травм, полученных, например, во время территориальных споров, доходящих до драк, и даже воспринять их как одну из граней жизненного опыта; но занесенная в рану инфекция становится причиной серьезного заболевания. А если в ране еще заведутся личинки мух, животное умрет медленной смертью, если ему случайно не встретился сердобольный человек, который не поленится что-то предпринять.

Уму непостижимо, сколько кругом равнодушных! Одну барсучиху привезла мне моя подруга Кейт. Некий

посетитель паба, где у нее было назначено свидание, мимоходом обронил, что вот уже много дней подряд, прогуливая пса, он видит на одном и том же месте барсука, который — вот удивительно — не убегает и недохнет. Раскланявшись, Кейт с извинениями прервала свидание, села за руль и привезла животное, намотав туда и обратно пятьдесят миль. Барсучиха была в столь тяжелом состоянии, что ее пришлось усыпить. Но все же лучше подарить ей безболезненную смерть, чем оставить страдать. Это была очень крепкая особь, так что дожидаться естественной смерти от голода и жажды ей пришлось бы много недель. А ведь все, что требуется от человека, — поднять трубку и позвонить в Группу по защите барсуков или в Общество покровительства животным.

Немало хлопот и с барсуками, пострадавшими от автомобилей. По подсчетам, ежегодно под колесами гибнут свыше сорока пяти тысяч барсуков, а всех барсучьих семейств в стране, по оценкам, около пятидесяти четырех тысяч; следовательно, каждый год гибнет по одному барсуку практически из каждого барсучьего семейства. Бывает, нам сообщают о погибших барсуках, которые на самом деле оказываются живыми. Даже наш ветеринар — к своему стыду — проехал мимо барсука, посчитав его мертвым, а час спустя ему позвонили и сообщили, что он живой. Вообще же Бэрри приходится часто возиться с барсуками, попавшими в переделки на автодорогах, причем процент благоприятных исходов весьма велик. В качестве общей процедуры он делает пациентам внутривенное вливание соляного раствора глюкозы.

Как-то раз нам с Дерекком позвонили поздно ночью: некий джентльмен и его супруга, возвращаясь на машине из гостей, нашли на обочине сбитого автомобилем барсука. Мы попросили звонившего накрыть животное одеялом, а он обещал подождать,

пока мы приедем. Барсучиха едва дышала, мышечные спазмы были верным признаком надвигающейся смерти. Быстренько сунув ее в клетку, мы взяли у нашедшего ее джентльмена номер телефона и пообещали завтра сообщить результаты. Доехав до дому, я позвонила Бэрри, извиняясь, что беспокою его в столь поздний час. Мы договорились встретиться через четверть часа в операционной, но я боялась — не поздно ли? Когда я приехала в операционную, Бэрри был уже там и зажигал свет. Он осторожно положил барсучиху на стол и тщательно обследовал; поворачивая пациентку так и сяк, он непрерывно утешал ее ласковыми словами. Подготовив все необходимое, он поставил капельницу. Наконец Бэрри сообщил мне, что я могу спокойно возвращаться домой и пить кофе, а он понаблюдает за ее состоянием еще по крайней мере с час. Да, именно такая преданность делу требуется от всех, кто хочет себя этому посвятить!

Я забрала пострадавшую на следующий день и поместила и загон для выздоравливающих барсуков. Она страдала от последствий серьезной контузии, и все, что я поначалу могла делать, — это вливать ей в рот жидкость с помощью шприца с регулярными интервалами. Барсучиха постепенно пришла в сознание, но не делала ни малейших попыток пошевелиться. Тогда я решила попробовать покормить ее твердой пищей: взяла немного на ладонь и протянула. Чувствуя, что я не желаю ей зла, она мягко брала у меня из руки по кусочку, тщательно пережевывая их, будто давала понять, что отнюдь не собирается цапнуть меня за руку.

Чета, которая нашла барсучиху на дороге, навестила ее в выходные дни. И муж и жена были потрясены тем, что она выжила, хотя я осторожно намекала им, что не исключены осложнения. Оба никогда прежде не видели живого барсука и очень

интересовались тем, как будет проходить процесс реабилитации.

Неделю спустя барсучиха была уже в хорошей форме, можно было оформлять выписку. Аппетит у нее был отменный, она быстро прибавляла в весе, сделалась живой и подвижной, благо других болячек у нее не было. Мы всегда выпускаем барсуков на волю ночью — когда их племени предписано гулять по полям и лесам, а главное, в эту пору меньше опасности попасть под колеса. Я договорилась о встрече с нашедшими барсучиху супругами на том самом месте, где они ее отыскивали, — пусть посмотрят, как она выйдет на свободу! Надо сказать, выздоровевшего барсука запихнуть в ящик для перевозки куда сложнее, чем больного... Но все же нам кое-как удалось это сделать, так что к месту встречи мы прибыли вовремя.

Зоолог Джордж Пирс, который много работает с барсуками и не раз помогал мне ценными советами, заметил, что, когда отпускаешь барсука на волю, он всегда оглянется в знак благодарности, прежде чем убежать. В нашем случае точно так и было. Поставив ящик на землю, мы открыли переднюю стенку — пусть барсучиха сама сообразит что к чему. Луна светила ярко, так что наблюдать за захватывающей сценой можно было без фонаря. Барсучиха вылезла из ящика и втянула ноздрями воздух, после чего тут же повернула налево и пустилась в путь знакомой тропкой. Вдруг она обернулась, подняла лапу, словно помахав на прощание, посмотрела на нас, снова втянула ноздрями воздух и была такова. Нужна ли еще какая-то награда?!

Впрочем, когда выезжаешь по вызову, на месте не всегда находишь то, что ожидаешь. Пользуясь случаем, позволю себе еще раз воздать должное ангельскому терпению моего супруга!

Не надо объяснять, что в разгар туристического сезона я — как выжатый лимон и просто не в состоянии

каждый вечер кормить семью добротным ужином, но по воскресеньям все же собираюсь с силами и готовлю жаркое. Дерек сгорает от нетерпения, дожидаясь этого знаменательного дня. В то злополучное воскресенье в печке ласково потрескивал огонь, на котором жарилась баранья ножка, а я готовила овощи для гарнира. Еще час — и мы усядемся за стол и полакомимся.

В половине седьмого мы с Дерекком раскланялись с последними посетителями и уже повесили замок на Гостевой центр, как вдруг зазвонил телефон. Я находилась наверху, и трубку взял Дерек. Затем он позвонил мне наверх по внутреннему и сказал:

— Это тебя. Я сейчас кончу и тоже поднимусь.

На другом конце провода был Даг. Оказывается, отдел Общества покровительства животным в Эксетере получил сообщение о найденной мертвой барсучихе и известил об этом Дага как председателя сомерсетской Группы по защите барсуков.

— Прости, что беспокою тебя в воскресенье, но я получил известие, что на обочине дороги видели мертвую барсучиху, вокруг которой бегают двое детенышей. У меня дел выше головы, не могла бы ты слетать?

Я кинула взгляд на кипящие кастрюли. Ничего, подумала я, вернусь, Дерек скажет: «Пальчики оближешь» — и все простит. Барсук находился в получасе езды, но найти его было трудно — звонивший сказал, что, если я за ним заеду, он приведет меня на место.

Я положила трубку, потушила огонь в печке, написала мальчишкам записку, что ужин задерживается, и отправилась с новостью к Дереку. Десять минут на сборы — и вот мы уже летим в Бишопс-Лайдард. На заднем сиденье ящик, сетка для ловли животных, корм для барсуков и карта местности. За рулем, сжав губы, сидит Дерек; я же пытаюсь

отвлечься, любуясь цветами, осыпавшими придорожные кустарники, как и положено в начале лета. Был очень милый вечер, но в машину врывалась холодная струя встречного ветра. К тому времени, когда мы доехали до деревни, Дерек смягчился и даже сказал, что это очень приятная поездка, хотя у него и бурчит в брюхе. Следуя указаниям, мы подъехали к новой усадьбе и, въехав в ворота, остановились возле дома. Молодой джентльмен, который уже поджидал нас, подошел к машине.

— Поезжайте за мною следом, — сказал он. — Я остановлюсь у самой цели, дальше дорога пойдет очень узкая, — сказал он.

— Прекрасно, — с улыбкой ответила я.

— Одна нога здесь, другая там, — сказал джентльмен, — У моей жены вот-вот будет готов обед, — добавил он и направился к своей машине.

— Счастливчик, — пробормотал Дерек, завел мотор, и мы еще пару миль проплутали по извилистым тропкам. Наконец мужчина затормозил на перекрестке двух дорог. Да, вот она, мертвая барсучиха, у самой дороги. Когда мы подошли к ней, из травы на обочине выскочили три кролика и скрылись в кустах.

— Вот те на, — сказал джентльмен, — Не исключено, что это были как раз кролики, а не барсучата. Мы не останавливали машину, я просто взглянул на них на ходу.

Я не осмелилась взглянуть на Дерек.

— Ничего страшного, — ответила я. — По крайней мере, посмотрим, была она кормящей самкой или нет.

Сами понимаете, способ определения пола: «если побежал, значит, барсук, а если побежала, значит, барсучиха» — в данном случае никак не подходит. Взглянув на брюхо животного и не обнаружив там набухших сосков, я сказала джентльмену:

— Не стоит волноваться. Она не была кормящей. Даже если те, кто попался вам на дороге,

действительно были барсучата, будем надеяться, что их мамаша жива.

Дерек вышел на обочину, чтобы отбросить труп подальше: пусть природа доделает свое дело. Взглянув на дохлого барсука, он расхохотался:

— Да какая же это самка? Это старый кабан, откуда у него молоко?

Короче, семейство село за ужин в половине одиннадцатого. Ну ничего, зато Дерек так проголодался, что моя стряпня показалась ему, как никогда, вкусной!

Теперь Блюбелл и Маффин проводили немало времени вместе, и я открыла «барсучьи ворота» — пусть бегут куда хотят. Маффин вырос в очаровательного красавца с широкой мордой и плотно сбитым мускулистым телом — кто бы узнал в нем забитого, жалкого заморыша, которым он к нам попал?! Блюбелл по-прежнему, едва заметив нас, подходила вальяжной походкой поприветствовать гостей, но если наше появление оказывалось неожиданностью для Маффина, он забирался глубоко в нору. В январе я решила снова закрыть «барсучьи ворота», дабы опять не нагрянули чужаки, и как раз в этот период мне привезли барсучиху, которой я дала имя Венди. Она к нам поступила из Йовила, где потеряла свои владения, и я попробовала подружить ее с Блюбелл и Маффином. Я снова столкнулась с тем, что оба «старожила» выказали безразличие по отношению к новенькой, но откровенной враждебности не было. Прошло три месяца, и они более-менее свыклись друг с другом, но я чувствовала, что все-таки с Венди что-то не в порядке. Она бегала по всем помещениям гнезда, трескала, как поросенок, но жила независимой от двух других барсуков жизнью.

Наступил месяц май, и пришла пора отворить «барсучьи ворота». За то время, что Венди пробыла в

нашем гнезде, она стала относиться к нему как к родному дому, но по-прежнему не общалась со «старожилами». На третий день после того, как открылись «барсучьи ворота», Венди убежала. Она не вернулась и на следующий день, но на третий день утром нам позвонила жительница деревни, расположенной в трех милях от фермы. Оказывается, Венди забралась к ней в сад, свернулась там калачиком и не думает прятаться.

Мы забрали ее домой, и я тут же позвонила Колину из Общества покровительства животным — я была уверена, что у барсучихи что-то не в порядке с мозговой деятельностью, и поэтому ее не удастся выпустить. Держать ее у себя мне было незачем — как я могла держать ее взаперти, готовя других с выпуску на волю? Колин согласился взять ее, и мы перевезли ее в Отдел дикой природы.

То ли по причине пребывания в нашем гнезде чужачки, хо ли просто потому, что он достиг зрелости и его тянуло странствовать, но две недели спустя Маффин тоже удрал, Блюбелл снова осталась одна, хотя теперь она, похоже, не сильно беспокоилась из-за этого.

Между тем на нашу ферму нагрянула новая беда. Хотя в 1987 году мы продали большую часть молочного скота, нескольких коров разных пород Дерек все же оставил — каждый день он демонстрирует посетителям, как доить коров, объясняя разницу между породами и между ручным и машинным доением. Кроме фризских, джерсийских, гернсийских и декстерских у нас были две великолепные хайлендские коровы, с очень красивой шкурой и могучими рогами. Время от времени скот у каждого фермера подвергается тестированию на туберкулез. Обычно приходит наш «домашний» ветеринар, впрыскивает в шею каждому животному небольшую дозу вакцины, а через три дня

смотрит, какова реакция. Хотя туберкулез и не до конца побежден, но встречается весьма редко, и к таким тестированиям хозяева относятся спокойно. И что же? Неожиданно для всех реакция у одной из наших гернсийских коров оказалась положительной, а при повторном тестировании положительная реакция обнаружилась и у обеих хайлендских коров. Мы были в отчаянии: все три коровы подлежали немедленному забою.

Когда эти величественные животные безропотно шагали в кузов грузовика-скотовоза, у нас сердце обливалось кровью. Мы приучились воспринимать как должное, что время от времени тех или иных животных приходится отправлять для продажи на рынок, а то и на бойню, если неизлечимо заболит. Но чтобы коров, выглядящих совершенно здоровыми... Нет, это не укладывалось в голове, но у нас не было выбора. А самое прискорбное то, что, когда туши забитых животных были подвергнуты лабораторному анализу и культуры подросли, никакого туберкулеза там не обнаружили. Значит, зря загубили коров. Все же мы считаем, что такое тестирование необходимо, — еще в 1940-е годы в некоторых стадах число больных животных достигало сорока процентов, теперь же оно сократилось до четырех на тысячу.

Но увы, неприятности на этом не кончились. Дело в том, что министерство сельского хозяйства проводит такую политику: при обнаружении туберкулеза на какой-либо из ферм с разрешения хозяина уничтожаются и все живущие на территории барсуки. Раньше их истребляли газом, теперь отлавливают и стреляют. Тестировать на туберкулез живых барсуков невозможно, значит, нужно сперва отстрелять, а уж потом подвергнуть анализу. Нечего и говорить, что гибнет множество здоровых барсуков. Кроме того, бывает, что один барсук попадет в капкан, а

остальные разбегутся на соседние территории. Начнутся драки с местными барсуками, и через ссадины разнесется зараза. Еще один вариант — по ошибке уничтожат здоровую семью барсуков, а на ее месте поселится больная. У многих членов Групп по защите барсуков такие меры вызывают ужас; не говоря уже о колоссальном моральном ущербе, отстрел каждого барсука в пораженных туберкулезом регионах обходится ни много ни мало в три тысячи фунтов стерлингов (выражаясь языком канцеляризма, сюда входит оплата человеко-часов и амортизация оборудования), не считая компенсаций, выплачиваемых фермеру за забитый скот.

Олени и другие дикие животные также могут быть переносчиками этой страшной болезни, но данная проблема пока недостаточно исследована. В итоге козлами отпущения оказались барсуки, хотя нет доказательств, что их уничтожение снижает численность заболеваний туберкулезом: корова может заразиться от барсука или от другой коровы, а также от человека, и наоборот. Ну, а тестирование крови, вопрос о котором решается в правительстве, не выявляет «спящую» до поры до времени бактерию, а следовательно, и бациллоносителей. Министерство сельского хозяйства Ирландии проводило в течение двух-трех лет эксперимент, пытаясь скармливать барсукам вакцину: ее готовили в виде капсул, глазировали шоколадом, смешивали с земляными орешками и давали животным. Есть надежда, что таким путем удастся предотвратить распространение туберкулеза среди барсуков. К сожалению, официальные результаты эксперимента до сих пор не обнародованы, а дело ведь многообещающее!

Конечно, вопрос это очень трудный. Но одно ясно: деньги, которые идут сейчас на умерщвление животных, нужно тратить на научно-исследовательские

работы или, по крайней мере, на повышение качества диагностики, чтобы не давать напрасно гибнуть незараженным барсукам и коровам.

В это лето через наши руки прошло немало барсуков, в том числе молодой красавец, которому я дала имя Тизел^[7].

Этот барсук, как и многие другие, пострадал под колесами автомобиля; потом его подобрала отдыхающая, возвращавшаяся домой с прогулки. Найдя в округе ветеринара, они оставили у него животное для оказания срочной помощи, а сами отправились восвояси. Никто не догадался ни спросить их имена, ни разузнать, в каком месте они нашли барсука, — так что получается, этот малый, как и Венди, потерял свою территорию. Я попыталась подружить его с Блюбелл точно так же, как прежде Маффина, и после традиционного выяснения отношений языком фырканья и шипения они приняли друг друга. Ему едва исполнился год, но он был очень застенчив и болезненно реагировал на необычные звуки. На этот раз Блюбелл спокойно отнеслась к новичку, и вскоре они уже ложились спать вместе, свернувшись калачиком. Похоже, им было очень хорошо, и хотя я старалась не контактировать с Тизелом (чтобы не очень его к себе привязывать), он привык к тому, что я время от времени отворяю дверь в барсучье жилище. Блюбелл оставляла его и бежала ко мне, а затем, наигравшись со мною всласть, возвращалась к своему сородичу (а он все это время даже не давал себе труда поднять голову).

Мы нередко задумывались над тем, будут ли у Блюбелл дети; особенно актуальным этот вопрос стал теперь — ведь мало того, что она бродила где вздумается, так ей еще и кавалеров на дом доставляли! Ответ на этот вопрос мы получили не скоро...

Я где-то читала, что в зимнюю пору барсуков лучше не тревожить, так что и в ту памятную зиму 1991 года я редко заходила к ним в гости. Как-то в начале января к нам приехали друзья — Боб и Дженни с детьми, мечтавшими посмотреть на зверей.

— А барсуков увидеть можно? — с надеждой спросила Дженни. Они запомнились ей, когда были еще крошками.

— Можно, если будете вести себя тихо, — ответила я. На радостях Дженни наказала детям вести себя тише мыши! И еще тише!

Я открыла дверцу, ведущую к гнезду, и мы все выстроились вдоль стекла, отделявшего нас от барсуков. Блюбелл дрыхла без задних ног на своей половине, а Тизел — на своей. Он спал, вытянувшись на спине, но, как тихо мы себя ни вели, все-таки проснулся и, испугавшись нашего неожиданного вторжения, юркнул в нору. Я отомкнула дверцу и позвала Блюбелл — пусть подойдет поприветствовать нас, но, к моему Удивлению, она даже не пошевелилась. Это насторожило меня — может, я что-то проморгала? Я вошла и погладила ее — рука почувствовала холод, даже соломенная подстилка показалась мне теплее. Неужели умерла?! С другой стороны стекла за мной напряженно следили глаза гостей, и я сказала им, что она утомилась и лучше прийти как-нибудь в другой раз — авось тогда она встретит нас приветливее. Заперев дверцу, я повела гостей в дом пить чай, стараясь не выдать тревоги, охватившей мою душу.

К счастью, семейство, пробывшее с нами целый день, вскоре отбыло восвояси. Проводив их, мы с Дерекком тут же бросились к барсучьему гнезду. Тизел по-прежнему скрывался где-то в норах; я же кинулась к своей Блюбелл и взяла ее на руки... Нет, жива: выгнула спину, подняла голову, взглянула на меня, но, похоже,

не узнала. Я плавно опустила ее на пол и накрыла соломой.

Вернувшись в дом, я позвонила Дагу — спросить в чем дело. Он объяснил, что, хотя барсуки и не впадают в спячку, они в это время года спят особенно глубоким сном и иногда по нескольку дней, а то и недель не высовывают носу из норы. Так-то так, но вопрос, просто ли Блюбелл впала в глубокий сон или серьезно заболела, остался открытым. С одной стороны, не хотелось беспокоить ее, с другой — вдруг она нуждается в медицинской помощи?! Коль скоро она не теряла в весе и аппетит у нее был по-прежнему отменный, я решила оставить ее в покое — пусть все идет своим чередом, как предписано природой. На завтра она снова проспала весь день, но, когда я пришла к ней на третий день вечером, она бодрствовала да еще до отвала наелась бобов.

Для барсуков характерна так называемая «отложенная имплантация» — это значит, что эмбрион может оставаться в теле самки, не развиваясь до поры до времени. Предполагается, что это происходит, когда в теле барсука запасено недостаточно гормонов. Ну а в период подготовки к зиме, когда барсук стремительно набирает вес, гормоны запасаются в жировом слое. В зимнюю пору тело барсучихи питается за счет накопленных запасов жира, при расходовании которого значительная часть гормонов высвобождается и циркулирует по организму. Это приводит к имплантации и началу роста зародышей, так что, вне зависимости от того, когда произошло зачатие, барсучата появляются на свет по большей части в январе — феврале.

Однажды вечером в конце февраля я вывела Блюбелл на прогулку — мне и в голову не приходило, что она на сносях: брюшко у нее было хоть и жирненькое, но плоское. На следующий день нас

ожидал сюрприз: Дерек, первым вошедший в барсучье гнездо, увидел, как Блюбелл причесывает языком двух малышей. Он тут же кинулся ко мне, а я в это время разговаривала в конторе с нашими работницами Джин и Эдной. Мы все вместе бросились смотреть на прибавление барсучьего семейства. К тому моменту Блюбелл уже причесала своих крошек и устраивала себе круглую постель из соломы. Улегшись полумесяцем и уткнув голову в передние лапы, она была похожа на тихую бухту, защищавшую детенышей. Мы долго не могли налюбоваться на эти покой и умиротворение, как сбывшуюся наконец мечту. При мягком свете лампочек, освещавших гнездо, мы наблюдали, как копошатся барсучата, отыскивая соски, — а ну, кто быстрее! Но вот они благополучно присосались, энергично заработали крохотными розовыми язычками и при этом плавно поглаживали мамино брюшко лапками, подгоняя молоко. Детеныши, едва ли четырех дюймов в длину каждый, были совершенно розовыми, без всяких иных отметин. Мы были потрясены.

Я тут же позвонила Дагу и поделилась с ним новостью. С того времени, как мы обнаружили Блюбелл в заторможенном состоянии, прошло семь недель и два дня. Джин поутру ушла решать кое-какие вопросы с банковскими счетами, а возвратилась с бутылкой вина и открыткой, поздравляющей тех, у кого родились близнецы, каковую мы и прикрепили на стекло, отделяющее нас от жилища Блюбелл.

Людам редко удастся увидеть барсучат, потому что рождаются они глубоко под землей (тут едва ли скажешь «появляются на свет»!). Разве что кто-то наткнется на них случайно. А мы имеем счастье наблюдать, как они подрастают, и при этом не тревожить мамашу! Я долго не мыла стекла, через которые мы смотрим на барсуков, так они успели

зарасти грязью; но я решила подождать еще пару дней. Вопрос в том, как на мое вторжение отреагирует Блюбелл. И вот, вооружившись тряпками и чистящими средствами, я вошла к ней в жилище... Блюбелл немедленно выскочила мне навстречу, стряхнув присосавшихся к ней детенышей; они протестующе заверещали. Бросившись мне под ноги, она обнюхала мои туфли — и, слава Богу, этим и ограничилось. Я не пыталась приближаться к детенышам — едва домыв стекло, я выскочила вон. Барсучиха как бы намекнула мне: делай что хочешь, но детей моих не трогай. Такое вот мы с ней заключили джентльменское (точнее, дамское) соглашение. Вернувшись к себе в «палату», Блюбелл как следует перетряхнула соломенную постель, привела ее в порядок и, улегшись, подтащила детенышей своими могучими когтями (которые, оказывается, могут быть такими ласковыми!). У детенышей, которым уже исполнилось три дня, на голове хоть и слабо, но начала обозначаться полоса, а на тельце — чуть-чуть пробиваться шерсть. Как только они оказались в тихой гавани материнского тела, верещание стихло. Детеныши были еще совершенно слепыми и глухими, и их защита полностью зависела от матери. В иных книгах можно прочесть, что барсучиха спит не вместе с детенышами, а отдельно от них, но Блюбелл спала только с ними, и, даже когда им стукнуло восемь месяцев, они по-прежнему спали в одном помещении, сбившись в клубок.

С каждым днем барсучата все крепили, но только в четырехнедельном возрасте они научились реагировать на звуки и лишь на шестой неделе стали видеть и походить на настоящих барсуков, хотя и миниатюрных. На наших глазах детеныши сделали свои первые шаги, начали играть, катаясь кувырком, точно щенята, и натываясь на специально положенные корни деревьев, а потом мамаша с волнением уносила их прочь. Порою

они бывали особенно шаловливы днем; бедная Блюбелл хотела спать, да разве уснешь, когда тебя теребят зубками за уши и щекочат коготками брюхо: мол, проснись, поиграй с нами! Но если уж Блюбелл заснула, можете о ней позабыть. Дело обычно кончалось тем, что барсучата капитулировали и заваливались спать прямо поперек ее тела, а ей хоть бы хны. Только раз был случай, когда Блюбелл отправилась меня встречать, а один из детенышей последовал за нею. Взволнованный тем, что попал на новую территорию, он носился вокруг мамыши, точно шмель, верещал от радости и даже прыгал через мои туфли, совершенно не желая принимать в расчет мое присутствие. Я и не пыталась до него дотронуться (воображаю, какая бы в этом случае последовала реакция со стороны Блюбелл!), но все же мамыша поспешила увести его назад. Больше у меня контактов с ними не было — я, конечно, входила в гнездо, мыла стекла, не говоря уже о том, что ежедневно оставляла им пищу, но не общалась с ними, чтобы они остались дикими. Так будет лучше, если я хочу, чтобы они выжили в дикой природе. Я знала, что один из детенышей — самец, но поскольку они при мне ни разу не ложились пузом кверху, я не была точно уверена, у кого какой пол. Поэтому мы нарекли их нейтральными именами — Бракен и Ферн.

К тому времени я за свои прегрешения получила пост секретаря сомерсетской Группы по защите барсуков. Заседание комитета решили провести прямо на ферме. Прибыл Даг и сообщил, что один из членов комитета, Пат Тернер, задерживается: на дороге автомобилем сшибло барсучиху, и три дня спустя выяснилось, что у нее остались двое детенышей, вопящих от голода. Он и его помощники надеялись отловить детенышей, если те вылезут на поверхность, но те день ото дня становились все слабее.

Наше заседание началось.

Тут во двор фермы влетела машина — это приехал Пат. Он привез с собой еще одну нашу коллегу, Кэти, прижимавшую к себе (невзирая на блох) истощенного и жалобно кричавшего барсучонка — увы, только одного! Жильцы дома, возле которого произошла трагедия, обещали поискать другого, но так и не нашли — по-видимому, он так и остался навеки под землей. Я ввела детенышу под кожу целительную жидкость, завернула его в чистое одеяло, положила водяную грелку и позвонила в ветеринарную клинику. На дежурстве в тот момент был Колин, и, как всегда в таких случаях, мы договорились встретиться в клинике. О заседании все позабыли начисто: я велела продолжать без меня, а сама покатила к врачу. Всю дорогу барсучонок (это был мальчик) жалобно кричал. Осмотрев его, Колин решил поставить капельницу, и я вверила барсучонка его попечению.

Когда на следующий день я приехала его забрать, он выглядел уже гораздо лучше, живее, а еще вчера тусклые глаза ярко заблестели. Шерстка у него пробивалась, точно колючки, и за это он получил имя Тистл — Чертополох. Он был на пару недель старше детенышей Блюбелл, но и этой разницы оказалось достаточно, чтобы он не смог привязаться ко мне так же, как они и другие барсуки. Поэтому я никогда не выходила с ним гулять. И все-таки он был очень забавным барсучонком, хотя пугался неожиданных шумов или движений — что ж, так и нужно, чувство страха свойственно всем рожденным в дикой природе! Полный жизни, Тистл был готов на любые проделки, доказательством чему служит дырка в коврике, который когда-то лежал у нас на кухне. Однажды ночью он прокопал ход в кухню, нашел там щель между досок в полу, а поскольку она была закрыта ковриком, ему ничего не оставалось, как прогрызть в нем дыру. Слава Богу, поутру, готовя завтрак, я обнаружила эту дырку и

в продолжение всей утренней трапезы не вылезала из-за стола, зажимая дырку ногой, чтобы Дерек ничего не заметил. А мотом съездила в лавку и купила новый коврик.

Между тем барсучонок хорошел на глазах — кто бы узнал в этом карапузе прежнего заморыша? Вот только шерстка у него по-прежнему торчала, так что, как выяснилось, имя мы ему дали подходящее. Настало время переводить Тистла в загон, но я боялась, что он пропадет там в одиночестве. Как всегда, помог случай. Мне позвонила Сью Бойс Коуркис из уилтширской Группы по защите барсуков. Они подобрали крохотную барсучиху, попавшую под машину, и хотя ее удалось выходить, у нее обнаружились странности в поведении: она не играла, не прихорашивалась и даже не верещала на, своем барсучьем языке. Мы подумали: а не поместить ли их в один загон с Тистлом? Может, он пробудит ее к нормальной жизни? Сью и ее супруг Майк привезли нам детеныша на следующий день. Тистл, к большой радости Дерека, был наконец удален из дома и помещен в загон; туда же поселили и Милли. Она была чуть моложе Тистла, у нее была более стройная фигурка и изящная, чуть скуластая мордочка, как и положено барсучихе. Тистл и Милли сразу понравились друг другу и на глазах обрадованной Сью свернулись в один клубочек. Я подумывала о том, чтобы со временем поместить их в одно гнездо с Блюбелл, но как это сделать, я еще не сообразила: ведь мне меньше всего на свете хотелось беспокоить Блюбелл и ее детенышей.

В течение нескольких вечеров я наблюдала сквозь решетку, как развивались отношения у Милли и Тистла. Бывает и так, что барсуки, которые дерутся друг с другом, все же спят в одном помещении, и потому важно наблюдать за ними, когда они бодрствуют. Поначалу Милли не обращала ни малейшего, внимания на попытки Тистла заигрывать с нею. Ложась на бок, он

слегка рыл землю передними лапами и мордой и перебрасывал комья через подругу; она же, уткнувши мордочку в передние лапы, только постанывала: ой, как он мне надоел! Но в чем Тистлу нельзя было отказать, так это в настойчивости, и вот уже несколько вечеров спустя я имела удовольствие наблюдать, как они сперва причесывали друг друга, а затем бегали, точно щенята, играя в барсучью чехарду. Право, барсуку противопоказано одиночество, ему нужна компания! Поэтому, когда я снова ездила к Колину показать ему сипух, я охотно взяла у него барсучонка-мальчика, чтобы поселить в одном загоне с Тистлом и Милли. Отдел дикой природы Общества покровительства животным, помимо всего прочего, занимается тем, что подбирает группы барсуков, потерявших свои земельные владения, и выпускает их на территории, которые держит под наблюдением. Они только что подыскивали участок для последней остававшейся у них барсучьей семьи, а после к ним поступил этот барсучонок, и они не знали, что с ним делать. Уильям был всего на две-три недели моложе Милли и Тистла и потому чуть меньше ростом, зато ничуть не уступал им в смелости — он плевался и фырчал не хуже взрослого барсука. Мы поместили его в загон к Тистлу и Милли, и вскоре они свернулись в один клубок, а вечером он быстро подключился к их играм.

Все это время Блюбелл не подпускала Тизела к детенышам, и ему приходилось спать в другом помещении. В дикой природе барсук-самец не допускается в нору, когда у самки детеныши, и самцы в это время обычно скитаются по полям и лесам — только часть из них выживает, вот почему по весне находят немало мертвых барсуков. Как-то вечером я пошла проведать моих питомцев, и вдруг из загона до меня донесся страшный шум. Я со всех ног бросилась туда и при тусклом свете лампочек разглядела, как Тизел

таскает за шиворот одного из детенышей Блюбелл. Детеныши, которым стукнуло уже десять недель, свободно бегали по всему гнезду и загону. Так и в дикой природе барсучата примерно с восьминедельного возраста начинают вылезать из норы и исследовать окрестности, но не иначе как под присмотром мамы-защитницы. Однако Блюбелл почему-то не замечала творившегося безобразия. Я прикрикнула на Тизела, чтобы тот оставил детеныша в покое, и только тут она очухалась; поняв, что я рядом, она кинулась ко мне узнать, не принесла ли я поесть. Специалисты, ведущие наблюдения за барсучьими семьями, отмечали случаи, когда детеныши исчезали из гнезд; по-видимому, иногда в этом повинны самцы.

Я разговаривала со многими людьми на эту тему и слышала несколько гипотез о причинах разногласий между самцом и детенышами. Похоже, через десять недель после родов у Блюбелл началась течка и детеныши стали помехой самцу, желавшему вступить в брачные игры. Второе предположение — у Тизела, который был еще юн, не доставало терпения, как у более зрелого самца, и он во что бы то ни стало стремился Доказать свое превосходство. Ну а может быть, такая уж у него скверная натура, и он в любом случае напал бы на Детенышей. Ясно было одно: если Тизела оставить в одном гнезде с Блюбелл, он погубит детенышей.

Ситуация дошла до критической точки в субботу вечером, когда я, устав за день от наплыва посетителей и с трудом дождавшись конца работы, пошла запирать барсучатник. И что я вижу? Шея у одного из детенышей так жестоко покусана, что требуется наложить швы. Произошло это буквально секунду назад: кровь так и струилась на солому. Предстояло каким-то образом вытащить из гнезда барсучонка, с которым я прежде не контактировала, и сделать это так, чтобы Блюбелл не

смогла этому помешать. Естественно, я прежде всего позвонила в ветеринарную клинику узнать, есть ли там врач, способный зашить рану. Трубку взяла находившаяся на дежурстве доктор Никки; она любезно согласилась подождать, пока я привезу крохотного пациента, и я попросила Симона помочь мне его поймать. Почему Симона, а не Дерек? Напоминаю, день был субботний. А где проводит каждую субботу Дерек? Правильно, на поляне для крикета!

План у меня был такой: сначала ввести снотворное Блюбелл. А как это сделать? Я столько раз играла с нею, но ни разу не пыталась ограничить ее движений. Значит, сделать это нужно с первой попытки: если мне это не удастся и она убежит, я окажусь в еще более сложном положении. Симон ждал меня за стеклом со шприцем наготове, пока я поймала барсучиху и вытащила. Он подержал ее за загривок, а я меж тем ввела снотворное; через пять минут она была уже достаточно вялой, чтобы мы могли войти и отловить барсучонка — естественно, не забыв предварительно надеть прочные перчатки. Я представляла, в какое негодование придет моя разлюбленная Блюбелл, если очнется раньше, чем мы вернемся от врача. Запихав детеныша в ящик, мы заперли барсучатник, храня надежду, что Блюбелл не хватится детеныша раньше, чем мы приведем его. Мы сами взвесили барсучонка и ввели ему снотворное, чтобы Никки могла безотлагательно приступить к делу. Пока лекарство не возымело действия, барсучонок отчаянно вопил, протестуя против столь непочтительного обращения, а может — от страха. Но когда он внезапно затих, у меня мороз пробежал по коже: вдруг переборщила с дозой снотворного! Весь остаток пути молила Бога: только бы остался жив!

Никки тут же села за работу, не забыв при этом прокомментировать: «Ты когда-нибудь видела столько

блох?»

Работа горела у нее в руках, и вскоре я уже летела к дому, по-прежнему не зная, что делать дальше. Поместив барсучонка в отдаленный уголок, я отправилась в барсучатник посмотреть, как там Блюбелл. В гнезде ее не было, она куда-то убежала. У меня душа в пятки ушла, когда я увидела, что и второй детеныш тоже покусан и теперь забился в угол и дрожит от страха. Пока Блюбелл не вернулась, я вытащила барсучонка вместе с одеялом, на котором он лежал. Все решали мгновения. Отнеся барсучонка в комнату для больных животных, я обнаружила, что ссадины не такие уж серьезные, но лучше все-таки ввести антибиотик. К тому времени Симон тоже ушел, так что дома никого не было; я решила изолировать «владение» Тизела от остальной части гнезда (а где я раньше-то была?), вымыть барсучонка и ограничить свободу передвижения Блюбелл и ее детенышей ее собственными «палатами», а завтра решим, что делать с Тизелом.

Пока я возилась в барсучатнике, солнце клонилось к закату, так что было самое время идти закрывать кур. Все бентамки находились в полной безопасности, и я отправилась в сад, чтобы запереть гусятник и большой курятник. Тут я застигла на месте преступления Трипод (помните такую лисицу — она у меня удрала весной того же года). Она волокла за шею петуха-брама. Увидев меня, она сообразила, что лучше унести ноги, чем добычу, — бросив беднягу на траву, она задала стрекача, только пятки сверкали. Подобрал еще живого петуха, я заперла гусятник и курятник и отнесла птицу все в ту же «больничную палату», где поместила в загон с обогревом. Большого я для него сделать не могла — у него были повреждены мышцы шеи. И все-таки петух очухался и дожил до почтенных лет.

Теперь настала очередь заниматься барсучонком. Я завернула его как следует в одеяло, оставив незакрытым только раненое место, и обработала рану. Теперь я знала, что оба барсучонка — мальчики. Положив детеныша обратно в гнездо, я решила подождать до утра.

Как вы поняли, суббота — святой для Дерека день, и все заботы по дому — мытье полов, запираание курятников и прочее — сваливаются на меня. Зато уж воскресенье — святой день для меня. В эту разнесчастную субботу, со всеми ее треволнениями, мытье полов затянулось — в полдвенадцатого ночи вваливается Дерек, а я все мою пол. Очевидно, игра продолжается и после того, как стемнело, а потом ведь нужно Детально обсудить партию в целом и каждый удар в частности. Обычно это происходит в ближайшем кафе. «Сейчас я приготовлю тебе чашечку кофе», — сказал он, как бы извиняясь за то, что шатался чуть ли не до полуночи, а я до сих пор в Делах.

Когда я поднялась наверх, мой кофе уже давно остыл, а разбросанная повсюду одежда говорила о том, что Дерек завалился спать. Я снова сварила кофе, подогрела еду и только собралась было расслабиться и отдохнуть, как вдруг мелькнула мысль:, все ли я курятники закрыла?! А то ведь знаете, рыжие плутовки не дремлют. Я накинула куртку и побежала во двор. Ночь была светлая, луна освещала мне путь через яблоневый сад. Слава Богу, курятники оказались в порядке. Вернувшись домой, я заперла двери и только уселась за еду, как до меня донеслось жалобное блеяние.

Я насторожилась и прислушалась. Звуки раздавались не в саду, где находились овцы, а где-то около дома. Оказывается, ягненок соскользнул в канаву и хоть и выбрался оттуда, но с другой стороны, а потому не мог найти дорогу к своим. Я попыталась

вывести его через ворота, но голос матери звал его в противоположном направлении (где пройти никак было нельзя), и он всякий раз убегал назад, вдоль живой изгороди.

Я представила себе, как Дерек, блаженно свернувшись калачиком в постели, досматривает уже, верно, десятый сон. Ну, еще одна попытка, решила я, если не удастся, я разбужу его и позову на помощь. Слава Богу, мне удалось вытолкать ягненка за ворота, а навстречу уже бежала счастливая мамаша. Не распалась семья! — вздохнула я с облегчением, вернулась домой и в который уже раз села за ужин. Было около часа пополудни. На сей раз ничто не помешало мне закончить еду и нырнуть в постель.

— Что-то ты сегодня припозднилась, — пробурчал потревоженный Дерек, повернулся на другой бок и захрапел — со вкусом, но что-то слишком громко. Э, так, думаю, не уснешь! Какая сила удержала меня от того, чтобы закрыть ему лицо подушкой, одному Богу известно.

Следующий день прошел под знаком перемен. Тизел был выселен из гнезда, а после небольшой перепланировки в комнатках разместили Тистла, Милли и Уильяма. Тизела поместили в штрафной изолятор, то бишь в загон, где мы обычно держим выздоравливающих животных и где прежде находились трое вышеназванных барсучонка. Блюбелл проявила к соседям большой интерес, ни в чем не выказав раздражения. Тизелу предстояло пробыть в загоне пятнадцать суток, а после этого мы открыли дверцу — пусть возвращается к коллективу, если захочет. В первый день он действительно вернулся, а затем удрал насовсем. Куда — неизвестно. У него оставалась возможность «перенюхиваться» с Блюбелл через проволоку, он мог занять сооруженное ею «на всякий случай» гнездо — но предпочел уйти. В конце концов,

он знает, как найти ферму, захочет — вернется, не захочет — его дело. Мы каждый вечер оставляли для него еду возле загона, и каждый раз ее кто-то съедал, но кто — так и осталось тайной.

Прошла еще неделя, и я решила заменить проволочную дверцу, отделявшую Блюбелл с детенышами от трех других барсучат, на деревянную с круглым шестидюймовым лазом: если барсучата захотят, они могут пойти в гости к Блюбелл, а если та почему-либо их не примет, — беспрепятственно вернуться к себе: Блюбелл не сможет их преследовать, поскольку через такой маленький лаз ей не проскочить. Первым в «палату», где спали Блюбелл и детеныши, вошел Тистл и, шмыгая носом, собрался устроиться спать вместе с ними. Я не верила своим глазам: неужели все так просто?! Как бы не так! Блюбелл мигом почувствовала вторжение чужака, и вся идиллия мигом нарушилась. Тистл шмыгнул через лаз на свою половину, где оказался в полной безопасности и в компании друзей. Потом я весь день не спускала глаз с барсучатника, но никаких событий там больше не происходило.

Впрочем, нет. Проходя мимо с ведром воды, я заметила какую-то возню. Оказывается, Блюбелл пролезла-таки через отверстие в «палату» к троим барсучатам! Со страху бедняжки спрятались в одну из нор и сидели там, точно ряд сосисок в упаковке. Каким образом Блюбелл удалось проникнуть туда, для меня остается загадкой, но, хотя и с превеликим трудом, она в этом преуспела. Теперь же, разгоряченная, она тяжело дышала. Я вытурила ее вон; она же, споткнувшись о ведро с водой и опрокинув его, забавно распласталась на спине, точно панда; отчего бы не прохладиться в луже? Вскипели, а теперь остыньте, разлюбезная Блюбелл!

И она действительно остыла! Поняв это, я убрала все двери, и теперь Блюбелл, поначалу вылизав своих детенышей, отправлялась в соседнюю «палату» и вылизывала трех других. Любо-дорого было посмотреть, как все пятеро барсучат играли и прихорашивались, и думаю, далеко не все посетители осознавали, какая им выпала удача.

Однако в августе несколько недель подряд стояла очень жаркая погода, и барсуки забились в подземные ходы — возможно, чтобы быть ближе к отверстиям, куда проникал свежий ветер. Таким образом, при наличии целых шести барсуков мы не могли показать ни одного. Интересно, а как они в такую погоду ведут себя в дикой природе? Тоже выбираютя поближе к поверхности?

Расскажу еще о нескольких барсуках, которые особенно запали в душу. К их числу принадлежала барсучиха по кличке Сноудроп — Подснежник. Ее сшибла машина, и она долго пролежала без сознания на обочине; за это время птицы успели выклевать ей один глаз. Поначалу мы предположили, что это детеныш, так она была мала; ее организм был столь сильно обезвожен, что я прямиком повезла ее к Бэрри. Осмотр показал, что она — кормящая самка, но ее слабосильный организм в любом случае не мог бы выкормить детенышей, и их, вероятнее всего, уже не было в живых. Ветеринар поместил ее под капельницу, а по прошествии трех дней, когда ее состояние улучшилось, вернул мне.

Приехав домой, я положила ее на свежую соломенную подстилку в загоне для выздоравливающих. Она тут же свернулась в тугой шарик и уткнулась носом в брюхо, словно демонстрируя свое нежелание жить. Она была до того тощей, что кости проглядывали сквозь свисавшую кожу. Даже окраска ее шкуры была скучной и безжизненной. Она

отказывалась от пищи и воды, и, чтобы хоть как-то поддерживать в ней жизнь, я вводила ей под кожу питательные растворы. Я, как могла, пыталась успокаивать ее, говоря ласковые слова, но она по-прежнему выглядела несчастной, и я почти не сомневалась, что она не выживет. Тут оказался кстати ценный совет Сандры из Отдела дикой природы: намешай фирменный продукт «Комплан» с медом и взбитым яйцом и впрыскивай с помощью шприца ей в рот. И представьте, помогло: почувствовала, что вкусно, и сглотнула. Эту операцию я проделывала шесть раз в день; на третий день она уже стала поднимать головку, когда я входила в загон. С каждым разом все ниже держа шприц со вкусятиной, я в конце концов приучила ее есть с тарелки и начала замечать, что ей становится все лучше. Она постепенно прибавляла в весе, но редко бегала по загону, а хуже всего было то, что ее никак не удавалось приучить есть твердую пищу. Однажды Бэрри пришел ее проведать; я боялась, как бы он не поставил ей диагноз — повреждение мозговой деятельности, но он сказал только: понаблюдайте за ней еще немного, а там видно будет. Шкурка у нее уже лоснилась, и она даже стала интересоваться тем, что я делаю, хотя была по-прежнему малоподвижна. После двух месяцев кормления упоминавшимся выше деликатесом я попробовала было поморить ее голодом, чтобы приохотить к твердой пище, — ни в какую!

...Пришел сентябрь с нежными утренними туманами и осенними оттенками. Настало время открывать «барсучьи ворота» — пусть детеныши выглянут в широкий мир. В первую «ночь свободы» Блюбелл пришла к нам в дом, а барсучата откочевали куда-то далеко. К утру все вернулись, облепленные с ног до головы грязью, — да, видно, славно постраниствовали! Явившись, они устроили кучу малу, причем те, кто оказался внизу, во что бы то ни стало порывались

выбраться наверх, так что схватка оказалась нешуточной. Вскоре по саду пролегли их привычные тропки, и моя мама, которая так лелеяла свой уютный садик, пришла в негодование, когда увидела, что многие растения вывернуты с корнем. А что делать, если там, под корнями, такие вкусные жучки и червячки! Эти ценные находки еще больше вдохновляли барсучат. На лужайке появились отверстия для дыхания, а кучи земли, нарытые позади сеного сарая, свидетельствовали об активизации работ по постройке нового гнезда. Тем не менее барсуки до конца ноября продолжали возвращаться и свое прежнее жилище.

Сноудроп, разжиревшая, как горшок масла, по-прежнему находилась на жидкой диете, когда мне привезли еще одну барсучиху, которая, правда, побыла у меня совсем недолго. Джоуджоу, как и многие другие мои подопечные, была сбита машиной близ Канингтона, у нее оказалась сломана передняя нога и вывихнуто бедро. Но станет ли эта крупная барсучиха подругой Сноудроп? Ведь, как эта последняя ни разжирела на хозяйском меду и патентованных харчах, сама природа предназначила ей быть субтильной, так что она по-прежнему была вдвое меньше. Поначалу они, как и ожидалось, спали друг к другу спиной, отгородившись стеной из соломы, но прошло всего несколько дней, и они признали друг друга, а стена исчезла. Но и это не все — то ли Сноудроп сочла Джоуджоу конкуренткой в еде, то ли просто перестала капризничать, но от твердой пищи больше не отказывалась. Прошло еще два месяца, и Джоуджоу была совсем здорова, так что можно было выпускать ее на родную территорию. После этого Сноудроп недолго оставалась в одиночестве: ко мне, опять-таки через Общество покровительства животным, поступил барсук, которого я назвала Уит — Пшеница.

Прежде чем выпускать Джоуджоу, я специально съездила гуда, где ее нашли, чтобы отыскать ближайшее к тому месту барсучье гнездо. Когда же торжественному моменту настало время свершиться, с нами поехала ветеринарная сестра из клиники Колена Читэма по имени Бекки — она подобрала в свое время эту барсучиху и, естественно, заслужила право Увидеть, как та обретет свободу, не говоря уже о том, что она одна точно знала место. Бекки — миниатюрная длинноволосая женщина, одержимая страстью к животным. У нее восемь собак, множество крыс и мышей и все понимающая мама. Мы не могли не обратить внимания, что Джоуджоу вела себя смирно, пока ехала в ящике на заднем сиденье, но только мы прибыли на место и поставили ящик на траву, как она пришла в экстаз. Она почувствовала, что она дома! Когда мы открыли переднюю стенку ящика, она вышла, задержалась на секунду и глянула на нас, а затем шмыгнула сквозь кустарник и скрылась в норе, которую долго искать не пришлось.

По дороге домой мы с Бекки горячо обсуждали, какая это прелесть — возиться с братьями нашими меньшими. В это время предметом особой заботы Бекки была собачонка, которую она взяла из Дома собаки и кошки при Обществе покровительства животным. Бекки объяснила, что ее подо-. В брали в заброшенном кемпинге, и с тех пор у нее появилось четверо щенят. Какой она породы — трудно сказать: мама у нее — помесь пуделя с йоркширским терьером, а папа — такс; все щенки получились разные, и ей пока не удалось ни одного пристроить. Надо ли говорить, что я клюнула на приманку, заглотнув ее вместе с крючком, леской, поплавком и удилищем, и вернулась домой с лохматой шавкой, которую мы называли Поллианна (в честь теледиктора Ланн Полли, которую так любит передразнивать Дерек, а потом вдруг возьмет да

выключит телевизор: мол, Ланн Полли появляется и исчезает, по моему желанию!). Она и теперь моя любимица — такая милашка! Уже выросла, а все играет, как щенок!

Итак, начиная с ноября количество барсуков в нашем искусственном гнезде варьировалось — отчасти потому, что барсуки начали разбегаться и устраивать себе жилища вокруг фермы. Время от времени они по-прежнему забредают к нам во двор, но они стали по-настоящему дикими, и ни один не выказывает такой преданности, как Блюбелл.

По весне у меня возник план поселить Уита и Сноудроп вместе с Блюбелл, так как у последней не народилось новых барсучат. Каждое утро я осматривала сперва Блюбелл, а уж затем остальных барсуков. Но по мере приближения март месяца я стала сознавать, что в 1993 году у Блюбелл потомств не будет. А если уж честно, откуда ему было взяться? Она месяцами жила одна в своей «палате», никаких самцов со стороны.

Ну, а Уит и Сноудроп жили у меня в загоне для выздоравливающих. И вот в один прекрасный день я обнаружила, что они спят не вместе, свернувшись, как обычно, калачиком, а по разным углам загона, и тут я увидела на полу кровь. «Неужели подрались?!» — мелькнула мысль. Присмотрелась — и вижу: два крохотных барсучонка копошатся между передними лапами Сноудроп. Вот уж никогда бы не подумала, что у Сноудроп могут быть дети — она поступила ко мне такой больной! Новоявленная мамаша подняла голову и взглянула на меня, и хотя один глаз у нее был закрыт, она все равно казалась красавицей — в первую очередь от гордости за свое потомство.

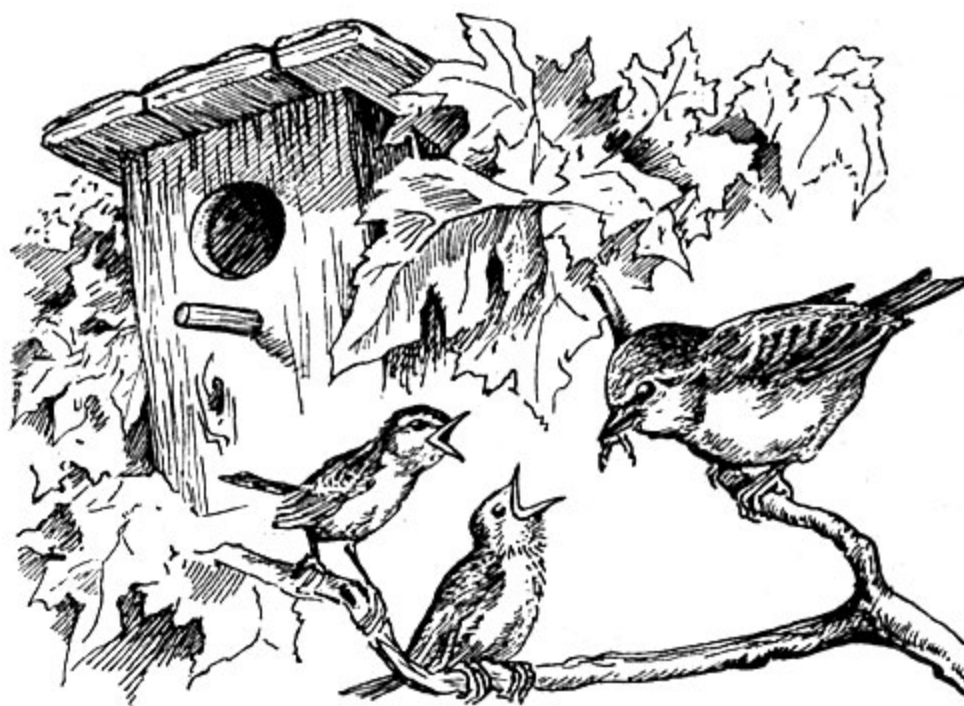
Я наблюдала за тем, как детеныши подрастали, как не могла нарадоваться на них родительница. Малышам (а это были мальчик и девочка) я дала имена Даек и

Доун (Сумрак и Заря). Когда я смогу даровать им свободу, это будет началом другой истории — истории успеха моего дела! А пока что все силы нужно сосредоточить на том, чтобы Сноудроп оставалась такой же здоровой и счастливой, как сейчас.

Глава десятая

Вы это тоже можете!

Мои родители встретились в годы войны — тогда оба служили в полиции в Грейвсэнде. Поженились в 1941-м, после чего война разлучила их на три года: папа добровольцем вступил в Королевские военно-воздушные силы, прошел курс обучения в Южной Африке, служил штурманом на бомбардировщике и участвовал в секретных воздушных операциях в Северной Африке, на Сицилии и в Италии. Только треть личного состава его эскадрильи дождалась победы. Когда война закончилась, папа вернулся в полицию. В 1946 году родилась моя старшая сестра Джуна, а в 1950-м — я (а то многие уже начинают гадать, сколько мне лет).

Отца не раз переводили по службе из пункта в пункт, так что мы исколесили почти все графство Кент, легко научившись приспосабливаться к новому окружению и заводить новых друзей. У нас с сестрой было замечательное детство, и неотъемлемой частью его всегда были животные. У нас обязательно жили собаки, а кроме них — кролики, морские свинки, канарейки, хомяки и прочая мелочь, не говоря уже о пресловутых золотых рыбках. Как сейчас помню: в обязанности отца входило вести собак на прогулку рано поутру, а мы с сестрой должны были вытирать им лапы, если шел дождь. Нас с малолетства приучали уважительно относиться к животным, равно как и к людям: все имеют право на место под солнцем, и не стоит ждать, что они всегда будут поступать так, как угодно тебе.

Кому я обязана терпением, так это нашей дорогой мамочке. В семье редко кто заболел, но если уж такое случилось, ее заботливые руки были тут как тут. Ну, а привычка подтрунивать досталась мне от отца — этим он даже прославился среди сослуживцев. Мне запомнился один рассказанный им случай. Будучи еще молодым констеблем, он патрулировал грейвсэндские доки. Однажды холодным ноябрьским утром он шагал дозором по направлению к причалу. Вот-вот должен был схлынуть прилив; сквозь тихий плеск воды слышался не умолкавший ни днем, ни ночью гул портовых механизмов. Вдруг до его ушей со стороны сумеречного берега реки донесся крик человека, и вскоре он увидел, что некий мужчина средних лет бежит к нему во весь опор. Отец остановился, оценивая ситуацию. Тут бежавший подскочил к нему — пот градом катился с его бледного как полотно лица.

— Чем могу помочь, сэр? — спокойно спросил отец.

Мужчина, совершенно обессилев, прислонился к фонарному столбу и наклонился, пытаясь перевести

дыхание.

— Я нашел труп, — сказал он, прерывисто дыша. — Я нашел труп!

— Скажите, сэр, где точно вы нашли тело, — спросил отец.

— Вон там, — простонал бедняга, — на берегу реки.

— Ничего страшного, сэр. Сейчас мы отвезем его в участок, оформим в Бюро находок, и если в течение трех недель за ним никто не явится, забирайте его, оно ваше! — сказал отец, чтобы разрядить ситуацию.

Иногда мы обитали в городах, но чаще нам выпадало счастье жить в сельской местности. Но куда бы нас ни заносило, первое, что нам приходилось искать, — где лучше выгуливать собак. Поэтому с раннего детства мы поняли, какое это наслаждение — гулять по полям и лесам, будь то с семьей, с друзьями или с собаками. Но уж так получилось, что я до поры до времени ничего не знала о диких животных — разве что мимо промелькнет лисица или кролик.

Моя мама — уроженка Кингстона-на-Темзе, отец — коренной лондонец. Поэтому, хотя они и любили сельскую жизнь, они поначалу ничего не понимали ни в дикой природе, ни в фермерском хозяйстве. (Отец шутил, что единственные Фермы, с которыми ему приходилось иметь дело, — это фермы мостов, куда его самолет обрушивал свой смертоносный груз.) То-то было удивление, когда мы с Джуной бросили школу и решили стать доярками! Мой отец, дослужившись до инспектора полиции, вышел в отставку в 1965 году и переехал в Сомерсет, где занял пост управляющего, а потом мирового судьи в Бристоле. Джуна тогда работала на ферме в Смардене, в Кенте; она там живет и по сей день — у нее четыре собаки, три лошади, два осла и один муж.

Свой трудовой путь я начала дояркой на ферме Пенниуэлл в Глостершире. Там было стадо гернсийских

и джерсийских коров и, кроме того, большое птицеводческое хозяйство. Коров заводили в специальный сарай и на шею им надевали цепи; в мои обязанности входило мыть им вымя, после чего фермер подсоединял к нему доильный аппарат. Через месяц после начала моей карьеры ко мне в гости приехали родители; я в это время как раз вела коров на дойку. Войдя в ворота, я позвала их, и коровы двинулись нам навстречу. Родители стали интересоваться, как зовут ту или другую корову — и надо же, какой конфуз! Я не смогла вспомнить ни одной клички! Но когда они прошли, я назвала всех поименно. А в чем причина? В том, что мне, как правило, приходилось смотреть на коров сзади, и я узнавала их по хвостам (ну и, естественно — как бы это сказать по деликатнее? — по тому, к чему эти хвосты прикрепляются). Прошло еще несколько месяцев, прежде чем я научилась различать их и по мордам.

С тех пор я перепробовала многое: то фермерство, то работа в гостинице, то в ресторане, пока я окончательно не поселилась в Сомерсете. Я немало трудилась на благо дикой природы и чем дальше, тем больше понимала важность знаний о животном в целом, о среде его обитания и территории, на которой оно живет. Стоит ли тратить часы, дни, а то и месяцы на выхаживание животного, которое ты собираешься выпустить в родную стихию, если не будешь думать о том, выживет ли оно на воле? Например, твой подопечный, которому полагалось бы вести ночной образ жизни, весело играет и резвится на солнышке — для тебя это должно стать предупреждающим сигналом.

Но даже если ты не хочешь возиться с животными, будь хотя бы внимателен к ним, и ты уже им поможешь. Это не потребует у тебя ни времени, ни сил. Знаешь, почему гибнет столько молодняка? Смертельными

ловушками для него становятся пустые бутылки и банки. Любопытный детеныш влезет в лежащую под углом жестянку, а вылезти обратно не может: скользко! По оценкам, по этой причине погибает до пятнадцати миллионов детенышей ежегодно. Пленниками пустых банок становятся ежи, залезая гуда головой, лисицы, барсуки и олени, попадая в них ногами. Пластиковая упаковка тоже может таить смерть: еж или чайка залезут туда целиком, и выбраться не смогут.

Может быть, лично у тебя нет привычки бросать в лесу мусор; но кто бы его ни бросил, он все равно опасен для диких животных. Если бы у каждого вошло в привычку подбирать все, что кругом набросано, насколько улучшилось бы положение вещей! Рассуждать об этом можно сколько угодно, по многие ли из нас готовы хоть что-нибудь сделать?

Все говорят, что ежи — сообразительные животные, но преувеличивать их смышленость, право, не стоит. Они нередко попадают в казусные ситуации даже у нас с тобой в саду. Скажем, хочешь выкопать у себя в саду пруд, помни, что к нему будут приходить напиться ежи. Позаботься о том, чтобы один из его берегов был пологим: если еж случайно упадет в воду, он сможет выбраться. Помни и о том, что ежу очень легко запутаться в сетках, натянутых для ползучих бобовых растений. Ну и конечно же, прежде чем поджигать кучу прелой листвы, убедись, не нашла ли в ней приют ежиная семья. Самое правильное — зажги огонь рядом и постепенно нагребай на него листья. А то ведь можешь обнаружить ничего не подозревающих жильцов, когда будет уже слишком поздно!

Развитие городов и поселков, увеличение площадей, застраиваемых домами, приводит к тому, что многие животные стал и адаптироваться к городским условиям жизни, особенно лисицы, а теперь до некоторой степени и барсуки. Мы уже добились принятия законов,

охраняющих барсучьи норы, но что толку, если мы строим свои дома прямо у барсучьих порогов и лишаем барсуков территорий, где они кормятся?

Старайся не слишком усердствовать, наводя в саду порядок. Поставь себя на место колючего друга — ему ведь для жилья нужны и улитки, и жуки, и места для постройки гнезд, и листва, и ветки, из чего их строить. Оставь участок, заросший дикими растениями, — птицам нужны семена и ягоды. И тогда множество пернатых будут гостями у тебя в саду, радуя тебя пением и красотой оперения.

Существует множество природозащитных обществ и групп, куда ты можешь вступить. Стоит обратиться в Общество охраны природы — и ты получишь сведения об организациях, действующих в твоём регионе. Нам повезло — в сомерсетском Обществе немало толковых, знающих и активных людей. Мы Разработали программу на год, включающую проведение экскурсий, показ кинофильмов, лекции, выставки и вечера встреч с местными жителями. В сферу наших забот входит также наблюдение за заповедниками, а их в Сомерсете свыше шестидесяти общей площадью три тысячи акров, так что нам всегда требуются добровольные помощники. А когда ещё выпадет шанс поработать бок о бок со специалистами и самому набраться опыта? У нас также есть специализированные группы, занимающиеся барсуками, летучими мышами, беспозвоночными, бабочками, мотыльками, растениями и геологией; есть и Юношеский клуб, побуждающий детей и подростков активнее познавать мир, в котором они живут. Но это, разумеется, лишь одна из возможностей принять активное участие в жизни природы своего края.

Бристольский университет предлагает различные курсы по дикой природе Британии, в том числе по заботе о диких животных. Недавно у нас был создан

Британский совет по реабилитации диких животных, имеющий целью консолидировать работу, проводимую по всей стране людьми, преданными делу спасения дикой природы. Идея заключается в том, чтобы систематически вести записи о происшествиях с животными и наладить обмен опытом, которого каждым из нас в отдельности накоплено так немного.

Мне посчастливилось сотрудничать в течение ряда лет с Отделом дикой природы при Обществе покровительства животным в Уаст-Хатч. Возглавляющие этот отдел Колин и Сандра никогда не отказывали мне в совете. Да что там говорить — просто побеседовать с единомышленниками и то очень полезно. Есть такой отдел и в Норфолке, да и где только нет — и всем нужны добровольные помощники! Если у тебя есть силы и время, которые ты хотел бы отдать природоохранной деятельности, проконсультируйся в местной библиотеке, какой группе ты мог бы быть полезен.

Впрочем, иногда Общество покровительства животным критикуют: то оно якобы не хочет идти на контакт, то вообще не заинтересовано в работе... Такая критика исходит в первую очередь от тех, кто в попытке дозвониться до Общества наткнулись на одно из самых ненавистных мне изобретений человечества — автоответчик... Но поймите, Общество покровительства животным — такая же организация, как и множество других, здесь привыкли бережно относиться к рабочему времени. Поэтому правильнее, если сотрудник будет время от времени изучать поступившие звонки и отвечать на них, чем сидеть целый день у аппарата в ожидании, что кто-то позвонит. А ведь число сотрудников очень ограничено, как ограничено, например, число инспекторов, на попечении каждого из которых — большие территории. Вот где бывают полезны специализированные группы — в частности, по защите барсуков, которым Общество покровительства

животным и переадресовывает сообщения о происшествиях с этими зверями.

Между тем заинтересованность в нормальной жизни дикой природы растет, и в отдельные периоды, особенно по весне, когда на свет появляется множество детенышей, нагрузка на Общество неизмеримо возрастает.

Тогда обращаются за поддержкой к авторитетным людям, обладающим опытом и возможностями. Разумеется, и в нашем деле бывают ошибки; ну а я, положив руку на сердце, разве могу утверждать, что никогда и ни в чем не ошибалась? Да и другие не могут, если искренни в своих ответах. Когда допускаешь ошибку, самое правильное — извлечь из нее урок, разобраться, как в дальнейшем поступать в аналогичных ситуациях, и сделать все возможное, чтобы не повторить ошибку в будущем.

Расскажу об одном таком случае, который приключился у нас на ферме вскоре после того, как она была открыта для широкой публики, и, по воле судьбы, имел счастливый исход. Читатель помнит, как много у нас на ферме разных пород домашней птицы; иные посетители имеют счастье видеть, как вылупляются цыплята. Куры обычно — примерные матери и согревают цыплят своим телом. Однажды Симон зашел проведать бентамок и увидел, что один цыпленок вывалился из ящика, где его мать сидела на яйцах, и, очевидно, умер от холода. Подобрал его, Симоша поведал обо всем Дереку, который как раз закончил утреннюю дойку и возвращался домой завтракать. Взглянув на цыпленка, Дерек положил его в пустое ведро из-под кукурузы и, наказав Симоше проверить, в порядке ли остальные цыплята, отправился в дом. Плакать тут было особенно не из-за чего, такие случаи — в порядке вещей.

Убедившись, что с остальными цыплятами ничего не случилось, Симон перепрыгнул ограду и догнал Дереку.

— Ну как, кинуть его хорькам, что ли? — спросил Симон. (Уж вы простите ему несколько садистский тон: порою только так и можно снять напряжение.)

— Не смей, — одернул его Дерек. — Откуда ты знаешь, отчего умер цыпленок? Вдруг от болезни! Ты же не хочешь, чтобы и хорьки заразились! Брось-ка его в печку.

...Вот, пожалуй, самые грустные строки во всей этой книжке! Нашей печке «Рейберн», которая многие годы служит семье домашним очагом, даруя тепло и уют, приходится выполнять и скорбную функцию крематория, где рассыпаются в прах крохотные тельца тех созданий, которым не выпал жребий выжить! А что делать? Закапывать в саду нельзя: их непременно найдут лисы или барсуки. А сколько было случаев, когда мы приносили заболевшее животное греться у

печки, но судьба выносила свой приговор, и тельце отправлялось прямо в пламя!

В то утро я поставила на печку жарить орешки к завтраку, а сама удалилась на задний двор. Тут я услышала шаги моих мужчин; Симоша рассказал, что нашел одного цыпленка мертвым и бросил его в печку. Мужчины вымыли руки, я поставила на стол вино, а Дерек добавил: как жаль, что потеряли цыпленка, ведь у этой курицы вылупилось только пять.

Усевшись за стол, мы раскрыли утренние газеты и молча принялись за еду. Тут до нашего слуха донесся жалобный писк. Мы озадаченно переглянулись, гадая, откуда он мог бы исходить. К нашему ужасу, мы поняли, что он исходит из топки. Рванувшись к печке, Дерек распахнул дверцу и видит — на куче угля стоит дочерна перемазанный сажей Цып, который прекрасно отогрелся и настойчиво заявлял о себе: я живой, принимайте! Совсем как в старой байке: пожар в веселом доме, все вопят: воды, воды, а самый отъявленный гуляка, наперекор всем, требует: а нам шампанского, пожалуйста! Хорошо еще, что огонь в печи только начинал заниматься, да и топливо было свежим, поэтому Цып даже не успел обжечь себе лапки! А если бы огонь уже успел разгореться? Тогда бы, наверно, меня всю жизнь мучили кошмары!

Итак — если увидишь мертвого цыпленка, убедись в том, что он действительно мертв. Цыплята иногда просто коченеют от холода — сначала отогрей. Животные, которые впадают в спячку, тоже могут казаться мертвыми; чтобы не ошибиться, приложи к пасти зеркало (от дыхания на нем останутся следы пара) или послушай сердце — дешевый стетоскоп купишь у любого ветеринара за пять фунтов.

Особо внимательными нужно быть к барсукам. Немало их становятся жертвами дорожных происшествий, но ведь барсук может прийти в себя и

после очень тяжелых травм. Поэтому, увидя на обочине барсука, которого сшибла машина, не спеши записывать его в покойники. Может быть, он просто в бессознательном или шоковом состоянии и поддастся лечению.

Если найдешь покалеченное животное, сначала накрой его одеялом, а коли такового не окажется — любым куском ткани. Тем самым ты уже немного снимешь ему стресс. Если животное крупное, как, например, косуля, достаточно накрыть ему только голову. Не пожалей наволочки, отрежь угол, чтобы ей было куда сунуть нос для дыхания, и надень на голову — это будет идеально. Если животное сохраняет какую-то подвижность, постарайся не стеснять его движений — это важно для выздоровления.

Когда сталкиваешься с проблемой, связанной с дикой фауной, не спеши, сперва дай оценку ситуации. При этом, пока думаешь, не приближайся к раненому зверю или птице, чтобы не испугать. Между прочим, подумай о том, как отрезать ему путь к возможному бегству, — поверь, нет ничего более душераздирающего, чем вид смертельно раненого животного, обращающегося в бегство. Помни, если оно убежит, оно обречено на затяжную мучительную смерть. Лучше уж дождаться еще одной пары рук, чем одному предпринимать героические усилия, которые могут и не дать результатов.

Возможно, ты не захочешь брать на себя ответственность и лично везти пострадавшее животное к ветеринару. Тогда, накрыв животное тканью или поместив его в ящик (который тоже надо накрыть, чтобы отбить у него охоту вырваться наружу), позвони в Общество покровительства животным, или в известный тебе природозащитный центр, или в местную ветеринарно-хирургическую службу, а если никуда не дозвонишься, то в полицию.

Но предположим, ты все же решил отвезти животное к врачу. Положим также, что причина травмы — дорожное происшествие. Сначала найди ящик или коробку, в котором ты повезешь пострадавшего, — даже если оно без сознания, вполне возможно, что в теплой машине оно придет в себя. Помни, что любое животное, у которого есть зубы, может укусить, если оно испугано или находится в незнакомой обстановке. Оно-то ведь не знает, что ты хочешь ему помочь, и непременно попытается сопротивляться — конечно, когда оно в не слишком тяжелом состоянии. В любом случае будь осторожен, поднимая его на руки, — вполне вероятно, что у него покалечена также и спина.

Возможно, ты не сразу отыщешь ветеринара или он не сможет немедленно пригласить тебя на прием. Поэтому, если ты неподалеку от дома, привези пострадавшее животное домой и помести куда-нибудь в теплое, темное и спокойное место. Особенно важно тепло. Напоминаю еще раз: как бы искренне ты ни стремился помочь животному, оно-то об этом не знает, и всякое твоё действие может быть воспринято им негативно. Сама по себе поездка в машине — дополнительное травмирующее обстоятельство для пострадавшего, поэтому подумай о нем: не включай радио или магнитофон, не подпускай к нему собак: вообрази, что будет твориться на душе у несчастного при виде мохнатого противника, с интересом обнюхивающего ящик! Делай медленные, нерезкие движения, говори с пострадавшим мягким тоном — я уверена, оно услышит ласку в твоём голосе. Первая помощь животным оказывается по тем же принципам, что и людям, так что главное — не паникуй. Если речь не идет об открытой кровоточащей ране, животное лучше оставить в покое. Старайся не слишком часто смотреть на него.

Твой следующий шаг — найти врача, готового принять дикое животное. Это не всегда легко, но если найдешь такого — твое счастье. Мы не знаем, как благодарить судьбу за то, что она свела нас с Колином Читэмом и Бэрри Парсонсом — они столько сделали для нас и готовы делать еще! Истинный айболит, леча диких животных, обычно берет плату только за израсходованные материалы и при этом охотно делится с тобой знаниями и опытом, чтобы впоследствии, столкнувшись со сравнительно простыми ситуациями, ты мог справиться с ними сам. Конечно, овладение этим искусством потребует времени и практики. Любой врач, делаясь с тобой знаниями, непременно скажет:

— Невозможно стать квалифицированным ветеринаром только с помощью книг. Если вы возьметесь пользоваться четвероногого или крылатого пациента, основываясь только на книжной теории, есть опасность, что вы причините ему большие муки и страдания, чем те, от которых стремитесь его избавить.

Если ветеринара нельзя отыскать немедленно, то, дожидаясь его, поставьте страдальцу воды. И совсем хорошо иметь жидкие молочные продукты, содержащие минералы, необходимые для выздоровления. Эти продукты можно получить у ветеринара или фермера, у которого покупаете провизию. Разиодите и давайте понемногу.

Итак, четыре самые необходимые пострадавшему животному вещи: тепло, покой, вода и темнота.

Рекомендую книгу В.-Дж. Джордана и Джона Юза «Забота о диких животных» — я читаю ее как Священное Писание. Открой — и увидишь, сколько ценных сведений, да и читается легко. Книга разбита на главы, посвященные конкретным животным; в каждой подробно описывается все — от поимки и кормления до выпуска на свободу. От себя добавлю только, что с тех пор, как появилась на свет эта книга,

придумано много новых заменителей молока — лучших, чем те, о которых в ней рассказывается. Конечно, есть масса других книг, но эта, по моему мнению, удобнее всего для пользования.

Птицы в большей степени, чем млекопитающие, подвержены смерти от шока, поэтому требуют иного обращения. Лучше всего на несколько часов оставить их в покое, даже прежде чем везти к ветеринару. Лишь бы им была доступна вода. Если они выживут в течение этого критического периода — значит, можно отправляться к врачу.

Некоторые виды животных охраняются законом, и для их содержания требуется особая лицензия. К таковым относятся дневные хищные птицы, барсуки, сони, серые белки, норки и летучие мыши. Это не значит, что их нельзя подбирать с целью спасения, но о том, что они у вас в руках, следует известить Общество охраны природы.

И еще один момент: встретив зверя или птицу, не спеши отлавливать его или ее и увозить домой. Иногда мы слишком торопим события, особенно в том, что касается птенцов. Когда птенцы подрастают, они покидают гнездо, но родители по-прежнему продолжают их кормить, находя по жалобным крикам, каковые мы нередко принимаем за призыв о помощи. К этому времени у птенца уже появляется чувство страха перед людьми, так что, если ты его подберешь, он может вовсе отказаться принимать пищу. Правильнее вообще не трогать птиц, кроме случаев, когда им угрожает опасность.

Нередко люди подбирают барсучат, лисят и оленят, когда их мать на самом деле находится где-то неподалеку. Значит, если увидишь детеныша, не спеши подбирать его — постой рядом и понаблюдай. Вмешательство требуется лишь в том случае, когда животное находится в состоянии стресса, бьется в

судорогах или кричит. Если известно, что его мать погибла, уже перестав кормить детеныша молоком, лучше приноси ему еду к норе, гнезду или клади прямо на землю, чем брать в неволю. По крайней мере, так он не утратит территорию, где живет.

Я воздержусь от рекомендаций по лечению животных — обучать этому в любом случае должен опытный руководитель. Но все же тем из вас, кто захочет принять активное участие в деле спасения животных, советую понять, как важно вести дневники и записи. Нелишне помнить и другие элементарные правила — скажем, клетки с хищниками нужно держать подальше от животных, которых они могли бы съесть. Не стоит нервировать ни тех ни других!

Помни еще вот о чем: выхаживая попавших в беду братьев наших меньших, ты вступаешь в отношения не только с ними, но и с людьми, которые их подобрали. У них, как правило, тяжело на душе при виде страдающего существа, порой они начинают безосновательно корить себя за то, что с ним приключилось. Если они поймут, что твои добрые руки действительно готовы позаботиться о нем, они успокаиваются на глазах и обычно платят благодарностью, если ты выкроишь время и сообщишь о результатах — даже в случае неблагоприятного исхода.

Как я уже не раз писала выше, люди нередко допускают грубые ошибки в отношении братьев наших меньших. Однажды в десять часов вечера мне позвонила одна леди и рассказала, что они с мужем пытались выманить утку с только что вылупившимся выводком из соседского сада, чтобы защитить от собаки. Утка не поняла, что ей хотят добра, и, столкнувшись с опасностью, решила улететь и оставить детенышей на произвол судьбы. Расстроенные тем, что спугнули утку-мать своими действиями, супруги отловили всех семерых, посадили в ящик и отнесли к

себе в гостиную. Там они положили возле ящика микрофон, который подключили к находившемуся на улице репродуктору в надежде, что утка-мать, услышав крики своих птенцов, прилетит. Как бы не так!

Гоня от себя мысль, что это очень печально кончится, я только сказала:

— Сейчас темно, едва ли она прилетит. Поставьте ящик куда-нибудь в теплое место.

— Лапочки, они, наверное, молочко пьют, — предположила дама. Услышав это, я с трудом удержалась, чтобы не прыснуть от смеха. Я объяснила, что лучше предложить им крошек от печенья, а если супруги ко мне приедут, я дам им для утят что-нибудь посущественнее. Но самое главное — поместить их в теплое место.

— Не беспокойтесь! — ответила мне дама.

На следующий день рано поутру к нам во двор вкатила машина. Из нее вышли мужчина и женщина со скорбными типами. Как и следовало ожидать, они не придали особого значения моему совету относительно тепла. В результате за ночь пять утят из семи отдали концы. Я сказала супругам, чтобы они не слишком занимались самобичеванием, — ведь шок, который получили птенцы в результате поимки и разлуки с матерью, сделал свое дело. Гости протянули мне коробку, и которой сидели два оставшихся в живых утенка — один с виду был в полном порядке, второй — не очень: голова у него списала набок. Мы направились в помещение для наседок — одна из кур сидела на яйцах, оказавшихся, по-видимому, без плода. Может быть, пристроить ей утят? Я уже не раз пробовала так — как правило, неплохо выходило. Обычно я провожу такую операцию ночью, но на сей раз проделала ее с утра: мягко держа утенка в руке, я сунула его под курицу и извлекла из-под нее яйцо. Мы отошли на несколько шагов и стали наблюдать, что произойдет.

Это была крупная белая суссекская курица. Услышав писк из-под своего гофрированного наряда, она склонила голову набок, спокойно прибрала солому вокруг гнезда и снова склонила голову, прислушиваясь. Затем она решила заглянуть себе под брюхо и, обнаружив там нежеланного чужака, вышвырнула его из гнезда с выражением презрения.

— Ай, ай! Убила, убила! — завопила женщина.

Да нет, ничего с ним не случилось — он просто стоял на краю загона, удивленный таким обращением.

Поняв, что так дело не пойдет, я решила поместить обоих утят в ящик для самых мелких цыплят, оборудованный электроосвещением. Это квадратный ящик со стеклянной передней стенкой, а электролампочка, присоединенная к крышке, одновременно дает и достаточно тепла для обогрева. Утята уютно устроились среди теплых стружек. Глава семейства, поглядев на ящик, заявил, что хотел бы построить такой же, чтобы было в чем держать утят, когда они заберут их назад.

— Прекрасная мысль, — сказала я, — но пока езжайте домой и позвоните в одиннадцать утра. Есть опасность, что эти тоже погибнут после перенесенного шока. Если они к этому сроку останутся живы, то делайте ваш ящик и забирайте.

Машина умчалась, а я стала раскладывать для утят еду по блюдечкам. Вернувшись в курятник, я, к своему огорчению, обнаружила, что слабенький утенок лежит на спине лапками кверху. «Что же я, дура, не сказала еще и еще раз: поставьте их в тепло!» — костила я себя. Когда я вытащила из ящика крохотное тельце, другой утенок поплескался в воде и стал клювом вычищать перышки. «Ну, хоть один у них останется, — с надеждой думала я, — Небось будут холить и лелеять». С этой мыслью я бросила мертвого утенка в печку.

Час спустя я вернулась в курятник посмотреть, как идут дела у второго малыша. К моему ужасу, не выжил и этот. Я выключила лампочку, бросила утенка в печку и отправилась в контору. Я дала наказ своим сотрудникам — если в одиннадцать часов мне позвонят супруги, которые привезли мне утят, разъяснить им ситуацию. Но никто не позвонил.

Только кончили обедать, а знакомая супружеская пара тут как тут. Супруг с торжествующим видом сообщил мне, что только-только закончил мастерить ящик для утят. С тяжелым сердцем я сказала, что глава семьи напрасно трудился, и оба грустно опустили головы.

— Просила же позвонить в одиннадцать утра, неужели было так трудно! Сами видите, шок сделал свое дело...

С трудом сдерживая слезы, глава семьи проговорил:

— Я еще смастерил маленький гробик для пяти утят, умерших прошлой ночью. Мы хотим похоронить их возле сада, в том самом месте, где они появились на свет. Могли бы вы выдать мне тела тех двоих, чтобы похоронить их всех вместе?

Я как могла деликатно объяснила новоиспеченному гробовых дел мастеру, что два крохотных тельца преданы кремации как наиболее гигиеничному способу погребения. От этих слов супруги пришли в ужас и, как я ни старалась извиниться за свою бестактность, сели в авто и укатили. И с той поры к нам ни ногой.

В тот же день ближе к вечеру мне позвонил некто из местных жителей и сказал: у него в саду черный дрозд с подбитым крылом, могу ли я взять его на попечение? Сейчас он его привезет. И точно, вкатывает ко мне в сад и вручает — традиционную! — картонную коробку.

— А если он поправится, — спросил он, — смогу я забрать его обратно и выпустить у себя в саду?

— Отчего же нет, — ответила я, — А если он не поправится, хотите ли, чтобы я вернула вам его тело?

Тот рассмеялся: что вы, я даже не думал об этом!

— Знаете, почему я об этом спрашиваю? — сказала я, — Я только сегодня предала кремации два трупики, а оказалось, что их требуют обратно. Вот я и не желаю повторения ошибки!

Мораль: не избавляйся от трупа, если точно не знаешь, что его не востребуют.

А скорбных случаев может быть много. Даже у сотрудников Общества покровительства животным, при всей их опытности и преданности делу, благоприятные исходы составляют самое большее пятьдесят процентов. Значит, будь к этому готов.

И еще — учись доверять собственной интуиции. Ничего не может быть на свете хуже, чем поступать так, как рекомендуют другие, когда печенкой чувствуешь, что по-другому было бы лучше. Сам же будешь потом обвинять себя в случае неблагоприятного исхода. Помни и то, что каждое животное — индивидуальность. Допустим, у миссис Смит барсуки охотно уписывают яичницу, тогда как твоим подавай патентованный корм — ну и пусть, важно, что и те и другие не страдают отсутствием аппетита.

Наконец, не следует забывать и о проблемах этики, а это уже полностью зависит от тебя. Я, например, считаю, что цель всякой заботы — выпуск животного обратно на волю. Только в тех случаях, когда животных вполне устроят условия существования в неволе и связанные с этим ограничения свободы — естественно, при наличии высокого качества жизни, — ты можешь держать их у себя. Но в каждом конкретном случае — гное право решать. Делай то, что тебе подсказывает совесть.

Не бойся ответственности. Ты спросишь: а если оно не выживет? Что ж, не забудь, что покалеченное или

осиротевшее животное, если ты не предпримешь мер по его спасению, обречено на смерть в любом случае. Помни также, что поймать его так просто не удастся: если дикое животное легко дается в руки, значит, оно в тяжелом состоянии. Но подумай, какое ты будешь испытывать наслаждение, когда выходишь его до полного выздоровления и вернешь в родной дом, в родную стихию! Это стоит любых усилий и трудов!

Правда, успех влетает нам в копеечку. Чем большую славу приобретают наша ферма и наше дело, тем больше увеличиваются масштабы работы, а с ними и затраты. В результате с 1992 года мы стали искать поддержки других людей. Так было основано «Общество Блюбелл», члены которого, становясь «друзьями фермы», оказывают нам финансовую поддержку. Это общество руководит работой группы, чья деятельность протекает независимо от нашей фермы. Патроном ее является хорошо известный постановщик фильмов Симон Кинг. Почему мы решили назвать общество именем барсучихи Блюбелл? Не только потому, что она — наша общая любимица, но и потому, что в 1992 году, родив двух собственных детенышей, приняла троих найденных как родных. Так что ее собственный вклад в наше дело очень велик.

Итак, забота о животных — дело дорогостоящее. Но коли ты искренне желаешь посвятить себя этому делу, оно принесет тебе огромную радость.

Я ни в чем не обижена судьбой, я стала свидетельницей и участницей многих удивительных историй. Даже возможность написать данную книгу — это шанс поделиться радостями и горестями, которых немало у каждого, кто связал свою жизнь с животными. Не могу не поблагодарить судьбу за то, что она послала мне такого понимающего супруга и такую прекрасную семью, готовую разделить со мною хлопоты и заботы, когда их полон рот. Как бы порою ни бывало трудно, я

счастлива — ведь редко кому выпадает удача жить в непосредственной близости с дикими и прекрасными созданиями.

notes

Примечания

1

Йомены (*англ.* Yeomen) — крестьяне в Англии XV–XV вв., ведущие, как правило, самостоятельное хозяйство.

Стоунхендж — кромлех (культовое сооружение) эпохи энеолита в Уилтшире, к северу от г. Солсбери. Вероятно, связан с культом солнца. Врытые в землю привозные тесаные камни (высотой 8,5 м) и лежащие на них каменные плиты (весом 6,75 т) образуют круг диаметром 30 м. Внутри — два круга из каменных столбов и десяти перекрытых попарно плитами камней, обрамляющие «алтарный камень». *(Здесь и далее примеч. перев.)*

3

Мелкая порода кур.

4

Граненая монета размером с наши 15 копеек, но чуть толще. В ходу с начала 1970-х годов, когда английский фунт стал делиться на 100 пенсов.

5

1666 год.

6

Badger (*англ.*) — барсук.

Teasel (*англ.*) — растение норсянка.